

БОРИС КРИГЕР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 6

КУХОННАЯ ФИЛОСОФИЯ

РАННИЕ РАССКАЗЫ

ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ
(ВНУТРИУТРОБНОЕ ЭССЕ)

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ВСЯЧЕСКИХ
«- ИЗМОВ»

© 2016 Boris Kriger
© 2016 Illustrations – Ira Golub

Редактор *Валентина Кизило*

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to altaspera@gmail.com

ISBN: 978-1-105-66445-8

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ЧТО ТАКОЕ КУХОННАЯ ФИЛОСОФИЯ?	23
(ОТ АВТОРА)	23
ПРОЩЕНИЕ КАК	24
СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ СВОБОДЫ	24
НЕВОЗМОЖНОСТЬ ПОЗНАНИЯ ДОБРА И ЗЛА	27
ЭВОЛЮЦИЯ ВСЕЛЕННОЙ В НАПРАВЛЕНИИ ЛЮБВИ	33
ИНОГДА ПРОСТО ХОРОШО БЫТЬ	42
ИЛЛЮЗИЯ ПОКОЯ И УМИРОТВОРЕНИЯ	44
О СВОБОДЕ ОТ СТРАХА	54
ЧУВСТВО ДОМА	55
ТЕРРОРИЗМ ЕСТЬ НЕ ПРИЧИНА, А СЛЕДСТВИЕ	57
ОЧЕРЕДНОЙ ФИЛЬМ: КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?	67
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. КАК ЭТО НИ СТРАННО.	69
СВЕТ	73
ТЬМА	77
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО	78
ИНТУИЦИЯ	85

СТРАСТЬ К ОКРУЖЕНИЮ СЕБЯ ПРЕКРАСНЫМ	86
ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОСТИ ИДЕИ	87
РАЗРУШЕНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЗИДАНИЯ	97
СОВЕСТЬ – СТЕРЖЕНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОРАЛИ?	107
ДИАЛОГИ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ –	113
ЭСТЕТИКА ПОИСКА ИСТИНЫ	113
В ЧЕМ БЫЛ ПРАВ ИЛИ НЕПРАВ КАРЛ МАРКС	118
БУДУЩЕЕ РАЗВИТИЕ ИСТОРИИ	135
ПРИРОДА СОВРЕМЕННОГО ВАРВАРСТВА	173
ПОБЕДА САТАНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?	190
ЗОЛОТОЙ ВЕК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	220
МОДЕЛЬ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА	228
ОТМЕНА ОБЩЕПРИНЯТОГО ПОНЯТИЯ ВРЕМЕНИ	255
ПОЕДИНОК ЧЕЛОВЕКА СО ВРЕМЕНЕМ	268
ОСОБЕННОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ	273
В ВОСПРИЯТИИ ВРЕМЕНИ	273
ОГРАНИЧЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА И СОЗНАНИЯ В ПОСТИЖЕНИИ И ОПИСАНИИ МИРОЗДАНИЯ И ПОНЯТИЯ ВРЕМЕНИ	287
ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РАМКАХ	294
НОВОЙ МОДЕЛИ МИРОЗДАНИЯ	294

ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ОПРАВДАНИЯ БРЕННОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ	299
ПИСАТЕЛЬСТВО	310
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА БУКВУ «А»	314
ЗАЧЕМ НУЖНО РАЗМЫШЛЯТЬ НА БУКВУ «А»	316
АБАЖУР	317
АББАТСТВО	319
АББРЕВИАТУРА	321
АБИССИНСКИЙ	323
АБИТУРИЕНТ	325
АБОНЕМЕНТ	330
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА БУКВУ «Б»	332
БАЛАГУРЫ	332
БАРДАК	335
БЕГСТВО	339
БЕЗНРАВСТВЕННОСТЬ	341
БЕССМЕРТИЕ	345
РАННИЕ РАССКАЗЫ	348
ФАНТАЗИЯ О ЗАМКЕ СИНИХ ДУХОВ	350
РОСКОШЬ	365

ЛУЧШЕ НЕ ЗНАТЬ	368
ЗАПАХ СОЛИ	376
РАЗВОД	381
ВЕЧНОСТЬ КОНЧАЕТСЯ СЕГОДНЯ	389
ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ	396
РАЗОБЛАЧЕНИЕ ВСЯЧЕСКИХ -ИЗМОВ	415
И ДАЛИСЬ НАМ ЭТИ -ИЗМЫ...	415
АБСОЛЮТИЗМ	418
АВАНТЮРИЗМ	422
АЛЬТРУИЗМ	427
АМЕРИКАНИЗМ	429

ПРЕДИСЛОВИЕ

В античной эстетике существовал термин калокагатия¹. Платон связывал калокагатию со счастьем, разумностью, свободной убежденностью, которая не нуждается во внешних законах и заключается в естественном умении правильно пользоваться жизненными благами. Калокагатия может стать для современного человека не менее точным мерилom, чем для античного, если только современный человек посмотрит на себя через призму вечности. Борис Кригер, автор «Кухонной философии», не побоялся ответственности и вступил в беседу с мудрецами всех времен и народов. Записанная на бумаге, закреплённая, уложенная во фразу мысль остается во времени — каждый пишущий бросает свой текст в копилку вечности. Благодаря письменности сохраняется память, опыт поколений. Благодаря русским сказкам — поэтическое мироощущение народа. И сейчас современный человек ищет тексты, связывающие его с прошлым, помогающие осознать настоящее и готовящие к будущему. Современный трактат Кригера «о правильном жизнепроедении» интересен в контексте вечности. Начиная с первого же рассказа, написанного в 1994 году, — «Фантазия о замке Синих духов», автор вовлекает читателя в очередную партию «игры в бисер», заявляя: «Я просто плагиатствую и вдоволь наслаждаюсь

¹ Калокагатия — древняя идея воспитания человека совершенного, предусматривающая гармоничное единство в человеке совершенства телесного сложения и духовно-нравственного склада, доброты и красоты. (Примеч. ред.)

творчеством, по сути означающим переливание из пустого в порожнее». По одним дорожкам с Софоклом, Катуллом, Чеховым вздумалось гулять автору, его пленяет «изумрудное свечение цветка», уж не той ли породы этот цветок, что и «Голубой цветок» Новалиса?

«Умеренность — вот в чем ключ к разгадке правильного жизнепроеждения». «Правильное жизнепроеждение» — это, конечно же, кредо обаятельнейшего Маськина, чья жизнь в обществе Плюшевого Медведя, охотничьих котов, Правого и Левого тапок и есть, в общем, образец. Кригер очень ценит «умение правильно пользоваться жизненными благами». В его произведениях, конечно же, есть место и «безобразному» — как эстетической категории. Кто же такой этот «философ» Маськин? «Маськин — это вы, если добавить немножко солнца... остроумной сатиры, безудержного хохота с размахиванием руками и топанием ногой по полу. Ха! Ха! Ха!» Смех — одна из главных составляющих творчества писателя. Борис Кригер предпочитает использовать все оттенки комического. И юмор, и иронию, и сатиру, и сарказм. Конечно же, автор развивает и передает современному читателю традиции сказок великого Салтыкова-Щедрина. Отрицание смехом, осмеяние — один из самых древних, исконных способов выражения неприятия определенных сторон действительности.

Небезынтересно сказать и несколько слов о языке книги. Какие же исторически своеобразные черты языка Кригера можно выявить? Стоит

рассматривать его во временном, географическом и культурном измерениях, на его язык — на синтаксис, строение фразы — влияет огромное количество предшественников. В ноосферу заброшено немалое количество риторических вопросов, возгласов, цитат, междометий, афоризмов, неологизмов. Они осыпаются в чуткие руки писателей новейшего времени, разбегаются фразами, конструкциями по текстам. Может быть, Кригер, как некогда какой-нибудь барочный автор, желает, помимо смысла, и формой фразы открыть глаза читателю на суету и призрачность, на жалкость и обман многих понятий? Поэтому и округлые фразы, и лапидарные экспрессивные конструкции, заостренные антитезы, стилизация под античный диалог — все работает на рождение в читателе «свободной убежденности». Но вернемся к сатире. «В выборном органе дебаты — это хорошо, это значит, демократия в ходу, а демократии обязательно нужно больше ходить и не засиживаться, потому что у нее и так сидячая работа, отчего у нее конституция потеет».

«Иногда Левый тапок так заносит налево, что он уже вроде как бы и справа, и тогда Правый так углубляется вправо, что практически уже совершенно левый... Обзаведясь двумя такими политически подкованными тапками, Маськин и вовсе перестал интересоваться политикой... Политическая карьера вредит домашнему хозяйству не только того, который ее себе избрал, но и всем остальным жителям тоже».

Это политический аспект, но и прочие аспекты человеческого «жизнеустройства» критикует, осмеивает автор, например, в рассказе «Вечность кончается сегодня» под его прицел попадают «одноразовые души», «одноразовые мысли». «Встанешь, бывало, достанешь новенькую душу из пачки... и напаялишь. Хорошо, чисто, удобно. Одноразовые мысли всем пришлись по вкусу. И думать их стало легко и быстро. Народу нравилось, а стране и подавно». Кригер прислушивается — о чем же говорят люди между собой... О времени, происхождении человека и Вселенной, пришельцах, совести, войнах, преступлениях, жизни, смерти, политике, хлебе насущном, голоде, экологии.

Кригер обсуждает и мифы, и «страшилки», и мракобесие, и гипотезы, и открытия человечества. А разве не то же происходит на всех «кухнях» мира? О чем говорит планета, каковы ее чаяния, потаенные мечты, на что направлены ее амбиции, страхи, какие у нее предчувствия? Как со всем этим обилием неврозов справляется любой человек, любой «Маськин» — и пытается понять писатель в своей «Кухонной философии». «Как мудрым дорог не тяжестью — ценностью жемчуг, так добрая книга пользой весомой ценна» — это слова Яна Амоса Коменского, великого чешского ученого-энциклопедиста, педагога, богослова, мыслителя и писателя XVII века.

В своей книге Борис Кригер аккумулировал многие важные аспекты культуры и из своего «далека» — Канады — смог донести их до читателя своей родины — России. Писатель родился в

России, долго жил в Израиле, некоторое время в Норвегии, ныне проживает замкнуто в дремучем лесу в Канаде. Он, конечно же, много ездил по свету, но нынешняя его оторванность от суеты мира предрасполагает к созерцательности и вдумчивости. Интерес к естественным дисциплинам у Кригера серьезный, подход научный. Но прослеживается и некая линия в его «Философии», которую хотелось бы условно назвать «педагогической», поэтому-то и Коменский, как еще один из «великих», правда, не приглашенный автором на «Пир», приходит на ум. В сказке «Ложечка, лампадка и вечерние дожди» запоминаются щемящие, грустные афоризмы Кригера: «Когда забредает чужая война, когда все пустеет в иных интересах, когда нет сил бежать и поздно оставаться — не дай нам Бог бессмертия, чтоб это без конца переживать»; «Кто не жаждет воздаяний, тот и не ведает кары. Нам кара — как глухим ругательства, в нас ими бросают, а мы бредем дальше как ни в чем не бывало». В «Размышлениях на букву А» — «публицистический задор», который является одним из многочисленных оттенков «Кухонной философии». «Не надо давать диким народам концентрироваться на своей дикости, и самое страшное — это оставлять их вариться в собственном соку». Но в то же время Борис Кригер, продолжая рассуждать, оговаривается: «Я не считаю, что быть диким племенем плохо. Плоскость цивилизации дикарей лежит в отдельной, параллельной социальной вселенной и никоим образом с европейской или другой цивилизацией не соприкасается».

От публицистики движется писатель назад, к вольтеровскому «Кандиду». «Нужно возделывать свой сад». И что же в современном обществе? Борис Кригер делает горький вывод: «Индивид не знает своего места и предназначения, не ведает, какой сад ему возделывать». Этому выводу предшествуют размышления, необыкновенно совпадающие с мыслями русского педагога XIX века К. Ушинского о том, что не у всех изначально одинаковые данные, и индивиду А. не удастся достичь статуса Б. Правильное воспитание, считал Ушинский, — нравственное воспитание, тогда и А. будет «возделывать свой сад», не оглядываясь на Б., не сравнивая себя с ним. Кригер отмечает: «Общественная пропаганда, воспитание, массовая культура заставляют индивидуума А стремиться к статусу Б... Незнание своего места вызывает постоянную неудовлетворенность собой, своей работой, своим домом, своими финансовыми возможностями». В эссе «В чем был прав или неправ Карл Маркс» Борис Кригер полемизирует с Марксом, с позицией «свысока» — нельзя устраивать по своему вкусу «справедливое общество» — людей-«морковки» рассказывать «по грядкам». На эту тему Кригер говорит с пафосом. Пафос как эстетический термин следует иметь в виду, читая этого писателя. Здесь налицо «единое эмоциональное, интеллектуальное и волевое устремление». «Я считаю... тип рассуждений [свысока] следует повсеместно запретить! <...> Если ты человек, то сиди и не возникай. Не дано тебе другими человеками помыкать. <...> Порядочный человек не должен доводить себя до такого

рассуждения». И, заостря полемику, Кригер добавляет: «Христос и Господь Бог наверняка не закладывали в свои “возлюби” обязательное применение инквизиции». Читатель, если сочтет возможным ощутить себя собеседником ли, учеником ли, оппонентом ли, будет включен в беседу.

В эссе «Диалоги греческих философов — эстетика поиска истины» Кригер пишет: «В беседе должен быть порядок, вкус, нерасторопность и, главное, обобщенная значительность... Беседа может цениться наравне с любыми радостями жизни, но эта радость давно похищена у человека». Кажется, Кригер эту радость пытается вернуть... Так вот, возвращаясь к эссе о Марксе, интересно дослушать до конца «собеседника» Кригера: «Маркс не учитывает совершенно роль капиталиста». Можем задать вопрос: а разве капиталист планирует «равномерное распределение капитала между населением»? Кригер отвечает «да» и продолжает полемику с Марксом: «Читая девятую главу первого тома “Капитала”, поражаешься, как он не хочет видеть, что предприниматель есть тоже человек со своими мотивами и действиями...» Чередование вопросов и ответов. Беседа позволяет прийти к следующему выводу: «По Марксу, капитал существует как бы спущенный с неба, предприниматель с его интересами, риском и мотивами игнорируется так, как будто он уже расстрелян».

Мы все читали роман Пушкина «Евгений Онегин» и помним, что Онегин в свою очередь

читал Адама Смита. Борис Кригер, добросовестно подготовившись к беседе с Марксом, также обратился к Смиту и убедился: любой человек, живущий обменом, — коммерсант! «Обмен есть величайшее провозглашение свободы человека. Коммунизм отрицает обмен. Если бы ощущение коммерсанта было заложено в каждого из нас — не ведали бы люди дурных идей сверхчеловеческого уровня — коммунизма», — такой вывод делает Кригер в этом эссе. Он апеллирует ко многим собеседникам, когда высказывает суждения по разным «вечным» вопросам, среди них Фрейд, св. Августин, Лейбниц, Ницше, Энгельс, Франс, Эйнштейн...

Декларируя «прощение как средство достижения свободы», автор не пугается, обнажив в себе, как и в прочих, «борца», оппонентами которого становятся другие «борцы» — ближние. Но прощение, отказ от борьбы — это путь к созерцанию. В «Размышлениях на букву А» Кригер пишет: «Я буду говорить об аббатстве своей души. Аббатство во мне — это освещенный утренним светом тайник, тайник, где можно жить в пространстве собственных мыслей, чистой любви и спокойствия».

И опять следует определить созерцание (эстетическое) как понятие философии: это термин, обозначающий начальную, чувственную ступень познания эстетического объекта. К созерцанию примыкает интуиция, и ей посвящено небольшое эссе. «Интуиция, скорее всего, есть форма укороченного пути мышления, где закономерности используются не на сознательном, а на

подсознательном уровне». И созерцательность, и интуиция — необходимые составляющие литературы. «Литература — это то, что между автором и самим автором в присутствии Бога... И литература, самосозерцательная и не пошлая, — вот путь, который необходим душе». Беседе необходимы паузы, как и емкие дефиниции. И вот новый круг вопросов, вступают в беседу новые собеседники. Время, материальность идеи, разрушение и созидание, иллюзии, Бог, любовь.

Итак, по Кригеру, любовь есть цель развития Вселенной; блестящий собеседник, поэт и мыслитель Фридрих Шиллер подтверждает: «Вселенная — это мысль Бога». Кригер идет дальше: «Единственное, вне чего не существуют идеи, это вне Бога». И далее писатель подводит нас к тому, что мы можем выбирать, какую окраску придать той или иной идее (позитивизм, негативизм и нейтральность). И мы, скорее всего, решим — позитивную, здравый смысл подсказывает. Любимый персонаж Бориса Кригера Маськин всегда выбирает позитивную, поэтому-то он «креативен и сонаправлен с созидательным процессом во Вселенной». А Маськин — это же мы, дорогой читатель и собеседник!

Итак, «разрушение — созидание», попав как антиномический аспект в поле зрения автора, рассматривается им среди прочих под таким углом зрения: «Жизнь... нашла уникальное средство против неизбежной энтропии системы (распыления энергии в пространстве). Живые формы материи не сопротивляются энтропии. Жизнь, не противясь

разрушению, не удерживает в своих объектах одни и те же атомы» и потому — «практически неистребимая форма существования». Конечно же, «краеугольным камнем» «Философии» является категория времени.

Борис Кригер времени уделяет так много внимания, потому что и на «кухонном», и на «вселенском» уровне это одно из самых болезненных, травмирующих, подчас сводящих все на нет, приводящих в отчаяние явлений, понятий, принципов... «Что, если нам только кажется, что оно идет, а на самом деле это такой же обман наших чувств, как в случае с восходом Солнца, звездным небом и перроном?» — это можно интерпретировать как «детскую» философию, «детскую» полемику, но затем следуют вопросы: время сна и время бодрствования — это одно и то же время? Рождается один из вариантов ответа: «Время — грубейшее допущение, необходимое для упорядочивания некоторых малозначительных событий нашей жизни». Но такой ответ не сможет до конца удовлетворить философа Кригера, и он идет дальше и предлагает мыслить категориями Вселенной, и тогда рождается смелое предположение. Допустим, «создав человека, Вселенная, по сути создала новую вселенную... Человеческое творение — компьютеры являются еще одной формой организации материи в нашей Вселенной. В ней нет проблемы направления скорости течения времени».

И все же, понимая болезненность для каждого отдельного человека и для планеты в целом этого

вопроса, Борис Кригер использует такую фигуру риторики, как обращение к нам всем: «Давайте примем время как частный случай нашего восприятия, частный случай существования материи».

«Кухонная философия» Кригера — новейшая философия: накопление понятий, реалий, категорий, переосмысление избитых истин, ostranenie, попытки сформулировать ускользающее... «Мне всегда были неприятны эпизодисты, живущие без особой направленности, цели или идеи», — без такого полемического выпада не обойтись тому, кто ставит перед собой задачу, отменив понятие эволюции, ибо «в рамках определения Вселенной-Бога понятие эволюции бессмысленно, как для нас бессмысленно понятие эволюции чайника по направлению от носика к донцу», предлагает осознать, что «свобода от себя самого есть величайший путь к более истинному мироощущению». Осознать, и что же дальше?

Времени нет, эволюции нет, есть Бог, любовь, созерцание, иллюзия «спокойного и мирного с собой и миром существования»... На то это и «Кухонная философия», чтобы заставить нас всех, пожав плечами — ну, опять уткнулись в неразрешимое, — обратиться к политике. Какая «кухня» обходится без споров о политике? А где политика — там сарказм, ирония, раздолье для фантастических предположений.

«Можно предположить, что глобальная цивилизация, управляемая единым образом, скорее всего, является утопией. Европейский союз,

сформировавшийся для того, чтобы экономически противостоять натиску США, есть объединение противоестественное и навязанное национальному самоопределению отдельных европейских стран».

Такова геополитика Кригера, а вот так видит новейший философ границы европейской цивилизации, поделив ее на северную и южную. Северная — север Франции, север Италии, через Австрию, наискосок, северные страны Восточной Европы, Прибалтика и Петербург. На скольких кухнях, обложившись картами, можно рассуждать теперь о правомерности такого деления и будущем цивилизации! Ну согласитесь, беседовать в таком ключе о политике достаточно интересно.

И конечно, в поле зрения автора, как, впрочем, любого втянувшегося в беседу о политике, — США, Россия, исламизм. «Россия движется к построению мощной государственности. Это КГБ-кратия — новая форма государства, управляемая спецслужбой. История пополняется еще одним чудо-государством на манер Спарты, с которым не так легко будет совладать». О России рассуждали философы прошлого — Данилевский, Соловьев, Ильин... Можно опровергнуть Кригера, предложить иной прогноз — на «кухне», естественно, дается слово всем.

А может быть, следует «годить», как предписывал в свое время в «Современной идиллии» Салтыков-Щедрин? «Годить» всем, но не писателю-философу, ему сподручнее «постоянное анализирование себя и окружающего»... «Это не недостаток, а преимущество. Подобный способ

делает жизнь живой, гибкой и неопределенной, как раз такой, какова она и есть как часть гибкого и неопределенного мироздания». И милейший домашний «кухонный» философ Маськин всегда выскажет «позитивную» идею. «Если в мире все тихо, то и не надо шуметь, а то будет трудно уснуть и у котов испортится настроение. Миру мир, а если попросит еще чего-нибудь, то сразу не давать, а пусть сначала мир вымоет уши, соберет игрушки... Просто в мирные переговоры надо всегда вплетать мирные угрозы, тогда дело и сдвинется».

Итак, книга Бориса Кригера прочитана. Что это? Хотите определить жанр? Затруднительно. Давайте опять обратимся к эстетическим категориям — а ведь это гармония! Представление о целостности и совершенной организации эстетического объекта, возникающее на основе качественного и количественного различия и даже борьбы составляющих его элементов. Античные мыслители разработали диалектическое понимание гармонии как сменяющих друг друга порядка и беспорядка, единства и борьбы противоположностей... Гармония, *sic*! И поверим самому автору, сочтя его текст вносом в копилку мирового эстетического пространства, который заключил свою «Кухонную философию» так: «И нет, вы знаете, литературы объективно хорошей или объективно плохой, как нет объективно хороших или плохих людей. Плодитесь и размножайтесь, товарищи писатели. И Дарвин нам в помощь!»

Борис Кригер, писатель-философ, заканчивая свое произведение обращением к «товарищам

писателям», подтверждает необходимость СЛОВА, письменности, смягчая мягкой иронией пафос. Итак, пусть же будет много текстов «хороших и разных», и пусть писатели читают их на всех «кухнях» планеты.

Наталья Стеркина, Москва, 2005

КУХОННАЯ
ФИЛОСОФИЯ

Трактат
о правильном
жизнепроведении

Mon évolution n'était jamais une
course vers quelque chose, mais une
évasion vers ailleurs.

Maurice Barrès

Мое развитие никогда не было
стремлением лишь к рассмотрению
какой-то конкретной вещи, а всегда
распространялось за ее пределы.

Морис Баррес^{*}

^{*} Морис Баррес (1862-1923) – французский писатель.

Что такое кухонная философия?

(От автора)

Кухонной философией презрительно именуют умничание по кухням, дилетантские взгляды, высказываемые простыми представителями рода человеческого, ищущими ответов на вечные вопросы философии, религии, политики, искусства. Увы, никто не дает мне удовлетворительного ответа, как пить горький каждодневный напиток жизни, о чем думать, к чему стремиться, на что надеяться. Всякому мыслящему человеку рано или поздно приходится решать для себя эти вопросы. В этом сборнике эссе я пытаюсь искать ответы для себя. Это просто мои мысли – ничего более. Они не являются ни счастливыми откровениями, ни научными теориями, ни нравственными наставлениями. Боже упаси, я ни на что не претендую, не потому, что не считаю себя неправым, а потому, что не желаю тратить силы и время на пустые споры. Примите мои мысли как некоторую данность, если пожелаете; если не пожелаете, забудьте о моем существовании, как не знали о нем до того, как открыли эту книгу. Ибо, говоря словами Декарта: «Кто берется давать наставления, должен считать себя искуснее тех, кому он их дает; малейшая его оплошность заслуживает порицания <...> я надеюсь, что [это сочинение] кому-нибудь принесет пользу, никому не принося вреда, и что все будут признательны за мою искренность».*

* Цитируется по французскому тексту: “Ceux qui se mêlent de donner des préceptes se doivent estimer plus habiles que ceux auxquels ils les donnent; et s’ils manquent en la moindre chose, ils en sont blâmables <...> j’espère qu’il sera utile a quelques uns sans être nuisible à personne, et que tous me sauront gré de ma franchise”. René Decartes,

Прощение как средство достижения свободы

Хотим мы того или нет, наша жизнь полна постоянными конфликтами, скрытыми и явными, вызванными объективными столкновениями интересов или вымышленными причинами. Жизнь сама по себе начинается с конфликта – наше рождение знаменуется криком новорожденного, личиком, сморщенным в гримасе неудовольствия, плача и протеста против той силы, которая выталкивает его наружу. В конфликтах протекает наша юность, зрелость и старость. Борьба есть вечный и неизменный спутник существования. Именно поэтому взрослый человек представляет собой опытного борца, тогда как главными его оппонентами становятся другие ему подобные борцы, называемые ближними.

Цикл борьбы включает бесконечное количество обменов ударами, пока противников не разводит судьба или пока они не находят себе, в результате опять же поворотов судьбы, новых партнеров по бою. Иногда людям удастся уничтожать друг друга более радикально, например, убивать или сживать со свету. Но таким крайностям мы пока не уделяем свое внимание. Нас больше интересует само состояние бесконечной борьбы, в которой пребывает человек от своего первого дыхания до последнего. Человек борется не только с себе подобными, но и с неодушевленными предметами. Я, например, долгое время наделял предметы ду-

“Discours De La Methode” [125]. Здесь и далее перевод мой.

шой, проникнутой, в основном, злонамеренными свойствами. Стукнувшись о какой-нибудь предмет, мы стучаем его порой в наказание. Нередко мы разговариваем с вещами, спорим с ними, угрожаем им. Конечно, нечего и говорить, что мы постоянно конфликтуем со всеми представителями живого – растениями и животными, насекомыми – кусачими и не очень. Насекомые вообще являются для нас заповедной территорией законного каждодневного убийства. О, как мы конфликтуем с Господом Богом! Или «судьбой», или любым другим названием для всего того, что в нашем сознании объединяет силы, не зависящие от нас и так или иначе правящие миром и нами. Мы боремся с законами природы. Особенно мы ненавидим гравитацию: почему люди не летают, как птицы? Не любим термодинамику: отчего ж так холодно зимой? Сердимся и ненавидим погоду, электроприборы и смерть. Факт неминуемой смерти вообще просто выводит нас из себя. Долгий процесс эволюции от сине-зеленых водорослей до тех, кем мы стали, твердо вписал на века в нашу жесткую память, что проигрыш есть нестерпимая обида и в конечном итоге граничит со смертью, которая нами всегда и воспринимается как проигрыш наибольший и окончательный. Процесс борьбы чрезвычайно жаден до наших энергетических ресурсов, которые растрачиваются в этом бесконечном круговороте обид, расстройств, нападений и оборон, ушибов и потираний ушибленных мест. Эта борьба, которая ранее сводилась к борьбе за выживание, теперь хоть и трактуется подобным образом, но таковой более не является. Проигравших или не ввязавшихся в современные

конфликты больше не убивают, и чаще всего они могут остаться жить и даже оставить потомство.

Итак, хотя бы частичный отказ от борьбы и участия в конфликтах в настоящее время необязательно обозначает неминуемую смерть, а посему у человека появляется уникальная возможность уделить хотя бы часть своей энергии созерцанию и отражению в себе вселенной, как раз тому, для чего и работала вся предыдущая эволюция от звезд, создающих тяжелые элементы, из которых мы состоим, до нас самих, которые, возможно, продолжим эту эволюцию далее, пусть не в биологическом, так в кибернетическом смысле.

Свобода есть возможность выбора, и отказ от участия в конфликте есть неотъемлемая часть свободы. Прощение обидчика, будь он стол, больно стукнувший вас ящиком, или ближний, в очередной раз предавший и обокравший вас, прощение врага есть путь к освобождению своей энергии на лучшие затеи. Борьба и ненависть, всегда сопровождающая эту борьбу, чрезвычайно разрушительны для духа и сознания. Даже если не принимать во внимание подход любви ко всему нас окружающему, который, наоборот, заряжает нас положительной энергией, борьба в некоторых случаях является нерациональной, поскольку чаще всего не может привести к окончательному уничтожению противника. Я пытался опровергнуть себя, как и во всех прочих выводах и убеждениях, и наконец от противного убедился в истинности своего предположения. Прощение наиболее выгодно прощающему во всех отношениях, ибо прощающий всегда более

свободен, чем прощенный, поскольку прощающий выбирает сам, прощать ему или нет, а прощенный всегда остается в роли объекта.

Невозможность познания добра и зла

Как и всё, что мы можем наблюдать, осознавать и ощущать, добро и зло есть вещи относительные и взаимоисключающие. То, что наблюдает себя как получающее добро, весьма возможно, получает это добро за счет другого, который в сем ничего, кроме зла, не видит.

Всяческое рассуждение на эту тему всегда вызывает некоторое беспокойство, поскольку обычно завершается такими выводами, которые неизбежно причиняют кому-нибудь зло.

Мы не будем останавливаться на весьма доказанном различии морали разных народов, времен и даже возрастов. Кантовский моральный закон внутри, которым, как и звездным небом, он не переставал восхищаться, может быть вовсе аморальным, вынеси его на поверку какому-нибудь аборигену или, может быть, даже мне.

Сократовское настойчивое стремление опровергать любые определения вообще делает проблематичным определять что бы то ни было.

Просто быть агностиком, отрицающим вообще какую-либо возможность познания истины. Но это низводит куда-то туда, в лепестковое существование, с дуновениями ветра как единственной опцией эстетического наслаждения.

Формулировки типа утверждения Блаженного Ав-

густина о времени (когда не спрашивают, что это, — то знаю, а когда спрашивают — то не знаю) тоже могут внести мало ясности в суть вопроса.

Зачем нам, людям, так важно разделение всего на добро и зло? Мы, конечно, допускаем и полутени. Что-то для нас — немного добренькое зло, а что-то — самую малость злобненькое, но добро. Однако всё равно подходим мы ко всему с этим мериллом. Конечно, как и практически всё, что у нас есть, мы унаследовали это деление на добро и зло у животных. Возьмите рыб — холодные, казалось бы, совсем безмозглые твари, а ведь тоже хитрят. Забросишь удочку, а они стоят, как небольшой эскадрон, плоские в прозрачной воде, и не решаются — то ли схватить приманку (то бишь добро), то ли это западня (то бишь зло). И не пишут об этом записок, видимо, только потому, что в воде бумага размокает.

Значит, моральный закон Канта, который умер вместе с ним в его груди, имеет своим корнем пользу и вред на животном, биологическом уровне. То есть тварь, не различающая добро и зло, в простейшем его понимании, обречена на гибель.

Конечно, с человеческой моралью всё кажется сложнее, хотя только кажется. Самопожертвование встречается и в животном мире — тогда, когда на кон ставятся польза и непопольза для рода, стаи, потомства. Самопожертвование во имя идеи, по модели а-ля Джордано Бруно, конечно, менее объяснимо на уровне животной простоты. Но признаемся, что что-то многих из нас отталкивает в подобном поступке. Чувствуем мы его противоестественность и, скорее, можем отнести к

суицидальным отклонениям, которые в той или иной степени посещают каждого.

Существуют ли добро и зло с точки зрения Вселенной? Взрыв сверхновой: что это – добро или зло? Это явление. Явление, которое мы или любая другая форма живой материи можем оценить по шкале пользы и вреда.

Мы полагаем Бога, каким бы определением мы его ни наделяли, неким термометром добра и зла, с инструментами поощрения и наказания. Может ли быть Рай без Бога? А Бог без Рая? А черт без Ада? А Ад без черта? Нет, в той лубочной картинке мироздания, которую мы наследуем из века в век, всё идет лишь в полном наборе. Да и атеисты лишь подменили названия да сузили понятия, но от этого вовсе не отказались от деления на добро и зло. Царство зла кажется вовсе даже наоборот царством добра – для того, кто в нем царствует.

Опять же, я повторюсь – сии рассуждения вовсе не для того, чтобы заключить, что ни добра, ни зла нет и что всё – теперь можно обижать котят и детишек (хотя если детишки являются детишками змеи, то они являются змеенышами с весьма сомнительным статусом). Рассуждения эти для того, чтобы определиться, чтобы ввести правило, что «добро» или «зло» не должны употребляться как безотносительные понятия. Их употребление без упоминания того, для кого, или по чьему мнению, или относительно чьего и какого внутреннего морального закона они употребляются, влечет за собой огромный вред, ибо позволяет лицу, оперирующему понятием «добра» и «зла» в чистом, «абсолютном» виде, творить как раз то самое зло по

отношению к другим, а подчас и к себе самому.

Давайте разберемся, что мы понимаем под муками совести. Это – когда мы совершаем что-то, что считаем злом, или не совершаем чего-то, что считаем добром? Но как отличить муки совести как истинное сравнение со своим моральным законом от страха перед наказанием тем, что сильнее нас и имеет иной моральный закон, чем внутри нас (общество, Бог)? Может ли внутри нас быть иной моральный закон, чем внутри Бога? Да. Хоть Бог и включает нас, как свою составную часть, мы вполне можем нести частицу, отличную по свойствам от общего.

Пожалуй, спорно утверждение, что раз определение Бога есть абсолют, то мы, являясь частью этого абсолюта, не можем быть его «плохой» частью. Можем. Как убийцы и грабители являются частью общества, но не несут часто в себе того же морального закона, как остальные части общества, или его усредненного морального закона.

Мы знаем, что существуют два вида мук совести. Один – когда мы страдаем от того, что, по сути, ожидаем возмездия. И второй – когда нам плохо самим по себе. Эти два вида легко отличить. Если ты спросишь себя (свой моральный закон) – сделал бы я опять то же, не угрожай мне никакое земное или небесное возмездие, – и если ответ «да», – то это первый вид «мук совести», каковыми они на самом деле и не являются. Второй же вид даст ответ «нет», не сделал бы. Вот он-то и является настоящими муками совести.

Но проблема-то в том, что и сам моральный закон внутри нас претерпевает определенные постоянные

изменения, особенно под воздействием внешней среды. Это и есть то, что мы называем «чистосердечным раскаяньем», то есть не для выгоды, под страхом наказания, а для того, чтобы привести свои поступки в соответствие со своим измененным под воздействием внешней среды и самого себя моральным законом внутри.

Что же касается звездного неба над головами, почему же Кант провел такую параллель? Что он имел в виду? Неизменность, фундаментальность, даже «вечность» звезд? Эстетику (красоту) блеклых точек на черном фоне? Иллюзорность звездного света, отмечающего места на небе, где в данный момент, пока этот свет до нас долетел, давно уже нет сместившихся источников этого света?

Моральный закон внутри нас гибок и подвижен. Голод легко оправдывает кражу; опасность — агрессию и даже убийство. Нет морального закона зрелого или незрелого. Он меняется, как под дуновениями ветерка, любыми позывами плоти, давлениями извне. Наша слабая память дает нашему моральному закону простор для существования в качестве предмета постоянного ваяния.

Удобно принять за точку отсчета мой моральный закон, сиюминутный слепок, и судить относительно его о добре и зле внутри и снаружи. Но какой же это закон и какая же это мораль, если нет ничего более непостоянного, чем подобная переменность?

Удобно полагать, что закон сей есть закон, и тем самым дает право на суждение и осуждение...

Удобно полагать, что Бог судит нас по тому, насколько мы сами соответствуем своей совести, и заключать, что грешник, не страдающий муками совес-

ти, вовсе и не грешник, поскольку он не погрешил перед своей совестью, поступал по совести, а следовательно, тем и хорош...

Увы. Хотя я и против лубочного определения воздаяния и кары, это звучит нелогично. Выходит, разбойник по горло в крови, революционер, террорист есть не грешник, раз он поступает по своей совести. Следовательно, зло оказывается добром, и вообще теряет какой-либо смысл определять эти понятия.

Христианская мораль наиболее совершенна из всего, до чего дошли человеческие души (если, конечно, отбросить религиозно-свечную мишуру). Она утверждает, что лучше раскаявшийся грешник, чем просто праведник. Вообще, конечно, лучше один грешник, чем два праведника, особенно если он и вправду раскаялся. Значит, на одного грешника меньше...

Итак, выходит, мораль ценит не факт существования морального закона внутри, пусть хорошего, а факт поиска и нахождения нового морального закона. То есть наиболее ценно не само добро или отсутствие зла, а процесс поиска.

Природа вообще, будучи весьма консервативной дамой, страшно не любит догмы и отсутствие движения или какого-либо другого проявления материи. Ведь если материя, понятие, идея, что угодно, себя никак не проявляет, оно не существует или никак не отличимо от несуществующего. Природа же сама по себе за существование, поскольку, как всякая вещь, для того, чтобы существовать, тоже должна себя проявлять.

Итак, процесс изменения морального закона есть процесс природный. Безусловно, в любом

изменении необходима стадия фиксации, стабилизирования, более медленного движения. Свет, который движется слишком быстро, вообще не имеет массы... Возможно, эта аллегория не имеет смысла в физическом плане, но в философском весьма интересна.

То, что мы обозначаем «познанием добра и зла», есть не результат, а процесс. То есть познать нельзя, но познавать можно. Доехать нельзя, но ехать можно. Кто поспорит со мной, что в лунную ночь я, подпрыгнув на месте, не начинаю полет на Луну? Пусть даже не имея такого намерения. Ну давайте представим прибор, непредвзятый, как все несломанные приборы, и спросим его: что это было за движение, когда я подпрыгнул? Он скажет правду: объект начал движение по направлению к Луне. Потом добавит: “Mission aborted”, в момент, когда родимая гравитация верно и надежно плюхнет меня обратно на Землю.

Как процесс полета к Луне возможен, хоть и долететь невозможно, именно так же возможен процесс познания добра и зла, именно как процесс, но не результат.

Эволюция Вселенной в направлении любви

Любовь – это искренний интерес в каком-либо объекте или явлении. А также это отражение объекта или явления в себе. Можно определить любовь как признание наивысшей ценности отражаемого в себе объекта, осознание его

уникальности и непревзойденности.

Простое отражение известно и в неживой природе. Однако нельзя сказать, что гладь озера, отражающая свет звезды, любит этот свет или влюблена в эту звезду. Возможно, сие подходит для поэзии, но не для предмета нашего обсуждения.

Итак, любовь обязательно включает в себя акт осознания и возвышения через это осознание, поглощение объекта или явления без его разрушения в виде отражения.

Любовь вовсе не подразумевает под собой некий контакт с предметом или явлением. Она даже необязательно предполагает материальное существование предмета любви. Достаточен один лишь его образ, воспоминание, предчувствие или идея. То, что человек может испытывать по отношению к объектам или явлениям в повседневной жизни, есть лишь частичное обозначение того, что можно назвать любовью.

Вселенная не проводит жестких границ между живой и неживой материей. Мы можем проследить судьбу каждого составляющего нас атома от момента его сотворения в ядрах звезд, в вспышках сверхновых. То есть в результате эволюции Вселенной с постепенным накоплением всё более тяжелых, а следовательно, более сложных элементов происходит образование основы для более сложных конгломератов материи с уникальными свойствами, которых не было у составных частей, из которых эти формы материи образовались. В сущности, движение этой эволюции идет по направлению усложнения систем организации материи. Грандиозные звезды, как бы они ни были несо-

поставимы с нами, ничтожными, по размерам и длительности существования, всё же являются гораздо более простой формой существования материи. Всё равно что сравнить печку и компьютерную микросхему. Несопоставимость энергетических ресурсов и потребностей только подчеркивает тот факт, что сложность системы является неоспоримым мерилom эволюционной иерархии.

Жизнь, как мы ее знаем, нашла уникальное средство против неизбежной энтропии системы (распыления энергии в пространстве). Живые формы материи не сопротивляются энтропии. Они являются открытыми системами, для которых важна сама концепция их организации, а не конкретные составные элементы, которые могут постоянно заменяться. Это делает живые системы практически бессмертными. Жизнь на Земле не прерывалась ни на мгновение с момента ее появления, поскольку жизнь постоянно порождала новые живые объекты, разрушая старые.

Таким образом, если воспринимать биосферу как единый объект живой материи, она стара почти так же, как сама Земля, если не старше, принимая во внимание возможность верности теории того, что жизнь была занесена на Землю извне.

Итак, живая материя, отказавшаяся от привязки к материальной, конкретной основе конкретных, определенных атомов, является субстанцией, принципиально стоящей на более высоком уровне прогресса эволюции Вселенной. Ее принципиальный отказ от конкретной материальной основы позволяет жизни существовать вне рамок материального существования Вселенной.

Такой, казалось бы, гораздо более вечноживущий предмет, как скала, всегда состоит из одних и тех же атомов, которые порой несколько миллиардов лет назад застыли в единую форму и с тех пор не покидали этого объекта. Но стоит разрушить эту скалу, и более не будет данного объекта как материальной единицы. Жизнь, не противясь разрушению, не удерживает в своих объектах одни и те же атомы и, тем самым, – более долговечная и практически неистребимая форма существования.

Конечно, разрушить конкретный живой объект, если только он не очень быстро бежит, гораздо легче, чем разрушить скалу, однако концепцию самого живого объекта разрушить невозможно. В другом уголке Вселенной расположи подобные атомы в подобном порядке, помести их в среду подобных атомов – и вот и побежал живой объект, запрыгал кролик, зазеленел листик. Разрушенную скалу восстановить в другом уголке Вселенной из других, пусть и подобных атомов невозможно, поскольку это будет уже другая скала.

Утверждать, что это тоже будет другой кролик, нельзя, поскольку кролик полностью сменяет набор своих атомов каждые несколько месяцев, и это то же самое, что утверждать, что кролик А каждую секунду становится кроликом В, как только из него исходит какой-нибудь очередной выделившийся атом.

Итак, жизнь начала новую страницу истории Вселенной, когда объекты и системы перестали зависеть от конкретной материи, но, однако, продолжают зависеть от какой-либо материи вообще, потому что если на другом конце

Вселенной не найдется полного набора тех же атомов, – кролик не побежит...

С возникновением сознания жизнь сделала следующий шаг в своей эволюции – теперь человеческое сознание может произвести образ кролика, который может быть воспроизведен на другом конце Вселенной без необходимости использования тех же элементов материи.

Существует бесконечное количество способов кодирования образа кролика. Есть немало способов и для передачи этого образа на расстоянии. Жизнь, произведя сознание, теперь не зависит не только от конкретных элементов материи, но и от самой Вселенной вообще.

Какую бы другую вселенную вы ни вообразили, – хоть без материи и без энергии, – но если всё, чем бы эта другая, гипотетическая вселенная ни определялась, можно выразить сочетаниями символов 0 и 1, вы сможете воспроизвести не только образ кролика, но и любой образ вообще.

Создав человека, Вселенная, по сути, создала новую вселенную, которая только начинает зарождаться. Человеческое творение – компьютеры являются еще одной формой организации материи в нашей Вселенной. Не так ли? Они состоят, так же, как и мы, из атомов, образующихся в ядрах звезд. Однако именно они, компьютеры, начинают образовывать новую вселенную, в которой основой материи и энергии являются символы 0-1, символы двоичного кода. Эта вновь образующаяся вселенная не подчинена нашим законам физики и термодинамики. В ней нет проблемы направления скорости течения времени. Я, безусловно, имею в ви-

ду виртуальную реальность, образуемую компьютерами. Тот факт, что эта реальность напоминает нашу, объясняется лишь тем, что мы используем компьютеры для наших насущных целей, однако это вовсе не умаляет тот факт, что открытие подобной возможности является новой ступенью именно в эволюции Вселенной.

Вообще мне не понятен термин «другая вселенная».

Если «вселенной» обозначать всё существующее, могущее существовать и не могущее существовать, – другой вселенной быть не может, и это определение как раз и может быть легко перенесено на Бога. Поскольку, как не может ничего находиться за пределами всего, включающего и это ничто, так и не может быть уголка Вселенной, не входящей в состав Бога, поскольку, по определению Бога, он должен включать в себя всё. Не может быть и части Бога вне Вселенной, поскольку если Вселенная включает всё, то она не может не включать чего-то еще.

Итак, объединив понятие Вселенной и Бога, мы можем сказать, что эволюция их обоих привела к возникновению новой формы существования, которая независима от них, от материи и пространства, а поскольку это противоречит нашему определению Бога и Вселенной, следует сказать, что как только такой акт созидания происходит, его продукт немедленно становится частью Вселенной-Бога, поскольку, по определению, ничто не может быть вовне всеобъемлющего Всего.

Теперь займемся самим понятием «эволюция».

Можно ли воспринимать эволюцию в отрыве от понятия времени? Безусловно, нет. Развитие, движение – все эти понятия неразрывны с понятием времени.

Давайте примем время как частный случай нашего восприятия или, если хотите, частный случай существования материи. Как мы можем определить время по отношению к нашему определению Вселенной-Бога? Входит ли всё прошлое во Вселенную-Бога? Безусловно, да, иначе бы это противоречило нашему определению. А будущее – входит ли оно в наше определение Вселенной-Бога? Безусловно, да. Мы ведь сказали: всё существующее, могущее существовать и не могущее существовать. Как раз в не могущее существовать и входит прошлое, не могущее существовать сейчас, будущее, тоже не могущее существовать сейчас, а также какое бы то ни было параллельное время, тоже не могущее существовать, но входящее в наше определение Вселенной-Бога.

Итак, в рамках определения Вселенной-Бога понятие эволюции бессмысленно, как для нас бессмысленно понятие эволюции чайника по направлению от носика к донцу.

Поскольку же мы можем мыслить лишь доступными нам пока категориями, можно осмелиться заявить, что Вселенная эволюционирует на наших глазах.

В каком же направлении? От носика чайника к донцу, или же обратно? Это-то нам и предстоит сейчас определить.

Мы заключили, что, во-первых, эволюция Вселен-

ной существует. Мы не являемся распыленной формой энергии. Каким-то образом образовавшиеся атомы материи всё-таки сливаются в образовании всё более и более сложных форм материи. Мы также определили, что эта эволюция протекает в направлении всё большей независимости от самой материи. В первой фазе объекты/системы зависят от конкретных атомов, из которых они состоят. Во второй фазе – жизненных объектов – появляется независимость от конкретных атомов материи, но остается зависимость от атомов вообще.

Третья фаза – возникновения сознания – создает возможность образовывать и передавать образы без привязки к каким-либо атомам вещества, а, наконец, четвертая фаза развития Вселенной, сделанная нами, а может, и еще каких-нибудь существ зелененькими ручками, – кибернетическая фаза, – не нуждается вообще ни в каких материальных принципах, и в каком бы своде физических законов вы ни пожелали воссоздать определенный образ, всё, что вам потребовалось бы, – это наличие чего бы то ни было и его отсутствие.

О, этот код гораздо совершеннее любых кодов ДНК, зависящих от огромного числа атомов.

Возможно, в своей основе, до которой мы никак не можем добраться, наша Вселенная и является результатом подобного 0-1 принципа. В конечном итоге, если упрощать до конца принципы нашей Вселенной, можно утверждать, что всё, что в ней есть, есть сама она, однородная Вселенная, с участками сгущения и разрежения, которые можно обозначить символами 1 и 0. Далее можно провести дальнейшие линии кодирования элементарных

частиц; скажем, электрон:
100111010110111010101110110111100101011011...

Нейтрино: 001100000111100110010100111011...

Или фотон: 0101100110000011110101000100...

Так что же, Бог есть огромное, бесконечное множество единичек и ноликов?

Человек – единственное известное мне явление во Вселенной, которое, встав не с той ноги поутру, может одним словом обложить всю эту вселенную: «Пропади всё пропадом!», – и понесутся во мрак небытия звезды с планетами, шаровые скопления, галактики, метагалактики, еще более супергалактики, и еще более супер-супер-супер...

А потом человек зевнет, выпьет кофе и скажет: «Ладно, хрен с ним, пускай будет...» – и понесутся обратно, причем под ручку с ядреным овощем, а точнее, с корнем хреном, опять супер-супер-супергалактики обратно в бытие, поскольку человек может то, чего не могут все эти супергалактики, – создавать образы сознания, не зависящие от материи.

Этот факт вовсе не значит, что обозначение Бога в 0-1 эквиваленте как-либо оскорбительно для него или для самого человека. Гораздо сложнее с кодом, состоящим из одних только нулей...

Итак, почему же Вселенная эволюционирует в направлении любви?

Потому, что по нашему определению любви как искреннего интереса и осознанного отражения какого-либо объекта в себе, мы с нашими новоявленными компьютерами и являемся наивысшим нам известным субъектом во Вселенной, отражающим в себе саму эту Вселенную

и испытывающим к ней неподдельный интерес.

Иногда просто хорошо быть

Сколько ни горюй об уходящей свежести дня, ничего не изменится. Уйдет. Сколько ни ворчи о бестолковости настроения, размышлений и мироустройства, – всё так и будет, как заметил еще скорый на женитьбы Соломон. Ах, как бы погрузиться в иное, неизведанное время, но не плоско, как в кино, а реально, более чем реально, почувствовать звуки и скрипы, шорохи и звоны, запахи и просторы... Какое время? Да любое. Только не наше... А были ли красными ткани в средневековье? Как-то трудно себе представить вполне современные облака, текущие по весьма обыденному небу. А там рубятся мечами, и кровь кровава, и смерть ужасна, и горе искренне, громко решаются судьбы тогдашней Европы... И всё серьезно и страшно не на шутку. А где-то в дебрях лесов влюбленные... и тоска расставания, и сухие губы, и тихое дыхание. И всё как теперь, но только тогда. Воображение – это исключительное прибежище поэтов и умопомешанных.

Или погрузиться в классических времен ароматы, портики, распевные голоса широколобых платонов. Поражающее слух восточное звучание греческого, который кажется таким невесточным, когда его не слышишь. Ведь всё это, вероятнее всего, как-то и когда-то так или иначе было. Когда-то случалось, дышало, шевелилось, говорило, являлось что ни на есть самой обычной и текущей реальностью,

бесконечно долгой, подчас невыносимо тягучей, но осязаемой, полной красок и бытия былью.

Да, множество раз прокрустово заучено обо всех этих истинах, но когда-то ведь звучали они эвриками? И вокруг античная аттическая ночь. Огромное во все концы небо с недавно названными созвездиями и с уходящей в сужающуюся перспективу колоссальной гулкостью Млечного пути. Распахнутая ночь над портиками, раскрашенными недавно отстроенными колоннами... Точно так же блистающее молодыми Плеядами небо, как выйдешь нынче в темном лесу на поляну – и вот оно тебе – аттическое небо, как тогда, но теперь, без звуков смелых, молодых, звучащих ново, того еще, не торгашеского, греческого языка...

Всё так же, как тогда, и я счастлив дышать воздухом – молекулами тех Афин, а может быть, в нас откликаются ласковые звуки каких-то еще более прежних, абсолютно преданных забвению цивилизаций? Вовсе не надо их знать, чтобы отлично себе представлять, как пахло их вино и как рос их хлеб, как крепили их быки и вращались их жернова. Когда-нибудь и наше мистическое время превратится в тот же самый изумительный танец воображения, которым теперь является любая иная явь.

Иногда просто хорошо быть частью всего этого мира, всех этих времен.

Иногда просто хорошо быть.

Иллюзия покоя и умиротворения

От чтения классиков всегда становится спокойно. С чем это связано? Особенно русских: Чехов, Толстой, Достоевский, да и Гоголь. Особенно каких-нибудь записок, писем, дневников. Кажется, пообщался с умным человеком. И не было ему надобности показушничать, умничать, красоваться. Может быть, это благодаря их авторитету? Как знать. А может, просто из-за неторопливости и обстоятельности тогдашней жизни. Уносят куда-то их записки и, хоть и к нынешним мыслям весьма современны, дают отдохновение душе и думе. Да, жаль, что более не прочесть у них ничего новенького.

Люблю я всякое подробное чтение, как то – книжка о земледелии у римлян или вот хотя бы «Остров Сахалин» Чехова. Особенно увлеченно я читал описание отхожих мест в острогах на Сахалине. Что-то приковывает мое внимание к эдаким скрупулезным подробностям.

Всяческое постепенное, накопительное, рутинное действие чрезвычайно эффективно. Пожалуй, бо́льшая часть вещей в природе имеет именно такую форму – постепенную, накопительную. Мне следует препоручать эти действия другим. Я очень страдаю от необходимости делать что-то повторяющееся, после-

довательное, накопительное. Действительно приходится делать насилие над собой.

Существует лишь иллюзия покоя и умиротворения. Эта иллюзия часто связана, как неким символом, с временами, местами, определенными людьми, образами или судьбами. Увы, стоит приглядеться получше, вникнуть в мелочи, подробности, и открывается та же унылая картина страхов, недобрых предчувствий, реальных и тайных опасностей... Каким бы привлекательным в своем успокоении сей символ ни был, стоит взглянуть – и не только никакого спокойствия не увидишь, а напротив, сплошные бедствия и неистовства судеб и духа. Вот Л. Толстой почему-то мне служил всегда символом неторопливой обстоятельности, вдумчивого спокойствия, непоколебимого общественного авторитета и уважения. Однако стоило мне вникнуть в подробности гонений и неприятия этого человека окружавшим его при жизни миром, – и след сей иллюзии спокойного созерцания растворился в тот же час.

Нет такого, видимо, чтобы мало-мальски активный, действующий или, во всяком случае, постоянно вынуждаемый действовать человек мог вполне насладиться длительным и надежным состоянием покоя, защищенности и созерцания. Нет таких обстоятельств, которые не угрожали бы ежечасно, не томили бы дурными хлопотами реальный ум. Один путь найти спасение от этих беспокойств, отвлекающих от мыслей о главном или, во всяком случае, о кажущемся главным. И путь сей – внутреннего воспитания своего духа в презрении к мирским опасностям, неприятию окру-

жающими и жестокости собственного характера, мучающего самого себя ежечасно.

Нет, единственный путь освободиться от этого собственного гнета — изучить самого себя. Найти, что вызывает сии беспокойные мысли и что в действительности значат они для тебя.

Сенека тут может стать верным средством. И меньше действий, ибо для меня, человека скорее действующего, чем не действующего, именно действия и порождают по большей части основную долю проблем и горестей. Поменьше действий, побольше спокойного размышления и восприятия истин отвлеченных, а посему наиболее полезных для восприятия настоящего момента в его истинной, чаще всего весьма ничтожной величине.

Читал Набокова «Другие берега». На обоих языках. Всё-таки насколько мысли разных мыслящих людей сходятся на одном и том же. В некоторые моменты казалось, что я читаю то, что сам написал. Тюрьма времени, пробуждение сознания в детстве — как всё это знакомо.

Расстройство настроения возникает нередко не из-за каких-то внешних факторов, а из-за какой-то неясной внутренней причины. Это пугает и кажется нерациональным. Поэтому начинаешь мучительно искать некую внешнюю причину. И что же? Всегда находишь. А не находишь — так спишешь всё на дурное предчувствие, что и того хуже. Отчего раз и навсегда не заявить, что не имеет это всё никакого значения, что воля твоя решает весьма мало и часто просто вслепую несется с мутными потоками

паводков? Нет влияния твоего в большой мере на многие вещи, хотя и иллюзия такого влияния постоянно присутствует. Но малó оно, гораздо меньше, чем это кажется. Для таких людей бездействие есть благо.

Всё-таки безделье может само по себе представлять собой проблему, поскольку, возможно, будучи полезным для дела в какой-то момент, оно скверно сказывается на духе. Приводит к его неизбежному упадку и унынию. Не случайно полководцы опасались оставлять армию в бездействии, ибо это подрывало боевой дух.

Однако занятия во имя занятий вряд ли надолго могут отвлечь мающееся сознание.

Настроение – очень изменчивая и неверная субстанция.

Как достигнуть состояния устойчивого довольства собой и окружающим, легкого, веселого, но не утомляющего чрезмерной веселостью состояния духа, а особенно состояния уютного созерцательного размышления? Спокойствия не минутного, а глубинного, устойчивого, как устойчиво сейчас чувство беспокойства, лишь обостряющееся от попытки отвлечения или одиночества; действительно глубинного спокойствия. Хорошо, если всё, по большей части, является иллюзией, то почему бы не занять иную иллюзию – спокойного и мирного с собой и миром существования?

Почему не бывает уютного чтения, просто приятного уютного чтения? Для меня это всегда был Джером К. Джером, и особенно Диккенс, «Пиквикский клуб». Но там, если вдуматься, не так уж много уютного.

Вот поэтому для меня справочник по квантовой физике, пожалуй, – самая уютная книга. Мало ассоциаций между кварками и мирскими напастями...

Я понял, почему чтение «Острова Сахалин» Чехова меня так успокаивает. Это средство от страха в некоторой мере. Если люди на каторге кое-как живут всю жизнь, и ничего, это их жизнь. И она «нормальная», кажется нормальной... Ну чего еще бояться? Либо жизнь невозможна – и тогда нам дарят смерть, либо жизнь возможна, то тогда она возможна. Я не говорю об острых унижениях и страданиях. Тогда человек так ими поглощен, что нечего его отвлекать на философские переживания. Нахождение под властью чужих людей освобождает от необходимости принимать решения за самого себя. Власть чужих людей может быть ужасна, но подобные обстоятельства освобождают от ответственности за свою свободу.

Вот в чем может быть выход: перестать требовать от себя быть лучше всех, или хуже всех, или иначе всех. Я – гордый потомок сине-зеленой водоросли, и мне ничегошеньки не надо.

Иногда просто хочется неторопливо поводить черной ручкой по плотной бумаге.

Надо признать, что всё-таки я был отчасти неправ, осуждая людей, живущих бесцельно и смакующих само течение жизни. Смысл жизни не в результате, а в самом процессе. Процесс и является сам по себе результатом. А то, что я всегда считал результатом, – таковым вовсе не является. Это, скорее, побочный продукт. Эпизодисты, которых я так всегда презрительно высмеивал, и есть те самые люди, которые понимают и ценят истинный смысл

жизни. Результаты достижения цели — это, безусловно, нелепые иллюзии, дающие крайне мало удовлетворения по их достижении, и поэтому практически всегда ведущие к разочарованию.

Мне всегда были неприятны эпизодисты, живущие без особой направленности, цели или идеи. Но со временем я стал приходить к выводу, что в этом-то и есть смысл существования. Если отбросить «время» как фактор, что остается? У бегуна нет финиша, и он не важен, есть только бег, холодный освежающий ветер и упругость дорожки. Жить «бесцельно» очень трудно научиться, если всю жизнь гнался за результатом и лелеял его. Однако окончательный результат цветения — гниение, трапезы — испражнение, жизни — смерть.

Именно поэтому придание большого значения результатам неверно и пагубно. Вне ожидания результата нет ни страха поражения, ни горячечной страсти, ни страха неведомого возмездия. Природа позаботилась о наших результатах... нам же остается сам процесс... Процесс, который следует научиться ценить и, по мере возможности, делать приятным.

Как же отучиться преследовать результат? Как же научиться ценить эпизоды жизни? Не гнать время вперед, радуясь сгорающей жизни, а ценить если не каждое мгновение, то хотя бы каждый час или, по крайней мере, каждый день?

Как прекратить всё время ждать? Ждать, что вот будет это, будет то, и всё станет по-другому. Сколько нужно раз наступать на одни и те же грабли, чтобы понять, что по-другому не будет? Что многие вещи не имеют того значения, которое мы

им придаем?

Как тяжело бороться с наследием четырех миллиардов лет эволюции! Мало того, что мы вынуждены всё время пожирать кого-то, чтобы оставаться жить, так мы еще всё время должны это делать в страхе – в страхе, выпестованном в нас мириадами поколений естественного отбора.

Любовь есть цель развития Вселенной. Прежде я дошел до того, что звезды горят для того, чтобы производить тяжелые элементы, из которых состоим мы. Я считал, что мы существуем, чтобы отражать в себе Вселенную. Но сегодня мне пришла такая простая мысль – что есть любовь? Любовь есть искренний интерес к предмету своей любви. А чем более может проявляться интерес, как не отражением в себе своего предмета любви? Итак, Вселенная действительно существует, чтобы производить любовь.

Если б можно было изучить себя так, чтобы знать все обычные повороты мысли и поведения... Насколько жизнь была бы спокойнее. А то каждый раз забываешь: а как же я обычно поступаю в подобной ситуации? С трудом приходится вспоминать и чаще всего не помнишь. Зная себя хорошо, можно сильно не напрягаться и не расстраиваться. Ускользают многие подробности былых событий. Хотя возможно, это хорошо, ибо как бы каждый раз заново предоставляется шанс свободы выбора. Каждый раз ты заново можешь сверить ситуацию и свои побуждения с твоей совестью.

Читал про Марко Поло, прочие сношения с Восто-

ком в те времена. Интересно, что европейцы (папа римский) делали несколько попыток наладить отношения с татаро-монголами, но их посольства не вызвали ничего у монголов, кроме равнодушия (папа хотел союзников в Палестину).

Казалось бы, истории искусственно не перемешиваются, а оказывается, даже будучи частями одного времени и мира, разные исторические яви не желают пересекаться, и даже если такие попытки предпринимаются – разные рукава истории взаимоотнощаются.

Я думаю, монголы так же были бы равнодушны, приди к ним с посольством инопланетяне.

Люди, народы, целые эпохи как бы уперты в одном направлении и смотрят на всё выходящее за рамки этого направления равнодушным, стеклянным взглядом.

Тут пересекается моя мысль с мыслью о решающих точках судьбы на индивидуальном уровне. Она нередко будоражит, напоминая лотерею. Но всё же люди со своими судьбами скорее напоминают упрямых букашек-муравьишек, упорно ползущих в одном направлении. Ты можешь их раздавить, можешь сдвинуть с пути, но они, обойдя препятствие, отправятся в том же заданном самими собой или неведомой силой судьбы, в одном направлении. Раздавить – и они, кажется, на том свете, в другой вселенной всё будут ползти в том же марионеточном направлении, абсолютно бессмысленном на их самих и наблюдателя уровне. Может, Бог всемогущий только ведаёт, куда они ползут.

Это мне напоминает то, как бывает с людьми, ко-

торым я, по воле Божьей, предоставляю различные шансы. Я могу лишь на время сместить их, как тех муравьишек, с их упрямой дорожки. Но, увы, только на время. Рано или поздно они обойдут меня, как препятствие, и отправятся в свой бессмысленный, кажущийся скучным и жалким путь.

Те, кто всё же следуют за мной, мне кажется, рано или поздно вернутся в свою колею, пусть даже и с запозданием на годы.

Я и сам явно следую по одному и тому же пути, и мало что сворачивает меня с него...

Так что не сидеть на одной книжной страничке учебника истории папам римским и татаро-монголам, сколько ты к ним посольств ни посылай...

Чувство защищенного уюта. Почему оно мне достается с таким трудом? Да, в Норвегии мне это удалось. Положения, как обычно, повторяются. Здесь появилось немало людей, которых я пытался свернуть с их дебильных дорожек. Зависть и ненависть, к которым по отношению к себе я столь чувствителен, дают себя знать. Стоит попытаться усмирить одного дракона, как появляется следующий.

Итак, иллюзия покоя и защищенности. Надо как-то изловчиться ее достигать и, возможно, менее дорогостоящими методами, чем бегство на край земли от собственного соседа.

Вопрос меня вновь занял о том, насколько могут быть разными значения образа, обозначенного в нашем понимании одним и тем же словом. Я обычно привожу в пример Иерусалим. Это один город, которым я его представлял до того, как увидел, это дру-

гой город, в котором я жил, и это совсем третий город, которым он мне видится сейчас. Это разноречие мне пришло на память, когда я читал сегодня предисловие к биографии Байрона, написанной А. Моруа. Там сказано, что есть три Байрона: один – презируемый соотечественниками, другой – ублажаемый восторгами остальной Европы, и третий – русский, Байрон Пушкина и Лермонтова.

О, для меня есть тоже несколько Байронов: с одной стороны, странный, неприятный молодой человек, рожденный лордом, а сам мающийся дурью и умерщвленный где-то черноокими греками за свободу Греции! (это очевидно, за чью еще «свободу» нужно было сложить свою голову английскому лорду); с другой стороны – тонкие, завораживающие своей музыкой строки: “It is the hour... ’Tis done, I saw it in my dream...”; с третьей стороны – нудные и нечитаемые вирши; и, наконец, последний Байрон в восхитительном переводе Лермонтова.

Так уж оно сложилось, что у всякой вещи, имени или воспоминания есть так же много лиц, как и у нас самих.

О свободе от страха

Считаю ли я себя свободным? Скорее всего, нет. Свобода всё-таки предполагает действие, а не его потенциальную возможность. Человек, живущий в постоянных страхах, не может быть свободным. Больше того, что я делаю, делается из страха. Более того, то, как я руковожу другими, основывается на страхе, именно на страхе, а не на совести. Далее можно подмешать разные привкусы любви к ближнему и дальнему, но основой всего — страх. И не нужно оправдывать себя эволюцией, которая привела к тому, что ни один из моих прямых предков на протяжении (подумать только!) 3-4 миллиардов лет, что, как считается, существует жизнь, ни один из этих прямых предков не погиб, не был съеден, раздавлен, сметен каким-нибудь вихрем до того, как достиг детородного возраста. Естественно, лучшим ему помощником в том был СТРАХ. Но плата за возможность существовать в этом довольно старом мире и есть необходимость то повсеместно преодолевать этот страх, то всецело ему подчиняться (что чаще всего и происходит), то подчинять ему других.

Свобода, однако, весьма хлопотная штука. Вряд ли умиротворение, к которому так стремится душа (тоже в результате эволюции, не иначе), совместимо со свободой. Я, скорее всего, всегда заблуждался, говоря, что «покупаю себе свободу», «добиваюсь, стремлюсь к свободе». Свобода ежечасно не думать о хлебе насущном — не есть еще свобода. Я бы

сказал теперь, что я имел в виду скорее «освобождение», когда ранее употреблял слово «свобода». Человек, если он живет в страхе, не может чувствовать себя свободным, даже если объективно он волен делать почти всё, что ему заблагорассудится, и даже если он не имеет никаких обязанностей или похлебных повинностей. Итак, победи страх, упрямое застывшее существо, древнее, как сама жизнь, хотя бы подвинь его властные оковы, немного себя освободи, и это самое и даст тебе найти тропинку к умиротворению, к которому ты так стремишься.

Освобождение себя от похлебных обязанностей, разделение этого движущего страха на других, на многих других людей позволяет освободиться от необходимости постоянно подгонять себя страхом. Но тут приходит иная крайность. Отдав страх другим, получаешь страх перед другими. И чего они там еще натворят, пока ты тут освобождаешься от страха...

Видимо, кроме этого необходимо снова найти какую-то появившуюся у меня в Норвегии и пропавшую после на годы уверенность в собственной законченности и в полном бесстрашии и умиротворении.

Я помню, мне было ничего не надо, я не мечтал ни о каких благах, мне всё было хорошо...

Чувство дома

Носились на кораблике-понтоне по местному озеру. Какая красота. Но опять же, как будто наблюдаешь себя со стороны. Как-то всё это протекает

мимо, неизмеримо мимо. Странно ощущать, что местами носишься над стометровой бездной. Очень красивая вода и райские берега. Ненасытное желание жизни – и тут пожить, и там посидеть на бережку, и здесь не пропустить рассвет, закат или что еще угодно, но в то же время отстраненность и постоянное чувство нереальности места, времени и действия. Очень синяя с немного стальным оттенком вода. Почти морская. Напоминает пролив между Швецией и Данией, так и ждешь увидеть желтый крест на синем поле – флаг на границе. Кораблик-понтон удивительно напоминает настоящий корабль.

У нас тут граница не проходит. Хотя подумалось, что какие-нибудь обстоятельства в истории могли проложить границу где угодно. Проплыли под мостами – чувство Парижа, Амстердама, Венеции, только лучше. Нет чувства, что тут мы дома, что здесь мы живем. А чувства этого необходимо достичь. Обязательно. Без этого чувства дома никак нельзя.

Смотрю на кораблик и озеро, когда покидаем причал. Хочется иметь такой. Сынишка озвучивает: хочется иметь такой. Я объясняю, что это абсолютно не нужно. За его стоимость можно десять лет снимать каждое лето каждый выходной такой кораблик. Надо что-то делать с постоянным желанием что-то иметь, иметь еще, иметь лучше, иметь больше.

Итак, чувство дома и отсутствие желания иметь и что-либо улучшать – вот еще одна тропинка к умиротворению. И еще, не нужно следовать принципам. Принципы очень сковывают и держат в

напряжении. Принципы никогда не дают свободы и очень часто совсем не верны, как оказывается впоследствии.

То есть выбрана цель. У меня всё есть, всё складывается неплохо. Я подавлен, раздавлен страхами, разочарованиями и не чувствую никакого покоя. Цель – найти путь к умиротворению, а средство – изучить себя, понять, что же можно изменить в привычке мыслить, чтобы мысли эти не сводили меня с ума мрачными страхами и предчувствиями, а сделали умеренно счастливым существом дома среди синих озерных вод.

Я свободный человек в свободной стране, за страх ли, за совесть ли организующий всё вокруг себя во имя взаимного блага. Всё это очевидно, и нет причин лишать себя простого человеческого счастья быть дома и иметь покой души.

Терроризм есть не причина, а следствие

Терроризм мучает мир. Ну, во-первых, в этом нет ничего нового, как нам пытаются доказать. Во всякие времена подобное было. Вот, русские комментаторы по американскому RTVI убедительно аргументируют: «Наша цивилизация должна спуститься обратно на уровень варварства, чтобы варварство исламистских террористов победить». Сначала кажется вроде бы логичным, однако всё-таки на проверку выходит, что это неверно.

Терроризм есть не причина, а следствие. Чтобы действительно что-то изменить, надо найти причину

и бороться с ней, а не со следствием.

Я помню, года два назад я слушал магнитофонные лекции «Будет ли третья мировая война» или что-то в этом роде. Так я хорошо запомнил блестящие слова лектора: «Идеология никогда не является причиной, идеология никогда не является главным фактором. Единственным фактором, движущим историю, является борьба за власть».

Вот возьмем Октябрьскую революцию. Я не сомневаюсь, что Ленин и его сподвижники были фанатичными идеалистами, но они не были причиной, они были следствием.

Если бы не поддержка немецкого кайзера, никогда эта ничтожная кучка радикальных фанатиков не добилась бы власти и не удержала бы ее. В результате четырехлетней изнурительной войны Германия была обязана вывести Россию из игры, и был найден простой и чрезвычайно эффективный способ — наем радикальных фанатиков-большевиков, чтобы в результате внутреннего политического переворота вывести Россию из войны. Неважно, что зараза революции очень скоро проникла и в Германию, важно, что бороться с большевиками, прибывшими в запломбированном вагоне транзитом через Германию, было уже поздно. Они были не причиной, а следствием. Как ядовитый укол, уже впрыснутый в тело жертвы... Что двигало Германией? Страх!

Так же и современные террористы. Кому они нужны и выгодны? Очень многим. Европе, которая в страхе перед Соединенными Штатами объединилась, поступившись национальными валютами. Арабам, которые становятся главным

фактором современной политики. России, которая никак не заинтересована в роли США как суперсилы в униполярном мироустройстве. Тот факт, что террористы, выйдя из-под контроля, взрывают Европу, взрывают самих арабов, угрожая стабильности их режимов, досаждают России, подерживая Чечню, – это всё вовсе не значит, что всем этим вышеуказанным игрокам терроризм против США не выгоден. Мы забыли Северную Корею, Китай и очень многие другие страны, которым мировой жандарм, роль которого США на себя постоянно примеряет, никак не нужен.

Страх всех этих игроков, которым терроризм против США чрезвычайно выгоден, страх их перед самими США гораздо больше, чем перед какими-то террористами. Теракты уничтожают кучки мирных людей, которыми правители никогда не дорожили, а вот США реально могут лишить власти практически любую силу на земле или, по крайней мере, значительно этой власти повредить.

Вот из страха перед самими США весь мир практически прямо или косвенно поддерживает терроризм. Это его прямой ответ на угрозу США и на их стремление к мировой экспансии, неуважение к местным традициям и совершенно не пропорциональную концентрацию мировой финансовой силы. Страна с населением в 4-5% от мирового концентрирует в своих руках 25% мирового капитала. Попытка перерасдела этого влияния и стоит за прямой или молчаливой поддержкой исламского терроризма, с которым, конечно, нельзя договориться, потому что он фанатичен и его лозунг – «Уми!».

Итак, захват Ирака, хоть мне лично он был очень по душе (был уничтожен мой личный враг, под сенью угроз которого прошел десяток лет моей жизни и жизни моей семьи в Израиле), захват Ирака перепугал весь мир еще больше! Так их страхи перед США вовсе были не напрасны! Янки будут играть без всяких правил и смогут лишиться власти кого угодно и когда угодно. И факт, что с уходом Саддама насилие в Ираке вовсе не ослабевает, только говорит о том, что дело-то было и есть вовсе не в самом Саддаме.

США надо договариваться с Европой, Россией, Китаем, другими диктаторами и сатрапами. Договариваться надо было тонко, и много лет назад. США должны менять свое отношение к миру на отношение не как к обочине, задворкам – а как к полноценным частям мироустройства. США должны были доказать всем испытывающим к ним страх, что их бояться нечего. Хотя это абсолютно невозможно, особенно теперь.

Итак, для того, чтобы победить терроризм, вовсе не надо спускаться на уровень варварства, а наоборот, следует подняться на уровень высокой политической культуры, разобраться во всем сложносплетении мироотношений.

Но нужно ли США бороться с терроризмом?

Вот это очень большой вопрос. Вполне возможно, что вовсе и нет. Концентрация военной власти, задушенность свобод внутри США, легкая популярность властей на фоне военных побед уровня средних веков: поймали Саддама в яме – все герои (опять же, лично я этому чрезвычайно рад). Но, увы, в мире реально уничтожать терроризм никто и не

собирается. Он так же всем удобен на этом этапе, как была в течение сорока лет удобна холодная война.

Я могу ожидать ваших возражений в стиле: «Удивительно, что для вас “очень большим вопросом” является “нужно ли США бороться с терроризмом?”». Идет третья мировая война и, к сожалению, победа западной цивилизации совсем не гарантирована, потому что в Европе, да и в Америке серьезно обсуждают “адекватность” мер борьбы с исламским фундаментализмом. Террористы же пользуются древним, не раз оправдавшим себя принципом – в войне все средства хороши. С терроризмом бороться необходимо. Он может показать свою звериную рожу не только в башнях Международного Торгового Центра в Нью-Йорке, в поездах Испании или на улицах Лондона. Он может объявиться и в ваших лесах Канады».

Возможно, я плохо выразился, я имел в виду не то, что есть сомнение в том, нужно ли США бороться с терроризмом, а имел в виду, что руководству США ситуация может быть вполне выгодна, или по крайней мере неоднозначна, или просто их твердолобость не дотумкивает, кто за этим терроризмом стоит. Дело в том, что террористы в основном убивают простых ни в чем не повинных людей, которые политиками воспринимаются не более как отвлеченные циффы.

Будете ли вы спорить, что политики всех стран абсолютно беспринципны и их единственный императив – это власть? Это, мне кажется, совершенно прописная истина. Как всегда, интересы простых жителей становятся заложниками интересов

политических фигур. Я не говорю, что это плохо. Я не говорю, что это хорошо. Я говорю, что так устроен мир, и все, кто им движет, – профессиональные сволочи, отличающиеся тем, что одни сволочи захватили власть давно и у них нет надобности пробивать себе дорогу терактами, их всё устраивает, а другие – новые сволочи, которые хотят свою часть пирога или целый пирог сразу... Но старые сволочи их в упор видеть не хотят и пытаются отмахнуться от них мухобойкой, делая вид, что с ними борются. Легкого решения этой проблемы нет. Захватить еще пять Ираков – и всё равно легкого и простого решения не будет... США надо понять тонкость политических игр Европы, которая сама поддакивала через BBC, Guardian и Le Figaro «бойцам за свободу» и нарывалась в конце концов на этих самых бойцов, как это с ней бывало по-крупному в 1807-1812 годах, 1939 году и как это будет происходить еще много-много раз. Договариваться надо с теми, кто стоит за террористами... Вы предлагаете, как собаке, кусать палку... А кусать или договариваться надо с тем, кто эту палку держит. Выявить его прежде всего, что я и пытаюсь сделать своим скромным эссе. Вопрос же мой вот в чем: а нужно ли современным политикам устранять терроризм? Вполне возможно, он их вполне устраивает. В первый момент после атак их популярность падает... но выборы случаются не каждый день, и к следующим выборам они приходят уже славными защитниками отечества с небывало выросшей властью... Пойдешь искоренишь терроризм – и лишишься власти... Помните, Черчилль был немаловажной фигурой в победе над фашизмом и не

был переизбран на следующих же выборах по окончании войны. По-моему, это не понравится ни одному политику. Всеми политиками движут те же побуждения, что и ХАМАСом, который усиливает активность, как только пахнет мирным процессом, потому что при мире ХАМАС не нужен, и денег никто из тех, кто за ним стоит, ему не даст... Я утверждаю, что у главарей Европы и террористов нет больших разногласий во взглядах на власть. Просто одни были террористами во времена Французской революции и Войны за Независимость США и об этом все давно забыли, а другие хотят свою революцию, независимость и власть с опозданием на два с половиной века.

Я ничего не сказал об Израиле, и это не случайно. На сегодняшний момент, когда острое конфликта переместилось в Ирак, он практически перестал иметь какое-либо значение. А если воспринимать Израиль соответственно его марионеточно-кукольному весу — так он, в общем, никогда не имел значения в вопросе мирового терроризма, как бы парадоксально это ни звучало.

Для вразумительного описания ситуации в Израиле я позволю себе воспользоваться пространной цитатой из американского комедианта Дэнниса Миллера, который, надо отметить, евреем сам не является. Дэннис Миллер ведет телевизионное шоу “Dennis Miller Live” на канале НВО. Недавно, пытаясь разъяснить своим соотечественникам-американцам суть палестино-израильского конфликта, он сказал буквально следующее (заранее прошу прощения за вольный перевод): «Палестинцы

хотят свою собственную страну. В этом есть только одна загвоздка: палестинцев как таковых не существует. Это выдуманное слово. Израиль назывался Палестиной в течение двух тысяч лет. Слово “палестинец” звучит по-древнему, но в действительности это не так. Это современное изобретение. До того, как израильтяне получили территории в результате войны 1967 года, Газа принадлежала Египту, Западный берег реки Иордан принадлежал Иордании, и “палестинцев” не существовало. Как только евреи обосновались на территориях и стали выращивать апельсины размером с баскетбольный мяч, нарисовались “палестинцы”, рыдающие о своих глубоких связях с их потерянной землей и нацией. Так что, во имя честности, давайте больше не будем использовать слово “палестинцы”, чтобы описать обаятельнейших ребят, которые танцуют от радости по поводу наших [американских] смертей, пока кто-нибудь из них не обратит внимание, что их снимают на видеокамеру [американские журналисты]. Взамен этого давайте использовать другое название, которое лучше опишет этих людей: “Other Arabs Who Can’t Accomplish Anything In Life And Would Rather Wrap Themselves In The Seductive Melodrama Of Eternal Struggle And Death” (“Другие арабы, которые ничего не могут достичь в жизни и которые предпочитают отдаться соблазнительной мелодраме вечной борьбы и смерти”). О’кей, это несколько длинновато, чтобы ожидать, что этим названием будут пользоваться на телеканале новостей CNN. Давайте тогда называть их “Adjacent Jew-Haters” (“смежные евреененавистники”), чтобы отличать от всех

остальных “несмежных евреененавистников”. Итак, “смежные евреененавистники” хотят свою страну. Еще одна проблемка. Нет, они не хотят. Они могли бы получить свою страну в любое время в последние тридцать лет, особенно в последние пять лет. Но ведь если у вас есть своя собственная страна, вам придется устанавливать светофоры и мусоросборники, создавать коммерческие организации и, самое страшное, вам придется каким-то образом начинать налаживать нормальную жизнь! “That’s no fun!” – это скучно! Нет, они хотят того же, что и все евреененавистники в регионе, – они хотят Израиль. Конечно, они хотят и огромную гору еврейских трупов, это, конечно, гораздо веселее, но в основном они хотят Израиль. Почему? Только для того, чтобы уничтожить Израиль или “The Zionist Entity” (“Оплот сионизма”), как они называют эту страну в своих школьных учебниках. В последние пятьдесят лет эта цель позволяла правителям арабских стран отвлекать внимание своих людей от факта, что эти страны являются наиболее неграмотными, бедными и остающимися на уровне племенных отношений... Поэтому я закатываю глаза каждый раз, когда я слышу о великой истории и культуре мусульман Ближнего Востока. Если я ничего не упускаю, арабы ничего не дали миру с тех пор, как дали алгебру, и спасибо им, черт побери, за эту самую алгебру, чтоб ей пусто было... Нет, вы это прожуйте и выплюньте: пятьсот миллионов арабов и пять миллионов евреев. Представьте всех арабов как футбольное поле, Израиль будет коробком спичек по сравнению с этим футбольным полем. И теперь эти самые

народы клянутся, что если отдать им полкоробка, то все сразу станут пайньками! Правда? О, это замечательные новости! Погодите, а как же целая цепь войн и постоянные клятвы уничтожить всех евреев и утопить их в море? А, это... “We were just kidding...” (“Мы просто пошутили...”) Мой друг Kevin Rooney сделал следующее замечание. Просто переверните ситуацию. Представьте себе пятьсот миллионов евреев и пять миллионов арабов. Я был поражен блестящей простотой этого сравнения. Кто-нибудь может представить еврея, надевающего пояс смертника, начиненный лезвиями бритв, гвоздями и динамитом? Конечно, нет. Или использующего все возможные ресурсы, чтобы сбросить малюсенькое арабское государство в море? Нонсенс! Или танцующего от радости по поводу убийства невинных? Невозможно! Или распространяющего ужасную ложь об арабах, пекущих хлеб с кровью детей? Отвратительно!

Худшее, что может сделать еврей, оставленный в покое, это заспорить вас до смерти.

Мистер Буш, дай Бог ему здоровья, я, конечно, понимаю, нуждается в поддержке других арабских стран, особенно когда он ввязался в войну с Ираком. Но эта поддержка — такая же иллюзия, как попытка удержать в одной комнате толпу супер-топ-моделей, отобрав у них наркотики...

Однако в любой крупномасштабной стратегии всегда существует опасность потерять объективность и моральное равновесие. Мы уже потеряли его отчасти. После террористических атак 11 сентября 2001 года президент Буш сказал нам и всему миру, что собирается искоренить терроризм и страны, которые

его поддерживают. Отлично. Но когда израильтяне, имеющие чуть ли не каждый день теракты, эквивалентные взрыву в Оклахома-Сити, приступили к тому же самому «искоренению терроризма», США требуют от Израиля сдержанности.

Если бы Америка подвергалась террористическим атакам практически каждый день, мы бы очень скоро орали на наше правительство, чтобы оно это немедленно прекратило, убив всех и каждого южнее Средиземного моря и восточнее реки Иордан».

Очередной фильм: Кому это выгодно?

Вчера смотрели очередной фильм. Все работники небольшого банка решают одновременно и независимо друг от друга ограбить собственный банк. Как ни странно, практически всем это удастся, всем это сходит с рук. Увольняют только менеджера банка, который идеальный руководитель, но, конечно, выставлен идиотом, бабником и подонком. Место в банке достается дебилу, который и продолжает там работать с повышением зарплаты на 55 центов в час. А счастливые грабители, конечно, увольняются из банка и живут happily ever after – короче, счастливо живут. Это далеко не первый фильм, в котором просто пропихивается идея, что честно жить на зарплату невозможно, что в обществе все грабители, и грабь награбленное. Фильм такого сорта сворачивает мозги тысячам тысяч, и не только юнцов. Вместо того, чтобы придумывать пусть

столь же фантастичный сюжет, в котором и находит простой человек путь, как разумно интегрироваться в общество, защитив свои интересы, не попирая чужих и оставаясь в рамках закона, вместо этого фильмы настаивают: «Грабь» или «Грабь награбленное»...

Кому это выгодно? Зачем это делается? Кто за этим стоит? Только не надо утверждать, что это делается чисто из коммерческих соображений, мол, «в угоду публике». Это не так. Публика всегда будет желать того, к чему приучена: как в 30-40-е советская публика сходила с ума по «Чапаеву» и как американская публика до сих пор пьет неудобоваримый напиток «Кока-кола», так и нынешняя публика будет любить то кино, которое задумано и сыграно талантливо, и не важно, какую идеологическую подоплеку оно в себе несет. Люди смотрят кино не для удовлетворения своих идеологических потребностей, они смотрят для развлечения.

Итак, кому выгодно разлагать западное общество и почему оно себя не защищает от такого разложения? Это отнюдь не демонстрация демократических свобод.

При Клинтоне фильмы имели более социальный характер. Негры, инвалиды, гомосеки... Каждый из фильмов можно было смотреть на семинаре по социальным проблемам.

В чем же загадка? При Буше левый Голливуд ведет подрывную деятельность, чтобы испортить показатели администрации Буша? Слишком мелко... Проблема имеет более широкий характер. Характер двойной морали «можно» и «нельзя». Дома убивать нельзя, в фильмах можно. В реальной жизни нельзя,

в фильмах можно... Но дело-то в том, что фильмы всё это неизбежно тянут в жизнь... я не имею ответа, почему это делается и кому это надо. Прямо коммунистический заговор какой-то. Если бы Голливуд финансировал СССР – именно так КГБ и разлагал бы американское общество. Может быть, каким-то образом это воздействие врагов Америки (всего остального мира...)?

Жизнь продолжается. Как это ни странно.

Жизнь продолжается. Как это ни странно. Пришел еще один день. По-прежнему наблюдаю себя со стороны сквозь пелену, покалывающие точки перед глазами. Кажется, такая тонкая малозначимая нить связывает меня с собой. Казалось бы, и какое мне дело до самого себя? И чего я так переживаю за какого-то человека, мало мне знакомого, которым я сам себе являюсь?

Прошлое в полном тумане, с трудом что-либо помню, да и то, что помню, – сухо, как канцелярский факт.

Пытаюсь отделиться от себя, ибо вне себя причин для переживаний нет. Но и то, отдельное от меня самого, – тоже туманно, со слабой зыбкой связью с каким-то прошлым, каким-то настоящим и, еще более того, каким-то будущим. Внимание с трудом выхватывает отдельные детали и тут же их забывает.

И как я еще способен что-то делать, соображать, заставлять куда-то ходить свое тело в таком сумеречном бессознательном состоянии?

Где же есть истина, когда все научные теории де-

лятся на признанные, хоть и ложные, и на непризнанные, впрочем, тоже ложные?

В факте, что каждый день я как бы должен начинать с белого листа, припоминать, кто я, где я и что со мной происходит, всегда я видел глупый недостаток своей (а может, и человеческой в общем) памяти, но сегодня мне пришла мысль, что, пожалуй, в этом есть особое преимущество. Я как бы каждый раз вынужден заново всё это переосмыслять. Если бы я в точности, раз и навсегда, сразу знал ответы на все эти вопросы, где вероятность, что эти ответы были бы хоть сколько-нибудь верными, если вообще может быть что-либо верным, если они известны кому бы то ни было, разве что Богу? Итак, я, каждый раз заново переосмысляя то и это, всё же делаю это каждый раз немного иначе, немного с другой точки зрения, и так, мне кажется, я приближаюсь к более точному конечному пониманию себя (если таковое возможно). Природа вообще не любит определенности. Где бы человек ни сталкивался с краями своих знаний, будь то микромир или макрокосмос, вопрос зарождения жизни или наличия внеземного разума, загробной жизни и Бога, всегда наталкивается на неопределенность.

Любая определенность, памятуя Сократа, может быть сведена до неопределенности. Мы поэтому лишь можем говорить о разных степенях определенности или вероятности верности наших наблюдений и выводов.

Следовательно, мой ум, кажущийся бестолковым, требующий припоминать очевидные, казалось бы, вещи, просто является продуктом той самой приро-

ды, которая не терпит определенности.

Можно ли бороться или сетовать на свою природу, являющуюся продолжением всего мироздания?

Как раз чувство неудовлетворенности собой и окружающим должно восприниматься неестественным, болезненным и не богообразным.

Кроме того, в чем смысл постоянного определения себя и природы? Может, это ощущение себя как бы всё время со стороны и есть доказательство моей принадлежности ко всему окружающему. Глядя со стороны, хочется меньше противопоставлять себя природе. Гармония наступает тогда, когда часть не конфликтует с целым. Говоря: «Природа хочет от меня того или сего», я заблуждаюсь. Я сам и есть неотъемлемая, пусть и ничтожная часть этого мироздания.

В связи с вышесказанным я бы хотел сделать для себя следующие выводы:

Первый вывод. Итак, то, что мое сознание кажется мне несовершенным, — вредная иллюзия. Оно такое и работает таким образом, каким и должно работать.

Второй вывод. Противопоставление себя природе глупо и абсолютно бессмысленно, поскольку лишено всякого смысла отделять неотделяемое.

Третий вывод. Постоянное анализирование себя и окружающего есть не недостаток, а преимущество. Подобный способ делает жизнь живой, гибкой и неопределенной, как раз такой, какова она и есть как часть гибкого и неопределенного мироздания. Даже опоры грандиозных зданий должны иметь упругость и гибкость. Несгибаемость есть верная причина быть сломанным. Несносный бунт против

среды, частью которой я являюсь.

Четвертый вывод. Одна из главных проблем человеческой (моей) неудовлетворенности окружающим мирозданием и своей ролью в нем лишь в точке, с которой производится наблюдение, — из моей точки наблюдения просто не просматривается вся картина.

Свет

Спокойный творческий процесс – вот, пожалуй, род занятий, который мне необходим. Поскольку ни в каких родах искусств, – возможно, кроме поэзии, – я не считаю себя одаренным вполне, то самое лучшее, что я мог бы себе придумать в качестве занятия, и есть то, что я делаю в настоящий момент. Писать на русском языке, который наиболее мне знаком. Поэзия есть субстанция призрачная, штучная и не накопительная. Проза же созерцательно-философского направления есть явление более приемлемое, тем более что я не собираюсь создавать в результате этого творческого процесса ни продукт для продажи, ни даже некое создание для чьего бы то ни было потребления. Я бы взял некий словарь и писал бы свои мысли по разным поводам.

Итак, что есть «свет»? Свет как запах вещества, след материи, распространяющийся в пространстве. Электромагнитные волны. Но что есть свет в чувственном смысле? Что-то абсолютно положительное, ясное, белое. Настолько белое, что белее уже не может быть.

Это как раз тот белый, абсолютно не ослепительный, но абсолютно ясный свет, который, мне казалось еще в дальнем детстве, видишь, когда пробуждаешься от жизни. Мне казалось, что жизнь – сон, и однажды я просыпаюсь при абсолютно ясном белом свете, всё становится абсолютно четким, несомненным, определенным, удобным, разъясненным. Опять же, этот белый свет

представляется как белая стена.

Теперь, мне кажется, я еще дальше от этой реальности, и надежды на пробуждение всё меньше.

Возможно, для меня это тот самый свет, который я видел при самом своем рождении, когда я, как говорят, чуть не умер.

Хорошо, что этот свет существует хотя бы где-то в моем подсознании. Скажем, это Бог.

Есть и другой свет, яркий, ослепительный. Свет солнца, от него хочется прятаться, спокойнее, когда он сокрыт низкой облачностью, тогда он разлит равномерно по всему небу, как было в Лондоне; в последний раз, перед отъездом, мы гуляли по парку, Риджент-парку, где где-то должен был располагаться зверинец. Утки купались в фонтане. Это был хороший свет, пусть солнца, но проходящий сквозь одеяло облаков.

Свет как мир. Для меня это что-то круглое, наверное, из-за сходства с глобусом. Определяющее скорее Землю, чем всю Вселенную.

Свет как освещение, мягкий, не раздражающий. Я скорее люблю, когда светло и предметы проступают ясно. Так удобно работать, хотя сидеть хочется при очень слабом свете. Как норвеги. Норвеги любят слабое освещение. Всюду то маленький светильник, то свечка. Фонари на дорогах в Норвегии светят как бы сами по себе.

Свет уютный, свет от фонарей, когда кажется, что кусочек дня забыт посреди ночи. Мне кажется, как свет от фонаря в городе, в котором я родился, на улице под моим окном.

Свет молнии. Вдруг всё становится ясно видно, четко, кажется чем-то искусственным. Почему-то не

страшно, хотя что может быть страшнее слепой энергии молнии?

Свет от фар. Опять же уютно, ограниченное пространство, высвеченное фарами. Ясность, и, опять же, то, что не освещено, как будто не существует, а значит, не привлекает внимание, не отвлекает и дает чувство большей защищенности, большей, чем днем, когда даль видна до горизонта и мир слишком большой.

Свет звезд. Призрачный, с трудом проступающий. У меня всегда вызывал чувство моей обидной непричастности. С другой стороны, от света звезды есть чувство, что вот же есть миры, куда можно было бы надежно укрыться от людей. Люди жгут и ненавидят, и мне всё время хочется от них скрыться, хотя и без них не могу.

Свет свечи. Или сначала светильника. Бабушкин светильник, мраморная сова, стоявшая на окне. Я проснулся поздней бархатной, тяжело-бархатной ночью. Горел этот светильник. Глаза совы были красными.

Теперь свет свечи. Это стиль. Опять Норвегия, не было света, и ночью горела свеча и трещала печка. Чувство прошлых времен и независимости от цивилизации.

Свет свечи ненадежный, с вечно подрагивающими тенями. Меня что-то в нем всегда раздражает. Плюс я боюсь открытого огня на столе, как бы не вышло пожара.

Свет от огня в печи. Опять Норвегия. Мне кажется очень полезным смотреть на огонь. Что-то в этом есть целебное. Если горит камин или печка, я пытаюсь всегда сесть так, чтобы видеть огонь.

Вот и, пожалуй, всё о свете.

Тьма

С одной стороны, тьма – что-то очень отрицательное, в противоположность свету. На этом я не буду останавливаться, поскольку такое понимание общепринято.

Темнота – я боюсь темноты. С детства. Мне кажется – присутствие всяческих потусторонних явлений действительно усиливается в темноте.

Безусловно, что-то из многовековых сказаний, мифов и невероятных историй так или иначе соответствует действительности.

Итак, мой страх темноты скорее связан с мистическим страхом, чем со страхом земных опасностей.

С другой стороны, тьма, потемки, сумерки оказывают на меня защищающий и расслабляющий эффект. Есть чувство бархатной уюти.

Полная, дрожащая, вибрирующая темнота – наверное, это вибрирующее чувство возникает из-за пульсации крови в сосудах глаз.

Темнота такая неприятная. Темнота также, конечно, напоминает слепоту. Еще интересно, что всегда, когда потом откроешь глаза, предметы оказываются совсем не такими, как их представляешь с закрытыми глазами.

Темнота переключается с понятием пустоты, скажем, пустоты межзвездного/галактического пространства. Для меня в этом есть нечто опять же постоянное, надежное, как место укрытия. Ты не можешь быть там живым, а следовательно, тебе ничего не угрожает...

Предпринимательство

Я верю, что только при самоуправлении может быть эффективное устройство хозяйства. Конечно, необходима первичная работа по организации, но дальнейшее силовое управление может быть эффективным, только пока хватит сил у управляющего давить и следить за подчиненными, которые всё время будут стремиться выйти из подчинения и развалить всё хозяйство, даже в прямой ущерб самим себе.

Самоуправление есть естественное подражание тому, как работает сама природа. Взять любой процесс, любое существо – всё предоставлено самому себе, хотя и действует по строго заданным законам.

Фактор важности риска предпринимателей для развития экономики был недоучтен Марксом. Причина этого упущения может крыться в недоразвитости капитализма того времени. Всё-таки, как-никак, середина девятнадцатого века отстоит от нашего времени на 150 лет и при нынешних темпах развития вполне может считаться доисторической эпохой в плане развития экономических отношений.

Итак, что есть предпринимательство? Так или иначе, всякое предприятие зарождается в результате инициативы. Что же столь исключительно в этой инициативе? В чем ее кардинальное отличие от других человеческих инициатив – политической, творческой, криминально-деструктивной, благотворительной? Она направлена на получение

прибыли в ее чистом денежном эквиваленте, который в дальнейшем может быть обменян, с некоторой натяжкой, на результат других инициатив, указанных выше.

Чем кардинально отличается инициатива предпринимателя от инициативы, скажем, высококвалифицированного профессионала? Безусловно, риском потери части или целого оборотного капитала. Наемный профессионал не ассоциирует себя с предприятием, имеет тенденцию потребительского отношения, имеет скрытые деструктивные, возможно, на подсознательном уровне, побуждения по отношению к своему работодателю. Эффективное предприятие строится либо на суперэффективной, а потому сверхдоходной бизнес-идее (что недолговечно ввиду всегда существующей и нарастающей конкуренции), либо на жесточайшем дисциплинарном давлении руководителя, при верном ориентировании работников на желательный результат. Ни тот, ни другой факторы не могут поддерживаться длительное время, поскольку в первом случае рынок всегда будет действовать в направлении закрытия «окна» возможностей, а во втором случае неизбежная зависимость от качества руководства будет приводить к периодическим кризисам. Оба метода предпринимательства – поиск уникальных идей или поддержание высокоэффективного, верно направленного руководства – оба метода неустойчивы. В первом случае будет наблюдаться давление конкуренции или исчерпание идей, во втором – деструктивные тенденции работников, нарастая в соответствии с силой давления работодателя или в результате завистливого

отношения работников к «несправедливому» во всех случаях распределению прибыли, рано или поздно взорвут предприятие изнутри, приведя его к краху.

Предприятия, объединяющие работающих «на процентах», как бы объединяют развивающихся предпринимателей, которые рано или поздно откалываются от материнского предприятия, составляя ему конкуренцию. То же происходит и с работниками, работающими на зарплату. Парадоксально: чем успешнее работники и чем более от того процветает предприятие – тем более оно само себе роет могилу, поскольку наиболее успешные работники, подчиняясь не только деструктивным антиработодательским побуждениям, но и соображениям прямой выгоды, стараются либо отколоться от предприятия, создав свое, либо перейти на работу к конкуренту. То есть таким образом возникает двойная угроза предприятию – потеря наиболее эффективного работника и возникновение опытного конкурента или укрепление существующего конкурента за счет присоединения к нему наиболее опытных и хорошо разбирающихся во внутреннем устройстве покинутого и пострадавшего предприятия работников.

Хорошие условия труда, высокая оплата и даже значительное участие в распределении прибыли подчас не удерживают ведущих работников от того, чтобы стать могильщиками собственного предприятия. Особенно во время кризиса, когда материнское предприятие наиболее уязвимо, такие перебежчики могут стать серьезным фактором в гибели предприятия.

Причины, по которым это явление «предательства» лучшими из лучших имеет место, довольно ясны.

1) Работники не отождествляют себя с предприятием.

2) Работники, как и все люди, ищут перемен, даже если эти перемены грозят некоторыми опасностями.

3) И главное – нарастающее деструктивное настроение, неизбежно возникающее по отношению к работодателю и предприятию, которое оказывает, в той или иной мере, давление на работника и главное, ставит его в подчиненно-зависимое положение, которое рано или поздно провоцирует бунт.

Среди дополнительных причин этого «предательства» я бы назвал тот факт, что лучшие работники материнского предприятия – обычно высококвалифицированные специалисты, которые были выбраны предприятием не случайно, а в результате долгого и тщательного отбора уже на основе конкуренции с другими предприятиями, что только усиливает возникновение перечисленных выше причин для «предательского», потребительского и деструктивного отношения к материнскому предприятию.

В чем выход из этой замкнутой парадоксальной ситуации?

Давайте рассмотрим обычную характеристику среднего работодателя-предпринимателя и попробуем понять, почему его свойства столь разительно отличаются от характера его работников, что сказывается на абсолютно различном отношении к предприятию.

Классический работодатель небольшого предприя-

тия является единственным носителем предпринимательской инициативы. Чаще всего он единственный человек на предприятии, интересы которого полностью совпадают с интересами предприятия; репутация предприятия, долги, успехи, доходы, кризисы – всё это становится и является интегральной частью жизни и личности предпринимателя. До какого-то момента предприниматель пытается делать всё сам, лишь изредка прибегая к помощи наемного труда, который чрезвычайно проигрывает в эффективности и осмысленности труду самого предпринимателя. Предприниматель старается привлекать членов семьи, друзей или хорошо откомендованных друзьями лиц с целью компенсации естественных недостатков наемного труда в еще плохо организованном, особенно находящемся на стадии становления деле.

Итак, с постепенным ростом предприятия неизбежно растет часть, занимаемая наемным трудом, особенно в случаях, где необходим наем специалистов в той или иной степени квалифицированных, которых сам предприниматель не в состоянии или затрудняется заменить.

Увеличение коллектива неизбежно влечет к снижению степени ориентации на результат. Люди вовлекаются в различные внутренние трения, пытаются извратить, упростить или упразднить существующую систему работы. Особенно тяжело приходится с наймом первых специалистов, поскольку люди с большей радостью присоединяются к существующим налаженным бизнесам, чем к только создающимся, а следовательно, лишенным легитимации и доверия как изнутри,

так и снаружи.

Если вовремя не создается высокая степень организации, довольно высокая заработная плата и правильная своевременная и однозначная ориентация на простой, вполне достижимый результат, успех дела с применением наемной силы становится весьма проблематичным.

Итак, для того, чтобы избежать краха предприятия, работодатель должен полностью перенести свои усилия по балансированию бюджета и достижению успеха предприятия на плечи работников. Сам же работодатель, предоставив первичную организационную систему, должен отстраниться, взимая определенную часть оборота или просто определенную посильную сумму. Когда все работники окажутся в положении работодателя, сводящего бюджет, их путь мышления постепенно перейдет в форму, наиболее близкую к мышлению работодателя, ассоциирующего себя с предприятием неразрывным образом.

Естественно, такой переход не может произойти одномоментно. Во-первых, нанятые работники должны пользоваться исключительными условиями труда, высокой (даже неоправданно высокой) зарплатой, бонусами, бенифондами и т.д. Далее, работодатель должен постараться внушить всем работникам ощущение истинного положения дел – бюджет, затраты, ожидаемые доходы. Работники могут быть подобраны вовсе не путем отбора самых близких к предпринимательству или опытных в той или иной области специалистов. Наоборот, достаточно подобрать обычных людей, желательно ранее безработных или имевших менее

удовлетворительную работу.

Таким образом, постепенная передача функции сведения бюджета на фоне исключительных условий труда и лишь мягкого давления руководства постепенно приведет коллектив к состоянию независимого самоуправления, с отчислением работодателю, в первую очередь, оговоренной части оборота или оговоренной месячной/недельной суммы.

В таком случае есть вероятность создания жизнеспособного предприятия со средней, но устойчивой степенью эффективности. Естественно, желательно, чтобы предприятие управлялось совместными усилиями большинства работников, при том, что труд каждого работника был бы независим от другого, и оплата была как можно более зависима от результата, как по времени выплаты, так и по ее размеру.

Интуиция

Я не вижу в интуиции ничего потустороннего. Мне кажется, что за всяким интуитивным решением стоит определенная оценка вероятностей или использование закономерностей предыдущего опыта. Фактор использования информации в той или иной форме вряд ли может быть оспорим, когда речь заходит об интуитивных поступках. Нередко дополнительная информация заставляет даже изменять направленность интуитивного поступка. Дело в том, что интуиция, скорее всего, есть форма укороченного пути мышления, где закономерности используются не на сознательном, а на подсознательном уровне. Просто часть промежуточных выводов проходит без осознания. Любой интуитивный поступок можно отследить назад и создать обратную логическую часть в цепочке выводов и анализе закономерностей, приводящих к принятию интуитивного решения.

Принимая интуитивное решение, мы как бы взвешиваем на чашах весов альтернативные пути, не вникая в суть самих вариантов. Стрелка весов как бы склоняется в сторону предпочтительного варианта, которому и суждено быть выбранным. Обобщенное видение, лежащее в основе интуиции, имеет огромное значение, поскольку при обычном пути анализа ситуации и ее потенциальных преимуществ и недостатков нередко упускается главное, более объективное видение мира, целей и направлений.

Страсть к окружению себя прекрасным

Часто распространено мнение, что страсть к окружению себя прекрасным, будь то вещи, картины или вовсе безделицы, есть страсть низменная, мещанская, недостойная высоких умов и душ. Это неверно. Пожалуй, здесь происходит подмена осуждения безвкусицы осуждением всякого стремления к красоте материальной. Увы, мы существа, во многом, материального мира, и его красота или уродство имеет на нас колоссальное влияние.

Хорошо, что мы можем видеть только поверхности предметов, иначе бы их цена была невероятно высокой, поскольку нам бы пришлось заботиться об отделке не только внешних поверхностей, но и внутреннего содержания, кое у многих материальных вещей весьма уродливо и непривлекательно. Возьмите прекрасно отделанную стену – внутри нее уродливые доски, обрывки изоляционных тряпок, короче, страшная картина... Почему-то в духовном мы ожидаем увидеть прекрасное содержимое, хотя оно может оказаться столь же неприглядным, как и нутро материальных вещей.

Итак, не следует стесняться того, что окружающий мир, будь то дом или ландшафт, имеет огромное значение для наших чувств и мыслей.

Важность поиска верной эстетики окружающей материи очевидна, и, пожалуй, этот поиск должен предварять любой духовный поиск, поскольку розы, произрастающие в грязи, всегда останутся

навозными цветами.

Тут я хочу пояснить, что речь не идет о необузданной роскоши. Эта эстетика может выражаться в черном свитере поэта, деревянных полах, зеленой траве, пасмурном небе. За какие-то вещи приходится дорого платить, какие-то приходят бесплатно, на первый взгляд, – такие, как пасмурное небо или опавшие листья, хотя когда вдумашься, то и за это было заплачено весьма вполне. Я помню, как после долгих адовых лет под идиотски-голубым и вечно палящим небом росток мокрой зеленой травы и глоток холодного, влажного, напоенного дождями воздуха казался дорогим, чрезвычайно дорогим благом. И сколько бы времени ни прошло после этого лишения дождливой влаги, какими бы незаметными ни стали эти привычные знаки среды – на кончике сознания всё равно смакуешь эту деликатесную (для многих бросовую) красоту.

Определение материальности идеи

Движимые сознанием, наши руки творят, ноги ходят, голоса звучат. Идея управляет материей, живет материей и, в конце концов, погребается под материальным камнем – надгробием, скорее, не человеку, а его идее.

Со времен платоновских «идей» и «эйдосов» идея обрела звучное определение не чего-то эфемерного, блуждающего в туманах рос, а конкретного, концептуального толка.

Идея – есть принцип организации, принцип кон-

цепции любого явления, предмета, свойства и даже его отсутствия: явления, предмета, свойства. Кантовские «вещи в себе» туманно приближались к такой конкретике, но, увы, многим кантовская формальность недоступна. Я представляю, как наслаждался сам Кант, работая над «Критикой чистого разума». Интересно писать учебник, где все определения определены исключительно самим автором. Пожалуй, это и есть пример литературы для себя самого, даже если и предполагается эту литературу опубликовать.

Каждый из нас, в общем, может изобрести сам для себя язык и письменность, свою, только для себя. Создать на этом языке, тайном и никому не известном, бессмертные творения и унести их с собой в могилу. В общем, это допустимо, если попробовать отрицать общественную сущность человека. В общем, живя на краю мира, в лесах Мускоки, и пользуясь русским языком, я сам являю собой хоть и слабый, но пример чистого самописания для себя на своем языке. Сначала я полагал, что человек есть существо независимое, гордое противопоставление любому обществу, любому насилию, гордо принимающее от общества то, что оно ему может дать, и дающее то, что само считает нужным и справедливым. «Общественный договор» Руссо был моей если не настольной, то напольной книгой. Я даже купил его дважды.

Затем как-то вдруг я стал рассуждать, что если человек без общества не может стать человеком, то общество есть более высокая идея, чем индивидуальный человек, и сам этот человек, то есть я, второстепенен.

Теперь я поправился в этом рассуждении. Факт, что человек не может сформироваться в человека вне общества, вовсе не означает, что общество имеет главенствующее положение. Общество есть не более чем среда. Как почва для цветка или даже навоз для растения. Растение не может процветать без почвы и навоза, но это вовсе не значит, что на день рождения нам следует дарить свежий навоз, а не свежесрезанные розы.

Более того, положи слишком много навоза – и растение зачахнет... Так же и общество – оно нужно как среда, не более того. Недаром Сенека боялся запачкаться в толпе... Толпа обязательно пачкает, а общество обязательно ранит, если его, этого общества, в жизни индивидуума слишком уж много.

Итак, я беру язык от общества и могу воспользоваться многим другим от этого общества. Но разговариваю я этим языком и пишу на этом языке не для общества, а для других индивидов, цветов, которыми мы являемся. Общество всегда подсобно и утилитарно. Идеи никогда не утилитарны. Идеи как концепции существуют вне общества, вне Вселенной и даже вне самой идеи существования. Единственное, вне чего не существуют идеи, это вне Бога, поскольку, по моему определению, вне Бога ничего существовать не может. Идея цветка может существовать до, после, параллельно цветку. Эта концепция, как и любая другая концепция, неистребима. А в чем же мы измеряем материальность?

Материя материальна. Хорошо, с этим никто пока не спорит, хотя, впрочем, материальна ли материя в прошлом и материальна ли она в будущем? Матери-

альна ли энергия? Форма существования материи. Безусловно, материальна. Идея организации этой материи не материальна? Я бы сказал, она более материальна, чем сама материя, ибо может организовывать любую другую форму чего бы то ни было в любом другом раскладе организации физической Вселенной.

Точно так же, как общество является средой для развития индивидуума, материя является средой для развития идеи, но когда идея сформирована, она занимает более высокое значение по отношению к материи и берет от нее и дает ей только то, что считает нужным брать и давать.

Возьмите состояние Вселенной, описываемое «хаосом». То есть материя не находится ни в каком порядке. Казалось бы, что существование материи вне всякого порядка, а следовательно, при полном отсутствии каких-либо идей – концепций порядка, доказывает, что материя первостепенна и может существовать без идеи. Нет. Сама позиция хаотичной вселенной будет описываться идеей «хаотичности», и таким образом идея «хаоса» будет существовать до, после или взамен действительной хаотичности вселенной. Как общество не может существовать без индивидуумов, так и материя не может существовать без идей.

Что есть определение? В самом слове заложено значение – наложение предела, то есть отделение чего-то от того, что в него не входит. Давайте попробуем определить материальность идеи. Сама по себе идея есть концепция, схема, по которой может развиваться явление, или предел, в котором может существовать предмет. Предел есть граница,

отделяющая то, что мы желаем определить. Природа не терпит четких границ.

Всякая форма материи имеет волновую природу, то есть имеет области большего или меньшего насыщения единицы пространства единицами материи. Волна имеет области наивысшего пика, наибольшей концентрации предмета или явления, или области его убывания по краям, одновременно стремящегося к нулю в бесконечности. То есть я, находясь именно здесь, постепенно убываю в своей интенсивности, стремясь к нулю в бесконечно удаленных от меня областях. Я являюсь источником образующего меня поля, и мое взаимодействие с окружающим миром есть проявление интенсивности этого поля. Мой звонок по телефону на другой конец Земли есть мгновенный (ограниченный скоростью передачи сигнала) всплеск усиления моего поля с передачей действия на удаленный предмет, тогда как между мной и этим предметом интенсивность моего поля практически равна нулю. Этот эффект напоминает поведение элементарной частицы, чьи свойства могут наблюдаться в области за пределами области наивысшей интенсивности волны этой частицы, тогда как между этими двумя точками интенсивность поля этой частицы стремится к нулю.

Итак, процесс определения чего бы то ни было есть приближенное допущение, удобное для человеческого сознания, но совсем не абсолютное в плане существования мироздания.

Еще Сократ прекрасно показал невозможность дать определения, которое не охватывало бы и его противоположность, тем самым отрицая само определение. Однако наличие идеи может определять явле-

ние или предмет, поскольку сама идея не является волной, а является концепцией направления и качественной характеристики этой волны.

Материальность идеи также доказуема через расширенное определение самой материи. Если материя – это часть Вселенной, которая как-то себя проявляет, то идея безусловно материальна, поскольку всякая идея одним своим существованием и проявляет себя.

Нередко «идея» используется в более узком социально-человеческом смысле, и когда говорят, что идеи материальны, подразумевают, что следует быть осторожными в производстве идей. Действительно, многие идеи имеют трагические последствия при их соприкосновении с реальностью. Существует глубокая моральная ответственность человека, приводящего в этот мир идеи, за то, каковы эти идеи и каковы могут быть последствия этих идей в процессе их материализации. Сначала я полагал, что творец идеи – философ или просто человек думающий – не может нести ответственность за ту идею, которую он озвучил, придя в этот мир. Может ли быть ответственен Прометей за каждый пожар или костры Треблинки? Может ли быть ответственен Иисус за инквизицию? Эйнштейн – за атомную бомбу? Я полагал, что какую, даже самую благостную идею ни возьми, попади она в плохие руки – и выйдет еще одно проявление Ада.

Но всё же люди несут ответственность за идеи, которые они озвучивают. Что, Эйнштейн мало знал род людской? Это был его свободный выбор – выбрать между славой и постижением тайн материи,

которая, оказалось, включает колоссальную энергию, и тихой жизнью сотрудника швейцарского бюро патентов. Люди! Держите свои идеи при себе... Слава и успех – дешевая монета. Не всякий прогресс полезен человеческому роду. Недаром так заложена в нас консервативность... сидеть за столом, жечь свечи и наблюдать дождь, морозящий по траве.

Идея как концепция отделена от своего воплощения только временем и вероятностью того, что она будет воплощена.

Поскольку время – понятие, присущее чисто живому, и не является обязательной неотъемлемой чертой мироздания, в котором все времена существуют одновременно, а вероятность заключается в количестве параллельных возможностей движения материи, которые во всеобъемлющем определении мироздания тоже сосуществуют параллельно и их число стремится к бесконечности, шаг идеи от идеи до материализации есть лишь иллюзия, которой мы все страдаем.

Идеи обычно нейтральны. То, что мы видим в их материализации, тоже нередко нейтрально. Вся суть заключается в том, какие оценки мы этому даем.

Библейская ветхозаветная история, как Бог предоставил Адаму право назвать животных и растения, как раз показывает то отношение, которое создалось между человеком и Вселенной. Вселенная нейтральна и существует независимо от человека. Но человек озвучивает идеи, по которым движется и существует Вселенная, и, таким образом, человек является наиважнейшей частью этой Вселенной. Пусть в мире окажутся другие озвучиватели

подобных идей. Пусть они со своими инопланетными проблемами будут лучше нас, но мы, люди, существуем и продолжаем по стопам Адама озвучивать идеи Творца и давать названия тварям, населяющим его Вселенную.

Интересно, что человек находится в западне собственного сознания. Мы мыслим по определенным логическим шаблонам, не только не соответствующим истинному состоянию мира, но и противостественным ему.

Подавляющая часть Вселенной не имеет ни верха, ни низа, человек же всё примеряет к этой системе шкал. Вся Вселенная живет без времени, человек отмеряет ее часами. Это всё равно, что муравей бы измерял человеческое чувство любви в муравьиных лапках. «Они испытали любовь на миллион световых муравьиных лапок и поцеловались». Так примерно, если не хуже, выглядит наше измерение Вселенной.

Нам не может прийти никакой мысли, которой к нам не может прийти, в силу устройства нас и нашего быта. Мы узники собственных представлений о самих себе и обо всем, что нас окружает. Но мы единственные нам известные твари, озвучивающие идеи мироздания. Кстати, есть ли животные, обращающие внимание на звезды?

Ведь ночные животные могут аккумулировать гораздо больше фотонов света на своих сетчатках, именно поэтому они и видят в темноте, которая, в общем, не является абсолютной темнотой. Если они способны на это, то их глаза, возможно, могли бы видеть далекие галактики, почти как наши телескопы... Но мочь – это совсем не одно и то же,

что быть заинтересованным в этом. Звезды, скорее всего, не очень влияют на их процессы питания и размножения. Имей мы их глаза, возможно, факт огромности Вселенной открылся бы нам гораздо раньше. Но были ли мы готовы открыть этот факт? Возможно, всему свое время. Имей мы способность воспринимать инфракрасный или ультрафиолетовый свет, мы, возможно, видели бы эту Вселенную совсем иначе. Но дело в том, что у эволюции, до недавнего времени, были иные задачи. Она заботилась, чтобы мы раньше времени не померли и чтобы оставили поздравнее да поразнообразнее потомство.

Я полагал, что человек не приспособлен для постижения мироздания, поскольку эволюция не действовала в пользу этого свойства. Это свойство всегда оказывалось за бортом давления естественного отбора. Всех засматривающихся на звезды особей одного вида ели более практичные особи другого или даже своего вида. Но всё же я верю, что именно в этом свойстве и была заложена истинная цель эволюции Вселенной вообще.

Человек волен давать свою интерпретацию идеям, которые сами по себе нейтральны. Они не плохие и не хорошие, не добрые и не злые, не разумные и не безумные. Идеи просто существуют вне пространства и времени, и человек, лишь озвучивая их, дает им оценку.

Нередко перед человеком стоит выбор, как отнестись к той или иной идее. В этом и заключается основа свободы воли человека. И этот выбор может быть решающим для длинной дальнейшей последовательности поступков и мыслей человека. Порой не сама идея, а именно то, как человек ее оценивает,

является решающим фактором материальности идеи. Мы видели, как многообразие оценок одних и тех же идей приводит к разнообразию конфликтов и разрывов в ткани человеческой мысли.

Основные пути оценки, осмысления идеи включают в себя: позитивизм, негативизм и нейтральность.

Позитивизм в оценке идеи может означать приложение нейтральной по природе идеи в направлении положительной, оптимистической парадигмы. То есть все теории и выводы, проистекающие от определенной идеи, могут иметь положительную оптимистическую коннотацию.

Например, идея существования ходов (wormholes) в пространственно-временном континууме порождает оптимистическую окраску в выводах о возможности путешествий во времени и полетов на другой конец Вселенной.

Пусть эта научная фантазия может оказаться столь же эфемерна, как плоская Земля в центре Вселенной. Неважно. Если существует идея, она уже материальна, поскольку проявляет себя в материальном мире. Вот один яркий пример ее материальности. Она сейчас движет моими пальцами и ручкой, и ручка скользит по бумаге. Так сейчас эта идея проявляется в массе физических и химических реакций, лежащих в основе скольжения моей ручки по бумаге. Та же идея могла бы приобрести негативную коннотацию — раз есть такие ходы во времени-пространстве, значит, злые жители других миров или гости из будущего могут к нам прилететь и всех нас обидеть. Несмотря на массу подобной фантастики, всё же преобладает позитивистский подход к этой идее.

Мы можем выбирать, какую окраску мы придадим той или иной идее, и я полагаю, что позитивистский подход – более креативен и сонаправлен с созидательным процессом во Вселенной. Простой рационализм заставляет нас выбирать позитивистский подход.

Вот вам один пример, который прояснит мою позицию.

Было два острова в океане. На одном жило дикое племя, на другом – цивилизованное. Однажды оба племени заметили, что на небе появилась очень яркая звезда. Дикое племя решило, что Боги подарили им новую звезду за то, что они были хорошими. Это произвело на них такое впечатление, что они и вправду практически перестали убивать друг друга и занялись поэзией. Короче, стали удивительно милым и образованным в поэтическом плане населением. А второе, цивилизованное племя сразу рассчитало, что это не звезда, а огромный метеорит, который летит на Землю и упадет прямо на их остров. Племя стало строить корабли, отплыло от острова в океан, но пришла буря и всё племя потонуло. А метеорит пролетел мимо Земли и никого не поранил...

Разрушение как средство созидания

Не всякое разрушение плохо. Разрушение плохого – хорошо. Не всякое созидание – хорошо. Созидание плохого – плохо. Заявив эту простую до детскости мысль, мы видим, что, как и всякая иная

идея, – идея разрушения и идея созидания нейтральны. В нашем сознании это не так уж очевидно. Мы стремимся чаще всего препятствовать и сопротивляться всякому разрушению и приветствуем всякое созидание. Слово «разрушительный» глубоко засело в той части нашего словаря, где поселились понятия «опасность», «смерть», «травма», «война», «безнравственность». Положительную направленность «разрушения» мы называем «изменение», как бы отрицая, что любое «изменение» предполагает собой разрушение старого порядка, формы, вещи. Смерть вещей переносится нами легче, чем смерть в обычном понимании, однако неприязнь ко всякому виду разрушения заложена в нас природой.

Конечно, нельзя забывать, что и разрушительность тоже заложена в нас природой, но чаще мы ведем себя консервативно или нейтрально, чем разрушительно.

Следует понять и запомнить: разрушение – это нейтральный естественный процесс в глобальном и частном понимании мироздания. Противление разрушению переносит часть энергии разрушения на противящегося, разрушая и его самого. Это противление болезненно, бесполезно и опасно.

Попробуйте выровнять море в бурную погоду. Это задача посложнее, чем выпить море поэзоповски. Попробуйте выровнять провалы между валунами волн. Конец предрешен. Максимум – вы утонете, минимум – основательно промочите ноги. Так же бесполезно бороться с процессом созидания. Его кое-где можно замедлить, но остановить невозможно.

Поняв эту простую философию, следует плыть, качаясь на волнах, и не пытаться в этом качании препятствовать подъему или падению.

Природа наших широт – прекрасная иллюстрация верного подхода к процессам разрушения и созидания. Еще вчера был снег, а сегодня всё зеленеет... нет времени. Всё торопится, пока не пришла опять зима. Или – еще не очень холодно, а листва вся уже опала, медведи вот-вот улягутся спать, и опять белая тишина.

Никто из них не борется с процессом разрушения. Все они прекрасно к нему приспособились и даже, кажется, неплохо себя чувствуют.

Это понимание нужно во всех областях жизни человека. Горе там и тому, кто пытается восставать против этого порядка вещей.

Причины и факторы любого мельчайшего явления столь множественны и столь неопределенны, что на их подробное изучение не хватило бы жизни.

Наблюдайте тенденцию явления. Что это – незначительный качок, или начало разрушения системы, или продолжение ее созидания.

Лишь осознав направленность процесса, можно попробовать вмешаться сонаправленным процессу образом. Один теплый день поздней осенью не дает основания полагать, что зимы не будет и что время сажать цветы.

Когда процесс идет, не мешайте ему, постарайтесь сконцентрироваться на том, как бы самому увернуться от неприятных последствий этого процесса.

Обычно ни разрушение, ни созидание само не докатывается до конца, поскольку эти два процесса мо-

гут протекать в одном и том же явлении или предмете одновременно.

Дождитесь точки, когда почувствуете, что начался обратный процесс, и тогда выбирайте, что вам выгоднее – ускорить его или дать ему протекать самостоятельно.

Препятствовать же направлению процесса бесполезно. Если вам так уж не удастся созидать – возьмитесь за другое явление или предмет. Пока процесс в первом не дойдет до своего логического конца, – ваше вмешательство бесполезно. Только зря поранитесь или даже ускорите процесс в том направлении, в котором вы хотели его остановить.

Лучше участвовать в процессе через посредника, иначе вас легко может увлечь внутрь процесса и вы там будете крутиться, пока вас не выбросит в самом конце.

«Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...» Свой новый мир насилия...

Будьте вне процессов, на которые пытаетесь влиять. Внутри процесса вы уже ни на что повлиять не сможете...

Одна и та же логика разрушения-созидания руководит любыми процессами. Деловыми отношениями и образованием звезд, личными знакомствами и формированием земного рельефа. Просто на какие-то процессы мы почти не имеем никакого практического влияния, кроме возможности их наблюдать и давать им свои оценки, что, принимая материальность идеи, не так уж мало. А на какие-то процессы мы имеем больше влияния, хотя самая распространенная ошибка –

полагать, что мы имеем действительное влияние на человеческие отношения.

Чаще всего направление, в котором ползет человек, так же мало поправимо, как предотвращение землетрясения или вспышки сверхновой. Факт того, что он находится в двух футах от вас, мало что меняет. Если человек находится в разрушительной фазе — мало что его остановит, если не сказать «ничего». Так же упрямы и созидатели. Но более всего упрямы нейтральные бездельники, которых подавляющее большинство. И не надо надеяться на их лень сопротивляться, когда вы посягаете особенно на их умственное безделье. Они будут чрезвычайно активны и действенны, чтобы вас побороть, ибо они свято защищают свое право на безделье, особенно умственное, которое между строк записано в конституции любого государства, даже и в помине не имеющего конституции.

Ницше задавался вопросом: «Правда ли, что для нас остается только мирозерцание, которое в качестве личного результата влечет за собой отчаяние и в качестве теоретического результата — философию разрушения?» Я не вижу подобного трагизма. Вся проблема наших переживаний заключена, пожалуй, лишь в том, что мы рассматриваем всё со своей точки зрения, вообразив себя ничтожным телесным пузырьком жизни. А так ли многое связывает нас с самими собой? Ведь, по сути, то, что мы воспринимаем как собственное «я», есть лишь набор смутных воспоминаний о себе самом, слабых телесных и мысленных ощущений текущего момента и еще более эфемерных предчувствий, из которых складывается наше туманное ощу-

щение будущего. Так ли нестерпимо сложно абстрагироваться от самого себя? Ведь если потерять или хотя бы ослабить эту тоненькую веревочку, связывающую нас с нами, мир покажется совсем иным: устойчивым, гармоничным, отлаженным, будто неведомыми руками. Почему бы не расстаться с необходимостью видеть всё через самого себя и таким образом ощутить этот мир свободно, без страхов, без щемящих опасений и разочарований? Ведь если рассматривать мир не через себя, вас не будет интересовать, что *вам* угрожает, чего *вам* никогда не увидеть, не ощутить, не познать. Свобода от себя самого есть величайший путь к более истинному мироощущению, не так ли?

Созидание так же вовсе не обязательно должно быть созиданием материальным. Например, познание (по Канту) по своей сути оказывается как бы творением, созиданием познаваемого предмета, что перекликается с нашим утверждением о материальности идеи. Прекрасным примером разрушения как средства созидания может служить именно процесс познания. Изучение предмета происходит так или иначе через интеракцию с ним или с его проявлениями. Вполне изучить предмет удастся, только так или иначе его разрушив, целиком или в малой части, – сам предмет или его материальное проявление. Но результатом такого разрушения будет созидание знания об этом предмете, которого не существовало, пока предмет не был частично или полностью «препарирован».

Хотя это и не будет совсем удачным примером, трудно не упомянуть принцип неопределенности Гейзенберга, являющийся одной из основ квантовой

механики. Если говорить простыми словами, то суть его сводится к следующему: мы не можем знать величину импульса и точную координату элементарной частицы одновременно. В некоторых изданиях можно встретить следующее объяснение: «На самом деле электрон имеет точную скорость и точную координату, просто мы никогда не сможем их измерить, не потревожив этот электрон». Это бы служило нам прекрасной иллюстрацией к нашему заявлению, что познание возникает как следствие разрушения познаваемого, но, к сожалению, это не совсем так, ибо именно принцип неопределенности и объясняет, почему электрон не падает на ядро. (Потому что тогда его скорость и координата станут точно известными.) Современность, начавшаяся лет сто назад, вообще любит щеголять нелогичностями, будто бы раз нет ничего неопределенного, то и «не убий» уже неактуально. Вообще надо быть весьма осмотрительными, популяризируя научные прозрения. Однако давайте рассмотрим принцип неопределенности с другой точки зрения. Созидание одного знания разрушает возможность другого знания, и, таким образом, процесс созидания взаимно вытекает из процесса разрушения и наоборот.

Как мы уже отметили выше, стремление к разрушению заложено во всем живом самой природой. Природа вообще склонна к организации самоуправляющихся систем, когда индивидуумы, входящие в состав этих систем, производят действия, предусмотренные природой, по мирному согласию, никем не принуждаемые, следуя своим заложенным внутри позывам, называемым инстинктами. Рождаются по согласию, едят по согласию

(подумать только, что мы впихиваем в себя, когда едим. Твердые куски чужой материи. Вам никогда не приходило на ум, насколько это неестественно?), умирают тоже по согласию. Фрейд проводит различие между инстинктом жизни (Эрос) и инстинктом смерти (Танатос). Он подчеркивает, что идея этих двух основных инстинктов была известна уже греческой философии (ср. с Эмпедоклом). Идея Фрейда об особом инстинкте смерти иллюстрирует стремление к разрушению, в данном случае к саморазрушению, заложенное в нас самой природой. Вводя инстинкт смерти, Фрейд хотел объяснить такие явления, как агрессия и война. Но он также подчеркивал, что агрессия может быть интернализована (обращена вовнутрь) и стать саморазрушительной. Что же в нас не подвергается разрушению? Ответ напрашивается сам собой. Если тело наше бrenно, более того, непостоянно в своем материальном составе, то что же мы представляем сами по себе? Ведь ниточка, связывающая нас с нами, столь тонка, что кажется – порви ее, и мы не будем более заключены в плену самих себя. Значит, это то, что мы чувствуем в себе как то, что есть мы сами. Стороннего наблюдателя в нас, иногда ироничного, иногда просто безразличного к тяготам плоти, мы называем душой. Подвержена ли душа разрушению? Возьмем примитивное платоново метафизическое доказательство бессмертия души: душа проста, но всё простое неразложимо; всякое разрушение – это разложение, но душа, как неразложимая, не может разрушиться, вследствие чего она вечна.

Лейбниц пытался усовершенствовать приведенное нами платоново доказательство. Свое доказа-

тельство он выражает в форме непрерывного силлогизма, сложная конструкция которого придает видимую тяжеловесную убедительность. Как у всех рационалистов, основной определяющей душу деятельностью у Лейбница является мышление, создаваемое душою без представления частей, то есть «вещью без частей». Отсюда выводится, что это действие души не может быть движением. Из того, что всякое действие тела – только движение, выводится, что душа не представляет тела и не находится в пространстве, а потому не может обладать движением.

Всякое движение – распадание, а потому движение есть то, что не присуще душе, и потому душа неуничтожима. Св. Августин дает метафизическое доказательство неуничтожаемости души, основанное на совершенно других принципах. Св. Августин, резюмируя свои длинные рассуждения, дает следующую краткую, но весьма туманную формулировку своего доказательства: «Ложность не может быть без чувства, она же (ложность) не быть не может, следовательно, чувство существует всегда. Но чувств нет без души, следовательно, душа вечна. Она не в состоянии чувствовать, если не будет жить. Итак, душа живет вечно».

Так или иначе, мы чувствуем, что в нас есть что-то стороннее, не подверженное разрушению, тот самый сторонний наблюдатель, с которым мы ассоциируем истинных самих себя. Более того, этот сторонний наблюдатель, кажется, имеет мало общего с нашим конкретным физическим «я», и будь то лишь обман наших чувств, очередная уловка природы, чтобы мы не очень переживали,

давая потомство и умирая, во многих из нас есть упомянутое Фрейдом «океаническое» чувство принадлежности к чему-то мировому, какое-то чувство не отделенности нас от Вселенной, а скорее отдаленности нас от самих себя. Иногда я чувствую себя более причастным к галактике М33, чем к тому, что лежит у меня на тарелке. Эта самоотстраненность и принадлежность ко всему мирозданию есть прекрасный повод видеть в разрушении лишь новый виток созидания.

Совесть – стержень человеческой морали?

Как часто тоска обволакивает всё мое естество, став привычной спутницей дыхания, долгих цепочек обмена веществ с холодной и рано темнеющей внешней средой. Иногда – это совесть. Мне больно за прожитый понапрасну час, за очередной табун людей, погибших разом где-то на другом конце света, за обиженного мной мальчика в училище, да Бог знает за что еще. Совесть, та самая дешевая и затасканная бумажка, во многих языках номинально существующая в виде малоупотребимого слова, совесть и тоска, вот будни обычных представителей моей расы – страдальцев от рождения до гроба. Мне тошно есть, когда голодают эти несчастные африканцы, а я всё ем, ем, ем. И не пошлю, вот ведь, им, голодным, этот кусок баранины с соусом, который уже в горло не лезет, а всё равно не пошлю. И не усыновлю небольшую деревеньку в Судане. Совесть болит у меня раздельно от рассудка, как отправленное на отдых место, как карибский остров с прекрасным берегом, которого нет за пределами воображения и туристических проспектов. Быть хорошим не хочется, досадно, скучно и ненормально. Хочется быть выше этого, в каком-то ином измерении восторгов и прозрений, но совесть вперемешку с тоской тянет назад, к земле, к ней, родненькой, из которой вышли и в которую войдем. А Судан всё дохнет, а я всё объедаюсь. И не нужно мне так много, и не голоден, и скучно, а им, небось, ой как кушать-то

хочется. У них, небось, огромная лестница потребностей. Такая огромная, что верхней перекладины и не видно. А я не даю и не хочу давать, хоть и совестно, но всегда достаточно оправданий. Я смотрю на людей, и мне противно. Стыдно за них, за все их пошленькие похотливенькие мысли. За свои мысли тоже стыдно, но не так. Я же их не знаю вполне. Мои мысли мне менее знакомы, чем чужие. А чужие видны насквозь. Иногда мне кажется, что я слышу их, эти чужие, пыльные, запятанные в нелепой одежде и еще более нелепых голых телах мысли. Всё о том же, всё о тех же сочных скучных глупостях, разлагаемых на цепочки обменов, молекул кислот и эфиров. Скучно.

Хочется рассуждать, философствовать, неспешно морализуя, выводя наизнанку, что хорошее — есть плохое, и наоборот. Так уютнее и безопаснее укутывать совесть и тоску. Вообще, совесть есть разновидность тоски, тугого упрямого чувства сожаления по непрожитому, по оставленному где-то среди старых вещей, и потому никогда не доставшемся нашему скучающему рассудку.

Я вижу графики и научные тексты, и мне хочется что-нибудь делать, что-то открывать, что-то постигать и вносить в эти стройные графики и таблички, но как подумаешь, что всё это придется пробивать сквозь непробиваемую пошлость «чушь несущих университетов», эдаких истинно ученых палачей и судей несчастных Менделеев, так и плюнешь, а не пошли бы они все лесом!

Всё прятки да считалки с тоскливой совестью и скукой. Отсюда возникает раздражение на себя, на запах жизни и на прочие проявления Вселенной в

себе. Как проявляет себя Вселенная в рюмке коньяка? Не знаю. Увы, мои старые еврейские ферменты расщепляют алкоголь задолго до того, как он усыпляет совесть. Удивительно — и зачем природе следует повторять одно и то же из поколения в поколения, из столетия в столетие? Ведь это всё одно и то же, практически абсолютно одно и то же. Всё те же обрюзгшие от обжорства тела, всё те же опухшие от голода тела, тела, тела, тела... Только тела. Материя внутри костюмов, обернутая материей костюмов.

Совесть — это когда стыдно и хочется не просто пропасть, исчезнуть, раствориться, и даже не просто не существовать вообще, а даже и не ведать, что можно было бы и существовать. Вот что такое совесть. Это боль наизнанку, которую мы не умеем ни надевать, ни снимать и которая нам, как ни рядись, не к лицу. Нам, разумным теоретикам естества, философам от печатных станков, она не к лицу. И не надо смеяться над теми, кто во всем видит заговор темных сил. То, что он не всегда удается, как задумано, вовсе не значит, что его не было. Просто когда замысел сталкивается с человеческой врожденной глупостью, ленью и суесловием — никакой замысел не может исполниться вполне. Я думаю, в этом и есть объяснение, почему зло не вполне способно захватить мир — оно хаотично, спонтанно и тем слишком вредит самому себе в первую очередь. Не сомневайтесь, заговоры всё время возникают и планируются, как же иначе, еще одну золоченую табуретку приобрести — это ведь достаточный стимул лишить жизни пару сотен тысяч, но на другом конце света, не прямо, а

косвенно, а потому абстрактных и абсолютно нереальных. А их мертвые или страдающие еще живые лица сосредоточены. Они заняты. Они умирают. Это занятие. Поверьте мне, это занятие. Им некогда осмыслять и рассуждать. А тем более догадываться и разоблачать. Мы можем быть спокойны. Это не нас им, а их нам показывают по телевизору, не один раз, а много, очень часто повторяя одни и те же кадры, за неимением множества столь впечатляющих кадров. Мы тоже заняты, мы едим и смотрим, как они умирают или страдают, а часто – как они уже умерли, и следствие уже началось, от чего становится уютнее и спокойней, поскольку меры уже принимаются. О, воистину, телевидение – победа дьявола, который в мелочах. Празднуй, дьявол, вот твои мелочи, они у меня за обедом, мертвые чьи-то тела у меня за обедом. Это выпуск новостей. Вы славно сработались с природой-матушкой. С людишками-извергами. Отличное обеденное шоу. Я впечатлен. На всю жизнь, пока не придет черед меня показывать по телевизору, но я буду слишком сосредоточен и занят, поскольку это очень интересное событие – твоя собственная смерть.

Иногда мне кажется – я знаю, что люди скажут, задолго до того, как они открыли рот, и всегда оказывается: нет, не то. Сказали не то, что я думал, но не менее пошлое или скучное. Причем кажется, как же я не догадался, ведь это так обычно и ясно. Это я называю предчувствием будущего, очевидного, но никогда не случающегося вполне – так, как ожидаешь. Ученые поражаются – и почему люди помогают друг другу без видимой пользы для себя?

Ученые люди рациональные. Им этого не понять. Мне тоже всегда это интересно: поможет, скажет «спасибо», «до свиданья», а потом убьет. Всё культурненько и скучно. Противоречивость людей, мира и будущего должна быть зарегистрирована как основной закон Вселенной. Нас чрезвычайно вводят в заблуждение, рисуя образ нормального человека. По-настоящему тот кошмар, который мы из себя представляем, и есть вполне нормальный человек. А то, что нам рисуют как идеал, — такой же пластиковый фантом, как кукла Барби. Вот часто теперь стали делать фильмы, в которых роботы в будущем начинают проявлять человеческие качества. Но их злые люди поражают в правах, потому что они не могут быть эмоциональными. Это глупости. Я вам запрограммирую робота так, что он еще будет круче, чем настоящий человек. Он такие эмоциональные выкрутасы будет выкидывать, что вам и не снилось. И рыдать будет, всё, как положено. Наша человеческая пропаганда создает барбиобразную сказку о нормальном человеке с якобы какими-то особыми таинственно непостижимыми эмоциями, чувствами и сложнообразованностями. А смотри, как природа просто обращается с этими сложнообразованностями — потрянуло где-то, а ну их цунами — и нету ста тысяч уникальных сложнообразованных личностей. Мать-природа куда круче, чем любые наши человеческие мясодавилки-диктаторы. Она еще нам не всё показала. (Но многие знают, на что она способна, хоть и помалкивают.) Итак, предсказание будущего, что, мол, роботов будут обижать, похоже на мое предсказание того, что вымолвит мой очередной собеседник. Казалось

бы, правильно и логично, но когда вымолвит – совсем не то. Скорее роботам выдадут привилегированные права, как теперь расовым меньшинствам, и укажут, что всякое мыслящее существо, даже стиральная машина, имеет прав не меньше, чем ее создатель, неясно мыслящий человек. А мы продолжаем отрицать это и есть свиней. Хотя многие из нас живут практически такой же насыщенной жизнью, как и эти животные. Но мы подменяем мясо объектом и не желаем отказаться от привычки пожирать убиенное. Странно, что мы отказались от людоедства. Поскольку наше сострадание к инонародам, погибшим на другом конце земли, мало отличается от нашего отношения к убитым на бойне свиньям. А тут-то и проступает совесть и неприязнь всех окружающих ко мне за то, что я говорю неприятные вещи, которые говорить нельзя. Я знаю, что нельзя. Я знаю, но говорю. Значит, я бессовестный. Значит, я не обладаю искусством приятного проведения времени и незадавания идиотских вопросов, за которые нам так противны моралисты, львы толстые всякие и кто поменьше.

Итак, совесть – стержень нашей морали? Я бы не сказал. Мораль отдельно, совесть отдельно. И мы отдельно. Суть заключается в умении вести приятные беседы, приятное времяпрепровождение, наведение уюта до падения астероида, философствование по углам при свете свечей о хорошем и плохом, о добром и недобром и их безусловной относительности и перетекаемости из одного в другое. Ну, а что? Иная опция – проработать всю жизнь от того, что умрешь. Погубить себе жизнь только потому, что раз не бессмертен, тогда и вообще не согласен жить. И ведь

обидно понимать, что какая-то жалкая молекула у меня в мозгу диктует мое раздражение и неудовлетворенность мирозданием, и хочется потянуться к коньяку, но он не помогает, и совесть остается ни при чем, недолеченной, недозаглушенной, как и всё в этом малообустроенном деле.

Диалоги греческих философов – эстетика поиска истины

Сначала обстановка. Конечно, в первую очередь надо представить себе этот язык. Конечно, мы все ведем немые диалоги с вечностью и самими собой, но и тут не обходится без несовершенного, но неизбежного языка. Я вполне могу представить себя говорящим на древнегреческом. После того, как вдруг стал родным иврит, иногда поражающий тем, что он же и есть, в общем, тот самый, пусть с оговорками, древнееврейский, мне себя самого уже трудно удивить. Далее я слегка погрыз твердыни арабского, норвежского и вот теперь французского – дайте мне смышленного древнегреческого человека, поставьте мне цель, освободите от вседневного дурного настроя и псевдозабот, я буду говорить на древнегреческом, не бегло, коряво, но буду понимать и говорить, даже шутить и играть словами. Стихи не обещаю, то есть написать я их напишу, так, чтобы себе понравилось и даже тем, что языка этого не знает, но тогда придется древнегреческого моего учителя отправить обратно, иначе он будет расстраиваться... Итак, на спор, за два месяца я буду сносно

глаголить на древнегреческом. Конечно, не на уровне того, как обругать какого-нибудь разносчика чего-нибудь на афинской площади, что, конечно, является общепринятой вершиной знания и владения любым языком, но по крайней мере для ведения философских бесед вполне сносно буду владеть. Самонадеянный? Да какая разница? Не в этом дело. А дело в том, что были ли они, те самые Сократы-Платоны, с которыми можно было говорить? Кто его знает. Я плохо знаю, что я ел сегодня на обед, а уж дела двухтысячелетней выдержки – есть субстанция тем более темная. Главное – эстетика, сама идея этих диалогов: собраться вечером, когда темнеет, головатые холмы Эллады больно напоминают щемящую Иудею, за которую стыдно и с которой всегда больно. Но эти холмы там, на изрезанном заливами полуострове с таким поэтичным названием народа. Восточного, но кажущегося нам таким западным. Да есть ли вообще что-либо действительно «западное», ведь чем дальше на запад, тем ближе к востоку? Хотя и это всего лишь штамп-анекдот времен великих мореплаваний. Итак, темнеет, а хотя почему темнеет, почему не начать философствовать с утра – встал, умылся и философствовать? Так даже лучше. Пусть встало солнце, и мы сидим в круг, нам подносят чего-то перекусить, чечевичной похлебки или что там раскопали об их еде историки. Пусть похлебка. Мы сначала молчим. Тихо. Поют птицы. Никто не знает, о чем мы будем говорить. И это не важно, а важна эстетика этого разговора, не состязания, не лекции, а именно диалога по-гречески, уютного, рассудительного, такого, какой с тех пор никогда не проистекает, и, возможно, оттого все существующие

истины произрастают из него, за что бы ни взялся наш современный лихорадочный ум. Вот начинает он. Он кто? Пусть будет Сократ, для краткости. Он сегодня в хорошем настроении по случаю присутствия иноземца, то есть меня. Это редко, чтобы Сократ был в хорошем настроении, но по диалогам этого не скажешь. Я почти наверняка знаю, что наш сегодняшний диалог не сохранится, потеряется в переписках, не дойдет до моего чахоточно-компьютерного времени, которое я поневоле люблю, потому что с его высоты, кажется, виднее, куда не надо было ходить, а будущее еще неизвестно и может быть не таким уж обещающим.

И вот началось – он говорит, я поддакиваю, потом он задает мне вопрос, Ах, как это чудно, когда Сократ задает тебе вопрос. Многие очень не любят, им кажется, что он выставляет дураком, а мне нравится. Когда тебе задают сократовский вопрос – это для меня как свежая линованная страница в ученической тетради в каникулы. Пиши-рисуи, что хочешь. Это – вдохновение. Я отвечаю. Что за вопрос? Какая разница? Пусть будет: «Что, по-твоему, уважаемый чужеземец, есть сила?» (δυνάμεως – *динамеос*)

«Сила?» – спрашиваю я и предвкушаю удивительное внимание, потому что эти люди умеют ценить эстетику слова и беседы. В беседе должен быть порядок, вкус, нерасторопность и, главное, обобщенная значительность. Не то что наши повседневные кваканья друг с другом про автозаправки, жилье, жратву, терроризм и налоги. Итак, меня спросили, что есть «сила». Тем более можно говорить банально, ибо глубь веков впереди и банальность еще свежа и при-

тягательна.

Чужеземец (Я). Сила, по-моему, дорогой Сократ, есть давление, то, что гнет и не пускает, если она извне, и то, что распирает и наполняет восторгом и волнительным страхом, если она внутри.

Сократ (в общем, тоже Я). Значит, то, что тебя распирает, есть, по-твоему, сила. А если тебя распирает обида, то это тоже сила?

Чужеземец. Да, дорогой Сократ, сила – есть энергия (ἐνέργεια – «энергейя», – произношу неуверенно я, ибо не думаю, что Сократ поймет это новое слово), и поэтому любая энергия, распирающая меня изнутри, есть сила.

Сократ. Хорошо. А если тебя распирает боль или страдание (ἐπαινον - эпифон), это тоже сила?

Чужеземец. Пожалуй, да, дорогой Сократ, боль – есть тоже сила – недаром говорят «сильная боль» или «сила боли»!

Сократ. Замечательно, но позволь тебя спросить, почтенный чужеземец, разве боль бывает у здорового человека?

Чужеземец. Пожалуй, да, дорогой Сократ, боль – иногда есть признак здоровья – например, когда болят натренированные мышцы, или родовые боли – это тоже нормально и здорово.

Сократ. Да, но чаще всего больной человек – это тот, которого распирает боль, не так ли?

Чужеземец. Пожалуй, да, Сократ, боль – это то, что свойственно больным. Ты совершенно прав. Трудно поспорить. Продолжай.

Сократ. А разве мы не называем больных (ἀρρωστος – арростос) слабыми? Ведь на некоторых языках болезнь и слабость есть одно и тоже.

Чужеземец. Пожалуй, да, Сократ, боль – это проявление болезни, а следовательно, слабости. Вся сила больного уходит на борьбу с болезнью. От этого он становится слабым.

Сократ. Следовательно, если сила – это боль, а боль – это слабость, то сила есть слабость?

Чужеземец. Нет, Сократ, ты делаешь словесный трюк. Ты берешь частный случай силы, далее – частный случай боли и таким образом приводишь к противоречию: что сила есть слабость. Ты подменяешь понятия словами. А слова – это лишь блеклые оболочки понятий.

Сократ. А так ли это важно? Главное, что истина была где-то рядом, и нам обоим от этого было хорошо, так, как будто мы прошли перед ликом самой Афродиты.

Чужеземец. Да, Сократ, ты, конечно же, прав, Сократ.

И так мы ведем беседу и дальше сквозь полуденный зной, и дальше в вечеряющие сумерки, и дальше в глубокую полночь. Только поднявшись пару раз размять затекшие ноги.

В наших беседах нет ни торопливости, ни излишней страстности, ни горячечной жажды истины, ни спора, ни борьбы. Мы не горделивы, нас не волнуют вопросы, которые нас не волнуют, мы покрыты азбучкой простых слов этого терпкого, певучего и протяжного, бесстыдно восточного языка... Я люблю эстетику этих бесед. Я ищу ее с тех пор, как впервые познал из пыльной, слабо пропечатанной книжки, а до этого искал интуитивно и ждал. Но нет мне собеседника и нет спокойствия, и давят эти глупые два тысячелетия с их невероятными вопросами и

мясорубками. Конечно, в реальности и там было немало наследий славных тираний, но в моем воображаемом мире диалогов – нет этих нерешимых вопросов.

Вот почему беседа может цениться наравне с любыми радостями жизни, но эта радость давно похищена у человека. Ее больше нет. Да и была ли она?

В чем был прав или неправ Карл Маркс

Всё, что касается человеческого общества, можно рассматривать с двух позиций: отстраненной, как бы свысока, нечеловеческой позиции, как мы смотрим на организацию наших файлов в компьютере или на распределение грядок в огороде. Интересы и чувства файлов и морковок в данном случае не учитываются. Или со второй позиции, изнутри, с точки зрения той самой морковки.

Поскольку мы все являемся морковками и достоверно не знаем ни одного надморковочного супериндивидуума, «супер-морковки», пользуясь псевдо-термином Ницше, то и рассуждать теоретически с точки зрения, вынесенной за границы интересов индивидуального уровня, нецелесообразно. Нередко можно встретить спорщиков, и они никак не могут договориться. Один говорит, что людей всех надо построить рядами, а другой говорит, что пусть люди сами ходят, как хотят. И тут этот спор разрешить нельзя, потому что оба правы, но только говорят на разных уровнях. Один рассматривает людей, как объекты, морковки для рассаживания по грядкам,

другой же взирает с точки зрения самой морковки, каковой мы все и являемся.

Я считаю, что первый тип рассуждений (с точки зрения надморковочного суперуровня) следует повсеместно запретить, во всяком случае людям. Если ты человек, то сиди и не возникай. Не дано тебе другими человеками помыкать и рассаживать их по грядкам. Посмотрите, от Платона с его мудрым государством, где стражники будут создавать семьи только со стражниками и рожать стражников, до фашистских идей, через ту же французскую революцию и переустройство мира всех мастей, всё это плоды рассуждений с суперморковочного уровня. Порядочный человек не должен доводить себя до такого рассуждения. Не дал Бог по определению власть одним над другими настолько, чтобы помыкать ими и вести их к их же пользе. Коммунизм есть такая самая надморковочная теория переустройства морковок для их собственного блага, без учета их морковочного взгляда на вещи. Мы все с вами морковки и не надо нам пытаться употребить себя к пользе...

В чем заключается идея социализма-коммунизма? В справедливом распределении материальных благ. А что есть «справедливое» распределение? Этот принцип, основанный на идее о равенстве всех людей, глубоко сидит в быдловом сознании человека, того самого существа, которого мы видим каждый день в зеркале нашей ванной комнаты, мясистого, из плоти и удивительно не того, каким мы себя ощущаем в остальное время. Особенно плохо подходит к этому существу гордое теоретически-обобщенное наименование «человек».

Именно плотская наша сущность жаждет справедливого дележа, в котором и есть суть социализма-коммунизма. В общем-то в нас живет тенденция накапливать различные предметы, хорошо прослеживаемая у белочек, да и у некоторых видов обезьян, а также и у других животных. Новшество идеи, что кто больше работал, тот и должен больше получать, как при классическом социалистическом распределении, не ново, поскольку в природе больше достается сильнейшему. И какая разница, применяет ли этот сильнейший силы на бодание с соперником или на добычу угля в шахте? И на то, и на другое необходима энергия, и неважно, куда она прилагается. То есть тот, кто тратит больше энергии, должен получать большую компенсацию. Многие из идей Маркса ныне кажутся дикими, необоснованными, противоестественными. Давайте рассмотрим человеческое общество как слаженный живой организм, которым оно является. Часть его ответственна за управление, часть за защиту. Часть за питание и некоторая часть за выделение. Все эти части имеют стимуляцию, основанную на обратной связи. Если части работают эффективно – они получают больше питания и развиваются, если какие-то части бездействуют – они усыхают и отмирают. Маркс предлагает отрезать и выбросить часть жизненно важных органов, заявляя, что их функции легко выполняют другие органы. Вы пробовали совершать мыслительный процесс, пользуясь ягодичной мышцей вместо головы? А переваривать пищу мышцами спины? А вы попробуйте. Получится весьма марксистская система организации общества. Каким же органом является

ленинская кухарка, которая должна управлять государством, в нашем сравнении с системой органов? Поразмыслите об этом на досуге...

Я питаю противоречивые чувства к этой избитой теме. Мне кажется она несуразной, застарелой и поbledшей. Хотя мне всё же хочется разобраться вполне, что же стоит за этим человеческим стремлением к равноправному дележу, завистливому отношению ко всему, включая себя самого, где только это возможно. Мне кажется, что я всё еще не поставил для себя точку в понимании этого вопроса, и я снова думаю о нем, читаю биографии Маркса и прочие сочинения типа «Манифеста коммунистической партии». Трудно воспринимать эти писания, именно писания в стиле библейских, вне их пошлого исторического контекста и обесцененного в своей былой возможной остроте смысла. Дело, конечно, не в Марксе и не во всей этой очередной попытке осчастливить человечество, превратившейся в адскую машину, которой можно обрисовать неизбежно последовавший двадцатый век. Если мы так зависимы от вложенных в нас естественным отбором генов, если мы так сходны с животными практически во всем, на что бы ни упал пытливый взгляд правдоискателя, почему же животные знают, когда им убежать от землетрясения, а мы не знаем? Почему же мы переняли только животные качества животных и не восприняли их тонкие интуиции? Трудно быть пленником собственного вида, биологической сущности, этой четырехсторонней Вселенной, наконец. Но ведь что-то нам удастся понимать, в конце концов. Чем-то мы превзошли наших милых животных.

Итак, стремление к справедливому распределению и вера в равенство человека – вещь весьма древняя. Она всегда зиждилась на рабских плечах даже в самые темные годы этого человечества. Хотя я бы сказал, что люди ведут себя скорее в соответствии с принятой доктриной общества. Если в обществе принято, что часть его плебеи, низшая каста, неприкасаемые, то и сами эти рабоуровневые существа ощущают себя таковыми и мало чем огорчают себя, особенно воззваниями к свободе и равенству. Многие из них знают свое место и остаются в рамках своего класса. Вопрос нестерпимости положения весьма относителен. Чаще всего люди терпят, когда их хоть как-то кормят и дают размножаться, и это может длиться поколениями. В этом отношении коммунизм есть зараза, заражающая умы, как любая другая утопичная деструктивная идея. Впрочем, любая идея деструктивна, если она доведена до абсурда. Христос и Господь Бог наверняка не закладывали в свои «возлюби» обязательное применение инквизиции.

Например, современная идея-перевертыш, защищающая цветные меньшинства в США, – прекрасный пример извращения идеи, доведенной до абсурда. Это подтверждает известный французский писатель Michel Houellebecq, именуемый журналом Paris Match “Zarathoustra des classes moyennes” – «Заратустрой средних классов». Он называет это явление “l’antiracisme ou plus exactement le racisme antiblanc”^{*} – «антирасизм или,

^{*} Цитируется по журналу Paris Match, № 2935, стр. 7.

точнее, расизм против белых». Вообще всякая идея, проталкиваемая определенным образом в общество, имеет склонность к извращению. Проблема в том, что всякое явление мы рассматриваем тенденциозно и с высоты его развития и завершения.

Когда-то я считал коммунизм противоестественным. На первом курсе еще остаточного советского института я писал работу о коммунизме в кибуцах как о примере успеха коммунизма и объяснял этот успех никак не иначе, как тем фактом, что коммунистические воззрения присущи только 3 процентам обычного населения (каковую составляет часть населения, живущая по кибуцам) и что навязывание этого образа жизни всем остальным — а именно оставшимся 97 процентам — есть противоестественно и именно это и приводит к тому кошмару, который мы наблюдали на нашей многократно оплаканной социалистической родине. Боюсь, я был не прав. Как оказалось из моего последующего опыта, люди все коммунисты в глубине души. И малообразованные, и умники — все как один.

Существует глубинное противоречие в утверждении о равенстве всех людей. Ведь какое общество ни возьми, даже самое гуманное, всё время происходит градация людей на лучших и худших, на разные группы, оценки, зарплаты, награды, похвалы, наказания. Когда люди равны, не существует иерархии, ни одна система не может работать. Не важно, неравны они по рождению или по определению общества, неравенство есть самоцель существования любой системы. Должны быть управляющие и управляемые, дающие и берущие, наказывающие и наказываемые,

награждающие и награждаемые.

Коренное свойство общества, построенного на неравенстве при формальном провозглашении равенства как основы современного демократического общества, производит эффект оболваненности у большей части населения. Большинство людей просто не знает своего места. Я не имею в виду, что я чем-то лучше других, и вовсе не призываю к фашистско-платоновскому распределению на касты. Но посудите сами. Никто из нас не знает своего места. Неограниченные возможности и сказки об их равенстве создают завышенные ожидания у большинства людей. Между тем строгая статистика хорошо показывает, что у определенного индивидуума А шансы достичь высокого статуса Б равны практически нулю, однако общественная пропаганда, воспитание, массовая культура заставляют индивидуума А стремиться к статусу Б несмотря на то, что достижение его практически невозможно. Что мы получаем в результате? Нефункциональное разочарование индивидуума А во всем, что связано с его жизнью и достижениями. Незнание своего места вызывает постоянную неудовлетворенность собой, своей работой, своим домом, своими финансовыми возможностями. Ну, это касается современного развитого общества.

От этого происходит явление всеобщей неудовлетворенности своим родом занятий. Повсеместно люди воспринимают свои профессиональные занятия как наказание. Какой бы чистой и ненапряженной ни была работа, люди страдают от скуки и неприязни к роду своих занятий. Работа воспринимается как отрицательное явление жизни.

Вот и выходит, что дело не в условиях труда, не в вознаграждении или длине рабочего дня, а дело в том, как психологически человек воспринимает работу. Вольтер в «Кандиде» делает вывод, что единственное средство переносить тоску и скуку жизни – есть труд, и завершает своей блестящей фразой “*il faut cultiver notre jardin*” – «нужно возделывать наш сад». Тоффлер в своей работе «Третья волна»^{*} отмечает, что всё больше и больше людей предпочитают самостоятельную работу по дому, заменяющую работу специалиста. Всё больше умельцев – приверженцев наборов «Сделай сам». Тоффлер объясняет это экономическими соображениями: попыткой сэкономить на оплате профессиональных услуг. Возможно, в этом проявляется неудовлетворенность человека своей официальной работой и попытка восполнить эту неудовлетворенность путем замены ее или дополнительной работы дома – на крыше или на постройке дополнительной комнаты.

Современное общество, заявив о равенстве людей, заведомо утопическом явлении, образовало общество индивидуумов, потерявших реальные ориентиры, не знающих своего места и предназначения, не ведающих, как и какой сад им возделывать.

Является ли стремление к равенству нормальным природным, заложенным в человеке явлением?

Я бы сказал, что в человеке вообще есть мало чего заложенного природой. Человек тем-то и отличается, скорее всего, от животных, что он, как правило, действует против правил. Большинство

^{*} Тоффлер Э. Третья волна. Издательство АСТ, М., 1999, сс. 6-261.

животных легко предугадываемы, поскольку они действуют сонаправленно своим природным потребностям. Человек как раз более предугадываем, если предположить, что он чаще всего действует вопреки своим заложенным природой потребностям.

Человек есть белый лист, на который общество может наносить любые письмена, диктуя его положение и место, от которого будет проистекать его поведение, либо сонаправленное с намерениями общества, либо в качестве протеста против этих намерений общества. Но всегда в той же плоскости. Именно эти императивы, продиктованные обществом, заставляют действовать человека так или иначе. Таким образом, императивы обществ, где детерминация была высока, как кастовое деление в Индии или Древнем Египте, побуждают психологию человека развиваться в соответствии с этой кастовостью. То, что мы считаем кастовое деление дикостью, вовсе не значит, что оно действительно является дикостью. Это просто значит, что навязанная нам современным обществом психология агитирует за воображаемое равенство и против кастовости, хотя само обладает практически той же кастовостью, что и самое кастовое общество утопий Оруэлла или героев фильма «Кин-Дза-Дза» с цветовой дифференциацией штанов. Только общество, построенное на лжи о неограниченных способностях, приходящей в конфликт с реальной кастовостью и практическим отсутствием этих возможностей, — отнюдь не лучшее решение для человеческого счастья. Хотя, конечно, вполне сносное решение для увеличения потребностей и

завышения ожиданий населения. Для расширения капиталистического рынка сбыта. И не надо говорить, что если люди в западном обществе одеты и недохнут от голода, то это есть окончательное доказательство, что это есть лучшая из возможных форм человеческого сосуществования.

Как решила Америка проблему счастья населения? Очень просто. Общество сделало стандартом формулу «Всё о'кей». На лицах улыбочка, и всё о'кей. А у людей возникает обратная связь: раз говорю, что мне хорошо, значит, и правда хорошо. Вот поэтому по данным, опубликованным в январе 2005 года в журнале Time в выпуске, посвященном счастью, 80 процентов американцев утверждают, что они счастливы.

Давайте же вернемся к Марксу. Маркс не учитывает совершенно роль капиталиста-предпринимателя. Читая девятую главу первого тома «Капитала»*, поражаешься: как он не хочет видеть, что предприниматель — есть тоже человек, со своими мотивами и действиями. Пусть он там не пашет по десять часов на мануфактуре, но его действия тоже должны быть мотивированы и вознаграждаемы. Такая близорукость удивительна. Трюк со сравнением добавочной стоимости с заработной платой при отбрасывании учета другой части вовлеченного капитала и выводы о стопроцентной эксплуатации — очень жалкие, необоснованные доводы. К тому же всё валится в одну кучу — тяжелые условия труда, чем будут заниматься молодые рабочие, если их

* Marx, Karl. Capital: A Critical Analysis of Capitalist Production, trans. Samuel Moore and Edward Aveling, ed. Frederick Engels (New York: International Publishers, 1939).

отпускать на час раньше. Всё в одну кучу.

Базисный интерес капитализма – равномерное распределение капитала между населением, которое создает колоссальный и наиболее надежный рынок сбыта. Ведь если в государстве только кучке людей предоставлены все богатства, а остальная часть населения нищая, – капитализм не может существовать, потому что нищие не могут создать рынок потребления. А богатых для этого недостаточно. Я бы объяснил зарождение первой французской революции с ее свободой, равенством и братством как попытку молодого капитализма создать равные условия для масс, чтобы расширить рынок сбыта.

Маркс абсолютизировал труд, провозгласил его «общественной субстанцией», утверждая, что всякий труд продуктивен. Я не раз сталкивался с этим образом мышления у простых работников на разных континентах. Когда я указывал на контрпродуктивность труда определенного сотрудника и даже вред, который этот сотрудник причинил своим трудом, в Израиле ли, в Канаде ли, – я получал один и тот же ответ: «Но ведь я же работал!» Этот ответ звучал на разных языках, и даже в весьма грубой форме, типа “But I was working eight f... hours!” – «Я работал восемь (далее следует нецензурное ругательство) часов!». Никакие мои попытки объяснить, что чем такой труд, лучше бы работник вообще оставался дома, не помогали. И не чтобы я отказывался им платить. Об этом и не шло речи. Трудовое законодательство всех развитых стран требует платить за труд вне зависимости от его результатов. Нет, речь шла просто о критике работы, на которую мне неизменно отвечали: «Но я

ведь работал!» И это в Канаде, стране, казалось бы, не тронутой социалистическим воспитанием...

Абсолютизация труда и является принципиальной ошибкой Маркса, правда, не единственной. Абсолютизовав труд и создав на этом теорию добавочной стоимости, которая просто кишит прямыми манипуляциями цифрами типа прибавления кружек к кирпичам (я просто не хочу докучать читателю школьной арифметикой и разбором марксовских задачек в стиле: «Рабочий произвел столько-то килограммов того-то»), Маркс заложил фундамент своего учения, а используя смитовское разделение на классы, Маркс создал теорию классовой борьбы, экспроприации буржуазии, диктатуры пролетариата, ставшую обоснованием насилия вообще и пролетарской революции в частности.

Еще один достаточно логичный с позиций марксовской теории абсолютизации труда и абсурдный с точки зрения здравого смысла вывод: земля ничего не стоит, поскольку не создана трудом!

Позвольте мне процитировать украинского писателя Николая Даниловича Руденко:

«Сложно сказать, рассчитывал ли Маркс на воплощение своей теории, ведь под конец жизни он фактически отрекся от нее, о чем свидетельствуют последние строки четвертого тома «Капитала»: “Основой абсолютной добавочной стоимости – то есть реальным условием ее существования – является естественное плодородие земли, природы, в то время как относительная добавочная стоимость основана на развитии общественных производственных сил”. Однако российские большевики, не дочитав Маркса,

побежали делать революцию. Всё, за исключением нэпа, творимое с 1917 года в России (а затем в СССР), было выполнением марксистской теории. Крайне ревностным последователем Маркса оказался “вождь народов” Сталин. Промышленные армии, предвиденные Марксом, Сталин воплотил в концлагерях и колхозах, где из человеческих мышц выдавливалась “добавочная стоимость”. Коллективизация сельского хозяйства была одним из проявлений диктатуры пролетариата. Насилие осуществлялось репрессивно-карательными органами уродливо разбухшего государства, вовсе не собиравшегося отмирать, как это предполагал Маркс. За железным занавесом, лицемерно прикрываясь “светлым будущим коммунизма”, людей перерабатывали в “добавочную стоимость”. XX век оказался опутанным колючей проволокой, как Маркс – собственной бородой. Этот жуткий эксперимент продолжался бы еще долго, если бы не восстала сама Природа».

Я увидел у Маркса немало ссылок на Адама Смита и тоже решил стать вслед Евгению Онегину «великим экономом, то есть уметь судить о том, чем государство богатеет...». Маркс ведь всеми воспринимается как некто, основывающий свои теории на классиках-экономистах. Я заказал английское издание Адама Смита и погрузился в стройную логику его простых и славных рассуждений.

Важно понимать обстоятельства того времени, когда возникают те или иные идеи и концепции. Чем больше фактов учитывается, тем более вероятно представляется возможность, суть идеи. Идеи, оторванные от своего исторического контекста,

неизбежно ложно истолковываются. Адам Смит имел взгляд на феодализм, который мог иметь только человек его времени, когда дух феодализма витал над Европой и не был чем-то малообразимым на практике, как во времена Карла Маркса и тем более в наши дни.

В главе про деньги Адам Смит, между прочим, заявляет: так или иначе, все мы есть коммерсанты – “Every man thus lives by exchanging, or becomes in some measure a merchant, and the society itself grows to be what is properly a commercial society”.* Любому человеку, живущий обменом, а в настоящее, да и в адамосмитовское время, все жили обменом, следовательно, все коммерсанты. Если бы это понимание пользы, выгоды и магия равновесия обмена воспитывались в корнях человеческих масс, возможно, не было бы тех ужасов, которые потрясали мир последние лет триста... Обмен – есть величайшее провозглашение свободы человека. Не пустое, звонко-тряпочное, сладко-дешевенькое, а конкретное, доказанное, справедливое. Раз с тобой идут на обмен, значит, не собираются ни убить, ни ограбить, ни заставить работать по-рабски. Я не знаю, есть ли обмен у животных. Во всяком случае, я никогда не обращал на это внимания. Животные могут поделиться, отдать свой кусок... Да, взаимовыгодность встречается у обезьян: почешу тебе спинку – я тебе тогда тоже почешу. В общем, это задатки культуры

* «Каждый человек, таким образом, живет обменом или становится в какой-то мере коммерсантом, и само общество вырастает соответствующим образом в коммерческое общество» (англ.). Перевод мой. Цитируется по: Smith, Adam (1723-1790). *The Wealth of Nations*. Published: USA Modern Library Edition, 1994. Chapter IV, “The Origin and Use of Money”, p. 24. First published: 1776.

обмена.

Коммунизм отрицает обмен. Он нарушает эту тонкую нить свободы – каждому по потребностям, со всякого по возможностям... а чтоб потребности не разбухали – воспитывать в скромности. А также нарушает и разделение труда: с утра рыбу половил, вечером страной поруководил... Обмен есть единственная гарантия свободы человека. Пока с тобой меняются, если, конечно, без нажима, свободно, то тебя воспринимают за равного. Партнера в переговорах, достойного обмена, а не отнятия силой... или игнорирования. Если бы ощущение коммерсанта было заложено в каждого из нас с молоком матери, с воспитанием, и не ведали бы люди дурных идей суперморковочного – сверхчеловеческого – уровня – коммунистическим идеям не было бы места. Ведь коммунизм – это не что иное, как стремление к ХАЛЯВЕ. Святой, всепобеждающей и всепоглощающей халяве, при которой обмена нет и не может быть.

Позвольте мне процитировать Николая Руденко по поводу природы добавочной стоимости:

«У Маркса ошибочной является основополагающая часть его теории, та часть, где обосновывается природа добавочной стоимости, “краеугольный камень” экономической теории, как говорил Ленин. [Дело в том], что человечество живет за счет солнечной энергии. Маркс этого мог не понимать, так как не существовало учения о фотосинтезе, а следовательно, не была осмыслена роль солнечной энергии в жизни земного человечества. Сейчас поняли, что только приток солнечной энергии на земной шар, усвоение которой

посредством фотосинтеза происходит в растениях, и есть первооснова жизни. Усвоенная растениями, эта энергия становится продуктами питания, затем движется артериями общества, потребляется людьми и является, собственно, настоящей стоимостью. Следовательно, начинать нужно не с труда, а с той энергии, которая обеспечивает сам труд! Закон сохранения и преобразования энергии и подводит нас к этому. Прежде чем идти на работу, человек должен позавтракать, затем есть обеденный перерыв. Следовательно, человек питается, принимая соответствующее количество солнечной энергии, которую затем расходует в труде. Словом, от абсолютизации труда нужно переходить к абсолютизации космической энергии, питающей человеческий труд. Здесь можем приравнять человека (а в данном случае это не грешно) к машине, поскольку мы в земной жизни являемся трансформаторами солнечной энергии. <...> Итак, человек не может жить, не потребляя время от времени порцию солнечной энергии. Стоимость рождается именно из нее. Как же это происходит? А вот, скажем, так: весной мы бросили в землю зерно кукурузы. К осени вырос початок, где уже не одно зернышко, а сотня. Адам Смит, а за ним и Маркс выводят урожай из труда. А правильно ли это? Только частично. Естественно, определенное количество урожая принадлежит труду, но далеко не всё. Безусловно, чем лучше мы возделаем поле, чем больше позаботимся о растениях, тем больше получим. Оценим вклад труда, предположим, в 40%. А 60% разве от труда? Нет, 60% — это дар самой Приро-

ды. И наконец, не человек же создал початок кукурузы! Следовательно, добавочная стоимость рождается именно здесь. Абсолютная добавочная стоимость — это та часть урожая, которую крестьянин вывозит на рынок. За счет абсолютной добавочной стоимости выросли города, за ее счет развивается цивилизация вообще. Представим теперь, что весь выращенный урожай крестьянин потребил. Поработал и потребил плоды своего труда, осталось только на посев и пропитание до нового урожая. А на продажу ничего не осталось. Как же в таком случае будет работать промышленность, жить город, функционировать государство? Теперь ясно, что все начинается с зернышка и поля, на котором и рождается добавочная стоимость. Потом она будет приобретать иные формы — промышленных товаров, денег и т.д., но начало ее следует искать именно здесь, на поле».

В чем же неправ Карл Маркс? В своем лубочном подходе к экономике, неглубоком, поверхностном и потому всегда ошибочном анализе рабочих отношений, средств производства и мотивов предпринимательства. По Марксу, капитал существует как бы спущенный с неба, предприниматель с его интересами, риском и мотивами игнорируется так, как будто он уже расстрелян. Валится в кучу всё, он бы еще на поэзию перешел, как иногда бывало с Ницше.

В чем же прав Маркс? Конечно, нельзя держать людей в нечеловеческих условиях, плохо кормить, заставлять работать по шестнадцать часов и практически ничего не платить. Это плохо для всех. Но за последние 150 лет капиталистические

общества развили такие социальные системы, что впору говорить об их передозировке и о том, что они плодят тунеядцев и разваливают общество.

Кем же был этот Карл Маркс? Давно воспринимаемый как бестелесный символ, он как бы оторван от реального времени и плотской действительности, когда эти, как оказалось впоследствии, взрывные и гибельные для миллионов идеи создавались.

Что движет людьми типа Маркса? Страсть. А страсть редко бывает зрячей. Карл Маркс – вряд ли экономист по сути, да и как философ он вызывает немало сомнений. Сваливая всё в одну кучу – философию и экономику, литературу и политику, Маркс, естественно, не укладывается ни в одну из классификаций...

Будущее развитие истории

Предсказание будущего, конечно, неблагодарное занятие. Книги, посвященные этой теме, всегда привлекают, приятно будоража фантазию, однако чаще всего разочаровывают. Одни авторы пускаются в дотошные мечтания, плоские и мало обещающие пробуждение интересных мыслей, иные же ограничиваются общими высказываниями, ради которых можно было бы вполне и воздержаться от писательского труда.

Предсказание будущего относится к той зыбкой части человеческой деятельности, которая ворочается на шумных рынках среди увешанных побрякушками, но странно влекущих цыганок, среди магов и факиров разной руки, коих уличить

вполне в их неискренности и нефантастичности никогда не удастся.

Предсказание же будущего на глобальной шкале есть и вовсе занятие для людей либо чрезвычайно уверенных в своей осененности, либо умалишенных.

Предсказывать историю не с руки. Однако рассуждать о будущих путях развития человеческих обществ можно и даже необходимо.

Удивительным в истории является то, что различные грандиозные события разных эпох иногда как две капли воды напоминают друг друга. Какую бы историю из современности ни взять, всегда найдешь некий прототип, иногда настолько ей близкий, что кажется – ничего не меняется под нашим солнцем. Казалось бы, при таком повторении сценариев различных завоеваний, битв, предательств, свершений, самопожертвований нетрудно предугадать продолжение развития любого события.

Однако это иллюзия – такая же иллюзия, как простота шахматной игры, в которой незатейливый танец фигур по черным и белым клеточкам кажется простым и предсказуемым, однако представляет собой одну из сложнейших человеческих головоломок. Итак, тот факт, что история повторяется, не может нам вполне помочь, когда мы уносимся своею мыслью в область будущих новостей, кровавых размолвок и славных свершений.

Вместе с тем, как это ни удивительно, современная историческая ситуация, однако, абсолютно уникальна; развитие прогресса, средств коммуникации,

современного вооружения, свобода доступа к информации делают ситуацию уникальной. Это не количественные различия с тысячелетиями предыдущей истории, а качественные свойства, которых ранее не было и мало кто мог их предугадать.

Небывалый рост населения Земли, увеличивший количество человек в несколько раз в ничтожный для развития человечества отрезок времени, тоже делает сегодняшнюю ситуацию уникальной. Как когда-то существовали убеждения в том, что Земля является центром Вселенной, и мы могли бы заблуждаться об исключительности нашего сегодняшнего положения, однако указанные выше факты действительно делают сегодняшний момент особенным.

Существуют определенные закономерности, уяснив которые, можно видеть ту или иную парадигму развития истории. Например, мы можем сказать, что униполярность не является устойчивой. Как только выделяется ведущая сила на мировой сцене, ей всегда находится противовес, который приводит к конфликту, который, в свою очередь, разрешается кроваво или бескровно, оставляя мир униполярным лишь на малую толику времени, после же происходит его превращение опять в две конкурирующие стороны. Базируясь на этих рассуждениях, мы можем предположить, что глобальная цивилизация, управляемая единым образом, скорее всего является утопией. Такая система не будет устойчивой, ибо всегда в ее недрах будет зарождаться сила, пытающаяся ее разорвать.

Только общая угроза для всей Земли, вроде нашествия инопланетян, может объединить — и то

только на время существования этой угрозы – все нации мира под управлением какого бы то ни было единого правительства. Обратите внимание: в случае НАТО, как только советская угроза отпала, единство стран этого военного блока пошатнулось, и после последней войны в Ираке, в которой некоторые страны этого стратегического объединения принимать участие отказались, Северо-Атлантический союз является и вовсе иллюзорным. Во многих странах усиливаются тенденции к сепаратизму: например, Квебек почти отделился от Канады в 1995 году, известны и многие другие примеры – возьмите развал Советского Союза. Разные нации могут находиться под одним правительством либо подавляемые сильной властью, что вряд ли может продолжаться значительный промежуток времени, либо сплавляемые серьезной внешней угрозой, которой в одиночку будет сложно противостоять. По советам блестящего политического циника Макиавелли, отличавшегося непревзойденной откровенностью, по советам, которые продолжают находить себе подтверждение в новейшей истории, слабой стране вообще не рекомендуется вступать в союз с сильным соседом, а наоборот – вступать в союз с сильным врагом соседа, находящимся на удалении, таким образом находя в этом балансе сил гарантию своей независимости. Желаете иллюстрацию? Извольте – Кувейт и Саудовская Аравия союзничают с США, а не с соседом Ираком. Страны Средней Азии позволяют расположить на своей территории американские военные базы, и прибалтийские страны дружны с США, а вовсе не со своим соседом Россией.

Сильное центральное управление в современном мире тем более является утопичным, поскольку даже на уровне единичных стран мы всё больше наблюдаем раздробление власти, увеличение самоуправления и физической независимости отдельных составляющих единиц различных государств, таких, как штаты, провинции, города, отдельные глобальные коммерческие предприятия, которые всё меньше и меньше зависят от центрального управления и всё меньше желают ему подчиняться.

До какой степени может идти подобное дробление власти? Как это ни удивительно, оно может идти практически до индивидуального уровня каждого отдельно взятого человека. Вливаясь в единую глобальную систему интересов и ценностей, поддерживаемую такими всеобъемлющими средствами, как современный, а тем более будущий интернет, каждый отдельно взятый человек внезапно выходит за пределы каких-либо географических и социальных границ. Интересы современного индивидуума могут распространяться далеко за пределы его дома, хозяйства, улицы, города, страны. В такой ситуации отдельный индивидуум может иметь отличные от государства интересы даже в такой неприкосновенной области, как международные отношения. Если раньше большая часть населения национальных государств не имела никакого понятия, а тем более никаких интересов в том, что происходит за пределами их околицы, то теперь многие отдельные индивидуумы могут иметь или не иметь хлеб с маслом на завтрак в зависимости от того, какова политическая или

экономическая обстановка на другом конце планеты. Рынок сбыта самых различных товаров и услуг становится глобальным, нередко появляются индивидуумы, которые практически не имеют связей с локальной ячейкой государства – живя в одной стране, они продают свои услуги и товары совершенно в других странах. И, более того, тратят часть заработанных денег на товары и услуги, так же не имеющие никакого отношения к месту, где они проживают.

Когда я был мальчиком, у нас обнаружили родственники в Австралии, и я сочинял своей бабушке детскую невероятную историю, что у нас кончились спички и нам их прислали из Австралии. Однако с тем, что многие услуги не нуждаются в физической доставке в современном мире, моя детская наивная история более не является ни наивной, ни фантастической. В такой ситуации власть локальных управляющих систем чрезвычайно ослабевает. Безусловно, власти предержащие сопротивляются эрозии их влияния на мирных сограждан, однако этот процесс практически неостановим и рано или поздно приведет к отмиранию старых управляющих систем, ибо уже сейчас люди решают сами, с кем они хотят иметь дело на другом конце Земли, невзирая на политические и экономические интересы своих материнских государств.

Для того, чтобы более или менее ясно видеть направление развития истории, необходимо научиться распознавать и отбрасывать фоновый шум текущих, незначительных событий.

Когда мы обращаемся к архивам, например, подпискам газет начала века или времен мировых войн,

просто поражаемся, какое огромное число событий, казалось, меняло ход истории, а ныне совершенно забыто. Просматривая старые газеты, сложно предвидеть, куда ведет та или иная парадигма истории, даже достоверно зная, какие исторические факты последовали за событиями, описанными в этих газетах. Так же и в индивидуальной жизни трудно распознать за шумовым фоном мелких, незначительных свершений, куда ведут нас наши будничные кармы.

Иногда я пробовал не слушать свежих новостей по полгода для того, чтобы создать себе хотя бы иллюзию временного покоя и утихомирить свои разгулявшиеся неврозы. Возвращаясь к новостям, я, во-первых, находил мир мало изменившимся. Во-вторых, скрыто чрезвычайно изменившимся. В первый раз послушав новости после долгого перерыва, я обнаруживал, что не понимаю большую часть из них, ибо мировые новости давно уже подаются нам, как нескончаемый бразильский сериал. И очень сложно внеземному чужаку вникнуть, кто такой есть этот Педро и почему он сидит в долговой яме. Так же и я не понимал, кого и за что судят, кого и куда выбирают, только разве что сурдинка ритмичных террористических актов выдавала, что я всё еще в той же самой яви.

Далее из последующих выпусков мне случайно становилось известно о, казалось бы, эпохальных событиях, которые наверняка в момент их происшествия казались чрезвычайно значительными, но теперь были настолько забыты, что мне стоило немалого труда составить более или менее четкое представление о том, что же на самом

деле произошло.

Итак, на этом примере нетрудно отметить, что фоновый шум исторических событий не дает вполне предугадать намеки на будущее развитие истории.

Суждение об истории, да и всякое суждение вообще всецело зависит от субъективной позиции наблюдателя. Объективного наблюдателя в этом, да и не только в этом вопросе нет и не может быть. Как мы нередко переделываем оценку наших прошлых событий, так мы изменяем наши представления о будущих событиях, пользуясь исключительно единственным императивом интересов настоящего момента. А надо сказать, что фактический материал многих исторических событий имеет гораздо меньшее значение, чем оценка этих событий в настоящий момент. Сообщество человекoв легко может выбросить из своей общественной памяти или до неузнаваемости исказить практически любое историческое событие. Главный врач больницы, в которой я работал, как-то распространил по больнице утверждение, что проказа не заразна. Многие в мире теперь, например, отрицают случившийся с еврейским народом фашистский геноцид. Вообще отрицание очевидного есть весьма характерная черта человеческого общественного самосознания. При такой необъективности человеческих общественных суждений, какие бы предсказания ни давались насчет будущего развития истории, они могут быть искажены и девальвированы.

Существующие в современном мире цивилизации (или парадигмы цивилизаций) имеют разные шкалы и несопоставимы по многим параметрам. Сравнение стран по валовому продукту на душу населения не

дает нам никакого представления об уровне их развития как единицы той или иной цивилизации.

Как разнятся культурные ценности разных людей, как различны представители разнообразных слоев обществ, – так же разнятся и страны. Ведь что есть характер государства, как не суммарный собирательный образ представителя местных национальных общин? Как различаются люди по расам, так различаются люди по мыслям, так различаются люди по душам. И это никак невозможно отрицать. Я не скажу, что черная кожа лучше или хуже белой, я не скажу, что греческий нос лучше или хуже носа не греческого. Но не видеть это различие может только умалишенный слепец, тем более странно мерить эти уникальные и различные меры разных народов одним мерилом экономической эффективности.

Безусловно, в современном мире всё больше проявляется унификация, вызванная глобальными средствами информации. Люди снимают свои традиционные костюмы, но, поверьте, нутро их не меняется. Самурай в галстук навсегда остается самураем, гордый бедуин в «кадиллаке» – гордым бедуином, а утонченный брезгливый англичанин не теряет собственного самозначения даже в грязной футболке и паре ковбойских джинсов. Не покупайтесь внешним стиранием национальных различий. Внутри каждого народа существует сверхпрочное ядро его национальной самобытности, зародившейся тысячелетия, а может, и десятки тысяч лет назад. Не покупайтесь на ощущение, что если границы государств меняются в последние столетия, то это как-либо влияет на это самобытное

национальное ядро. Вы можете сменять гуннов славянами, славян варягами, варягов татарами – зерно народа, несущее его особенный характер, закодировано в его генах и зависит скорее от того, кто на ком женится, чем от того, кто в каком государстве живет. Не обвиняйте меня в расизме; расизм – это не утверждение того, что между разными расами существуют различия, а это утверждение того, что одна раса по какому-либо признаку лучше, успешнее или духовнее другой. Поставив штампель расизма на всем, что смеет упомянуть различие между разными населенными, мы приходим в область того же самого мракобесия, каким веками славилась человеческая наука. Как будто бы клеймение всякого видящего эти различия уберезет нас от расовой дискриминации! Я вообще отрицаю понятие расовой дискриминации. Расизм всегда, как и всякая другая идеология, является только удобным предлогом отобрать себе пожирнее кусок, попрочнее нору, позвучнее самолюбие.

Какие можно выделить основные национальные характеры? Грубо мир можно поделить на европейскую цивилизацию, мусульманскую цивилизацию, дальневосточную цивилизацию и дикие племена. Опять же, позволю себе отметить, что наличие в какой-нибудь африканской стране президента в костюме, автобуса на улице и проведенного телефона вовсе не означает, что страна эта не населена диким племенем, каким оно и было последние сотни тысяч лет и каким оно, возможно, и останется в неопределенном будущем. Опять же вам захочется заклеить меня, но вы оставите эту мысль, едва прочтете следующее: я не считаю, что быть диким

племенем плохо. Я не считаю, что сложность и напряженность сообщества дикого племени больше или меньше напряженности Манхэттена и лондонского Сити. Более того, я не считаю, что дикари уступают цивилизованному обществу в своем интеллектуальном или духовном развитии. Всё дело лишь в том, что плоскость их цивилизации лежит в отдельной, параллельной социальной вселенной и никаким образом с европейской или другой цивилизацией не соприкасается.

Я знаю одно племя, которое имеет в своем языке две с половиной тысячи слов, означающих разных кузнечиков. В нашей цивилизации для обозначения кузнечиков мы имеем только одно слово. Я знаю другое племя, чьи вековые поверья прекрасно соответствуют современным космологическим теориям и, более того, возможно, ушли далеко вперед от них. Ведь для того, чтобы приблизиться к истине, совсем не нужно ее искать. Ибо в поиске нередко находишь так много всего постороннего, что забываешь, зачем его затеял. Конечно, применяя к диким племенам наши комфортные мерки, мы считаем, что все они грязные придурки. Я знаю третье племя, живущее в дебрях лесов Амазонки, у которого большую часть взрослых и детей постоянно съедают дикие звери, а они не могут собраться с мыслью купить ружье и жить счастливо впоследствии. Вы скажете: может, они не хотят. Нет, они уже хотят. Добрые дяди и тети из нашей цивилизации давно объяснили им, какие они идиоты. Правда, денег теперь у них как не было, так и нет, и дикие звери едят их, как прежде. Вот вам пример столкновения цивилизаций. Когда более

грубая и нечувствительная цивилизация внедряется во владения своей несчастной сестры, всегда происходит катастрофа. Вы скажете, что более слабая цивилизация погибает. Ничего подобного. Умерщвленная цивилизация ацтеков существует в нашем общечеловеческом сознании, как несокрушимая фактическая глыба. Между тем жалкие разбойники Кортеса как были жалкими разбойниками, так ими и останутся. Да чего уж там говорить, таинственная мифическая Атлантида существует в общечеловеческом сознании, даже оставив на мировой карте не какой-нибудь, а Атлантический океан.

Итак, заключив, что в современном мире выделяются четыре основные панцивилизации, мы должны рассмотреть их более мелкое дробление. В европейской цивилизации можно выделить северную и южную линии. Границу я бы провел через север Франции, север Италии и резко закруглил ее через Австрию наискосок, захватив северные страны Восточной Европы, Прибалтику и Петербург. К странам южной линии я бы отнес все европейские общины, находящиеся ниже моей воображаемой границы, – греки, итальянцы, испанцы и балканские государства, по моему мнению, ближе к мусульманской цивилизации, чем к североевропейской, и это неудивительно. Столетия Османской империи оставили свой сокрушительный след. Конечно, многие греки несут в себе гены Платона, но кто нам сказал, что Платон был близок к североевропейской культуре? Тот факт, что вся современная западная философия базируется на Платоне, вовсе не делает Платона западноевропейцем. А вы почитайте

его диалоги — это восточный, южный человек. В европейской цивилизации следует выделить отдельно североамериканскую линию, в которой преобладают Соединенные Штаты, а Канада стоит особняком.

Что характерно для североевропейской цивилизации? То, что в ней до сих пор существуют серьезнейшие внутренние противоречия, которые были сглажены и сглаживаются ныне наличием общего смертного врага. Сначала коммунизм, теперь исламский фундаментализм отчасти сглаживают эти разногласия. Представьте себе, что в один прекрасный день современная североевропейская цивилизация проснется в мире, где больше кроме нее никого нет. Ну, улетели остальные на суперзвездолете осваивать новую открытую планету где-нибудь у звезды Альфа Центавра, потому что спектральный анализ им показал, что там много оливок, риса, теплое море и нет североевропейцев. Поначалу североевропейцы будут крепиться и даже как будто обрадуются. Но через некоторое время им опять придется делить мир. Англия сцепится с Францией, Франция сцепится с Германией, Германия сцепится со всеми сразу, причем сделает это первой по уже заведенной традиции. Соединенные Штаты по традиции так же сцепятся со всеми, и мы получим очередную полномасштабную, долгожданную, классическую мировую войну. Сначала это будет война слов, потом, может быть, она так на словах и останется, однако мира между собой несчастным членам североевропейской цивилизации не видать, как собственных ушей.

Европейский союз, сформировавшийся для того,

чтобы экономически противостоять натиску Соединенных Штатов, есть объединение противоестественное и навязанное национальному самоопределению отдельных европейских стран. Уже сейчас оно показывает резкие трещины на своем едва новонарожденном теле. Опять же, от того, что теоретики-экономисты, проконсультировавшись между собой, решили создать общеевропейскую валюту, суть национальных характеров государств не изменилась.

В Германии всё еще ходят по магазинам и сидят на лавочках престарелые гитлерюгендовцы, воспитанные в совершенно определенном духе в вопросе мировой роли Германии и благополучно передавшие это воспитание новым поколениям. Средства массовой информации и проистекающая из них официальная новейшая история делают над нами ослепляющий трюк, будто бы пал Берлин и в мозгах нескольких десятков миллионов немцев как будто переключили программу телевидения. Это полная блажь. Берлин не пал и никогда не падет в душах многих из них. И не принимать этого во внимание можно только намеренно, делая себя и окружающих близорукими и наивными. Германский национализм не пришел в Германию с Гитлером и не ушел из нее с ним. Это то, что определяет саму суть новообразованной германской нации, требующей реванша за затырканное бытие на задворках истории в то время, как английская и французская громогласные арии раздавались над судьбами земного шара. А вы возьмите просто любого немца и поговорите с ним на отвлеченную тему, и подчас останется у вас странное ощущение

насмешливо-презрительного отношения к себе, которое ощущается не в словах, а в самой ауре общения, из чего я могу заключить, что если я испытываю чувство ущербности, то мой германский собеседник, следовательно, испытывает чувство превосходства. Надо полагать, что объединенная Германия будет проявлять большую степень агрессивности на мировой арене. И я чрезвычайно обеспокоен ее объединением в начале 90-х годов двадцатого века. То, как проявляет себя эта страна в выпусках новостей и на международных конференциях, вовсе не позволяет получить представление о той упрямой национальной мысли, которая, как пружина, сжата и вогнана в головы немцев и которая рано или поздно распрямится взрывом насилия над другими народами. Двадцать пять лет мирной Европы в первой половине двадцатого века так же не давали твердой гарантии, что этот мир не является очередной передышкой между ставшими традиционными в последние несколько тысяч лет войнами без особых на то причин.

Англия играет странную роль на мировой арене. Америка вытянула из этой страны самых активных, неутомимых и предприимчивых людей. Более того, от подобного процесса миграции населения пострадали Ирландия, Шотландия, Скандинавия, Нидерланды. С другой стороны, массовое переселение захватило не только активную часть населения этих стран, но и унесло на запад целую волну малоактивных, низменно сориентированных, попросту говоря, быдловатых людей. Причем явление это произошло в колоссальных масштабах. Люди переезжали в Америку миллионами. Безуслов-

но, такое явление не могло не отразиться на современной роли этих государств и на том, какую роль они будут играть в будущем. В Англии я имел удовольствие на протяжении нескольких дней тесно общаться с типичным представителем престарелого, но еще активного поколения англичан. Меня чрезвычайно поразило сходство его разглагольствований с позициями израильских левых:

1. Правительство плохое, потому что не обеспечивает высоких пенсий, пособий по безработице, хорошего бесплатного здравоохранения.

2. Кому нужна Шотландия? Пусть самоопределяются.

3. Кому нужна Северная Ирландия? Она уже всем надоела.

4. Кому нужен Уэльс? Когда мы были в Уэльсе, он весело пошутил с музейным служащим на кассе: «Принимают ли здесь иностранную валюту?» Шутка могла означать то, что он считает Уэльс не Англией.

Эта еврейская парадоксальность, доходящая до полного самоуничтожения себя в национальном смысле, мне показалась такой неожиданной у престарелого англичанина, и мне кажется, она не предвещает ничего хорошего для его страны.

Королева? А кому нужна королева! Поменяйте королеву на повышение пособия для безработных! Англия слабеет, и, пожалуй, единственной живой струей в ней являются смуглые лица иммигрантов, которых хоть и много, но недостаточно, и потому они повторяют за местными жителями безумные парадоксальные высказывания, которые сначала воспринимаются на уровне шутки, а потом кончаются

гибелью нации и развалом страны.

Однако есть и другое предположение: что мой достопочтенный англичанин вовсе не думает так, как говорит, потому что в английской культуре говорить, что думаешь, считается неприличным. А посему этот твердый орешек со скромным названием UK может так и оставаться неприступной твердыней в будущих веках, разве что, по мнению британских ученых, дрейф континентов, который до неузнаваемости изменит географию планеты в ближайшие двести миллионов лет, лишь немного отнесет Британский остров поближе к теплым морям, ничего на нем по сути не изменяя.

Англия придерживается в своей внешней политике безапелляционной позиции поддержки Соединенных Штатов, в то время как население страны презирает Соединенные Штаты и их политику никоим образом не поддерживает. Сменяются премьер-министры, казалось бы, 80% народа, не поддерживающего правительство, могли бы себе выбрать какое-нибудь другое правительство. Однако ничего не меняется – в английском пабе по-прежнему матерят американских госсекретарей и президентов и выбирают правительство, которое, как послушная шавка, гавкает только в ту сторону, в которую ему указывают Соединенные Штаты. Я думаю, секрет здесь только один: англичане еще больше ненавидят своих непосредственных соседей – континентальную Европу – и из двух зол, по их мнению, выбирают меньшее.

Франция еще покажет свой характер. Спесивая и презрительная, взбалмошная и внутренне весьма агрессивная, она, как и большая часть материковой Ев-

ропы, получает инъекцию в слоновой дозе из мусульмано-африканских и дальневосточных эмигрантов, которые до неузнаваемости уже меняют и будут менять ее лицо. Я был поражен, наблюдая, как произошел колоссальный спад во франко-американских отношениях в считанные недели, когда Франция отказалась поддержать последнюю войну в Ираке. Франция ведь была не единственной, кто отказался поддерживать Соединенные Штаты, однако как надо было вывести американцев из себя, чтобы они переименовали «французские чипсы» (French fries) в «чипсы свободы» (liberty fries)! Франция, как и другие основные страны, испытывает глубинную потребность реванша, возможности снова диктовать мировые судьбы, а не служить расширенным «Диснейлендом» для американской публики.

Европа привыкла быть центром мира и до сих пор не может оправиться от того, как, пока она самозабвенно разбиралась сама с собой в двух мировых войнах, центр мира переехал за океан к недотепистому, в звездной шапке анклу Сэму, которого до сих пор в Европе всерьез не воспринимают.

Конечно, пойти на открытый конфликт с Соединенными Штатами не в правилах европейской политической культуры (даже безумная Россия не пошла на открытый конфликт с США ввиду того факта, что ядерное оружие исказило до неузнаваемости всякий смысл полномасштабной войны между атомными державами).

Европейская политика всегда гордилась своим искусством манипуляции третьими странами для эффективного досаждения своим европейским

соседям. Не забывайте, что папы современных политиков передали своим чадам лучшие традиции этих политических искусств.

Взять хотя бы последний конфликт с Ираком. Германия и Франция вели себя практически так, как будто они имели с Ираком союзнический договор. Как это объяснить? Неужели французским и германским элитам близки идеи исламизма и тирании? Объяснить это большим процентом исламского населения в этих странах нельзя, потому что обычно политическое руководство в промежутке между выборами практически не обращает внимания на мнение избирателей. В большинстве современных демократий у избирателей нет прямого механизма свергнуть непопулярное правительство, а их представители в парламенте гораздо больше руководствуются сиюминутными оппозиционными или коалиционными интересами, чем мнением своих избирателей. Все давно заучили наизусть тот факт, что в политике существует отдельная от общепринятой псевдомораль, которая позволяет менять политические позиции, вводить в заблуждение и не заботиться о своей репутации, поскольку к каждым следующим выборам население приходит с чистенькими, отшлифованными мозгами и выбирает тех, у кого есть больше денег на предвыборную кампанию.

Конечно, случаются и исключения, однако надо отметить, что политикой в благополучных странах практически никто не интересуется, кроме самих политиков, что позволяет им вариться в собственном соку и выделывать такие трюки с моралью, что если бы это позволил себе ваш сосед, вы бы перестали с

ним здороваться и, весьма вероятно, вам не пришлось бы стоять перед выбором, здороваться с ним или нет, поскольку сосед ваш за такие художества надолго угодил бы в тюрьму.

Итак, манипулируя через третьи страны, европейские политики добиваются и будут добиваться ослабления роли Соединенных Штатов. Они даже временно пошли на неестественный и болезненный союз друг с другом, отказались от святого святых любой государственности – национальных валют – во имя евро, чтобы таким образом противостоять гигантской экономике Соединенных Штатов, вращающей в себе 1/4 мировых богатств, сосредоточенных в руках 1/20 мирового населения.

Соединенные Штаты, как бы ни хотелось того их врагам, еще очень сильны, сплочены и однородны для того, чтобы всерьез рассуждать о зачатках грядущего развала империи, ибо, по словам Конфуция, для процветания государства необходима сильная армия, обилие хлеба и правильное настроение умов. Все эти три фактора в Соединенных Штатах присутствуют в полной мере, а если кто попытается указать на разлад в умах, я бы сказал, что он лишь только видимый. Американцам удалось объединить свою нацию вокруг незыблемого идола под именем «доллар», и в этом черные и белые, правые и левые, нормальные люди и сексуальные меньшинства, все, как один, монолитны и искренне считают, что «в деньгах счастье».

Так же Соединенным Штатам удалось создать практически тотально счастливую нацию. По недавним опросам журнала Time, более 80% американцев считают себя счастливыми, и я полагаю, что это ре-

зультат всеобщего «о'кея» и улыбки до ушей. Доподлинно известно в психологии, что существует обратная связь между человеческим поведением и словами и тем, как он себя чувствует. Это очевидно: когда человек всем доволен, он улыбается и говорит: «О'кей!» Но доказано, что если человек всё время улыбается и говорит: «О'кей!», то он рано или поздно начинает быть всем доволен.

Соединенные Штаты занимают позицию мирового жандарма, хотя никто их на это не уполномочил. Конечно, хорошо, когда на земле есть сила, которая не позволяет зарвавшемуся диктатору захватывать страну за страной, но отсутствие легитимации этой роли делает сами США грубым завоевателем.

Тяжело бороться с нацией с простыми долларовыми принципами и в общем всем довольной, так что можно предположить, что Европе не удастся отвоевать назад главенствующее положение.

Мы ничего не сказали о России. Россия – это отдельный разговор. Россия движется к построению мощной государственности. Теперь она не скована никакой идеологией и в ее главе стоят люди, для которых понятие «человеческая мораль» отсутствует как таковое. Я думаю, это новый вид государства, который Платон забыл упомянуть в своем провидческом и весьма зрелом диалоге «Государство». Это не тирания, не демократия, не олигархия, не теократия, не военный режим, в конце концов. Это КГБ-кратия – новая форма государства, управляемая спецслужбой. А спецслужбы всего мира имеют совсем другие взгляды на методы и средства политической борьбы и управления, чем даже самые отъявленные тираны и сатрапы.

Инсинуации, шантаж, манипуляция, компрометация, подделка документов, подслушивание и подглядывание, покушения, загримированные под несчастные случаи, есть нормальный набор рабочих инструментов таких служб. Надо понимать, что Гитлеры там всякие да Саддамы Хусейны – любители-самоучки, Кулибины заплечных дел. Наши же новые правители России – профессионалы. Они ведут себя в собственном Кремле, как засланные на спецзадание. И я не могу сказать, плохо это или хорошо, потому что в такой стране народ вроде бы должен быть сыт, потому что ему скормили всех голодных, политически неактивен, потому что все политически активные еще задолго до каких-либо проявлений своей активности поразбивались в своих вертолетах, сидят по тюрьмам за совершенно не связанные с политикой проступки или помалкивают по заграницам, потому что, как известно, для спецслужб границ не существует. По сути дела, если во главу России вы бы поставили выходцев не из КГБ, а из какой-нибудь другой спецслужбы, результат был бы аналогичен. Эволюция спецслужб привела к тому, что будь они служащими «хороших» стран или «плохих» стран, задачи, методы и средства у них примерно одинаковы. Я помню интервью с английским спецсотрудником – обаятельным молодым человеком, который был заброшен с группой на разведывательное задание в Ирак и выстрелил из автомата в упор в голову невооруженному мирному жителю, который пытался в испуге от него убежать на автомобиле. Этот офицер подтянуто и по-деловому доложил интервьюеру, что он выстрелил в голову

невооруженному мирному человеку на каком-то мирном полустанке в иракской пустыне. Когда интервьюер, несколько шокированный, спросил, чем были оправданы такие действия, офицер ответил, что он не мог подвергать опасности операцию и безопасность своих товарищей, хотя надо отметить, что группа состояла из нескольких вооруженных человек, а араб на полустанке был один. У этого офицера, гордого потомка тонкой британской семьи, нет мук совести, он размышляет как профессионал, и точно такие же профессионалы теперь сидят в Кремле, и я не думаю, что у них будут серьезные проблемы удержать власть, поскольку они относятся к своей задаче профессионально и, не задумываясь, пустят пулю в голову кому угодно, в том числе и одному из своих, если это будет целесообразно для решения поставленной задачи.

Посмотрите программы Первого канала Российского телевидения. Он не имеет ничего общего с убогими советскими передачами. Выпуски новостей прекрасно спланированы и каждый сюжет несет в себе оперативную задачу. Ни одна минута телевизионного времени не разбазаривается даром на трепотню, глупости и пустяки. Чувствуется, что за кадром работают люди, которые ощущают, что если они будут гнать туфту, то им всадят пулю в затылок. Не из жестокости, а для решения общей поставленной задачи создания нормального, сильного, сытого, самодовольного государства. Вас не поражает тот факт, что при очевидном разгуле КГБ в России наши западные голоса не имеют никаких жареных фактов, которые бы скрывал официальный Кремль? Дело не в том, что их нет, дело в том,

что, в отличие от своих советских предшественников, люди в штатском двадцать первого века работают профессионально и такой утечки информации у профессионалов нет и быть не может. Хорошо это или плохо? Не нам судить. Поставленным задачам при таком подходе предстоит быть выполненными. А история пополнится еще одним чудо-государством на манер Спарты, с которым, поверьте, не так уж легко будет совладать, когда наконец оно разберется со своими внутренними задачами и поставит задачи внешние.

Теперь нам следует обратить свой взор на исламскую цивилизацию. В принципе, всё, что связано с исламским фундаментализмом, не ново. Международные террористические организации в тех или иных формах встречались и ранее. Проблема состоит скорее в том, что плоскость ценностей этой цивилизации не соприкасается с европейской, они друг другу совершенно не понятны, а потому враждебны.

Мне всегда забавно наблюдать серьезных ученых людей, разводящих в удивлении руками, когда очередной африканский или мусульманский царек тратит деньги, выделенные на помощь его издыхающему от голода народу, на какой-нибудь новый самолет для личного пользования или на очередной дворец с золотыми унитазами. Разгадка в таком случае весьма очевидна — просто вышеуказанный правитель не разделяет прогрессивной точки зрения о том, что люди равны.

Хуже того — люди, которые издыхают от голода, так же не считают себя равными своему правителю, если им, конечно, не промоят мозги перед выводом

к телекамере.

Но хуже всего не первое и не второе. Хуже всего тот факт, за который вы опять-таки меня окрестите мракобесом. А факт этот в том, что люди действительно не равны. Если вдуматься в суть демократического общества, оно и не гарантирует равенство между людьми. Оно пытается предоставить равные возможности, а это совсем другое, чем провозглашать, что все люди равны в своих способностях. Я, опять же, не утверждаю и не настаиваю, что часть людей является человеками второго или третьего сорта, я просто говорю, что в общем и само собой очевидно, что все люди разные, имеют разные характеры, разные знания и разные способности. Нет людей с хорошими или плохими способностями. Например, если вам нужно перенести камни из одного места в другое, люди с музыкальными способностями вам будут не очень полезны.

Еще Александр Дюма выразил подобную мысль с точностью великого скульптора слова: «*En politique... il n'y a pas d'hommes, mais des idées; pas de sentiments, mais des intérêts; en politique, on ne tue pas un homme: on supprime un obstacle*»^{*} – простите меня за вольный перевод: «Для политики... не существует конкретных людей, существуют – только идеи, нет сантиментов – есть только интересы, в политике убийство человека не является “убийством”, а является “устранением препятствия”».

Исламская цивилизация отрицает ценность чело-

^{*} Александр Дюма, «Граф Монте-Кристо», цитируется по французскому изданию: Alexandre Dumas, «Le Comte de Monte-Cristo», издательство Gallimard, 1998, стр. 114.

веческой жизни – как своей, так и чужой. А посему западный мир будет всегда наталкиваться на ситуацию, когда ему только и остается, что разводить руками. Я полагаю, что несмотря на то, что исламский фундаментализм в настоящее время выступает как самостоятельная сила, его прямо или косвенно используют для решения своих политических целей такие силы, как Европа, Россия, США, да и дальневосточные страны. Чем больше будут возрастать противоречия между этими разными лагерями, тем больше будут выходить на передний план прямые конфликты и необходимость поддержки третьей стороны будет пропадать.

Исламская цивилизация в настоящее время переживает свой расцвет, приобретает вкус к мировому господству, и единственной ее проблемой является презрительное отношение к материальному миру. И не пытайтесь словить меня на слове. Ибо приобретение золотых унитазов я считаю проявлением презрения к материальному миру, потому что это есть явное уничтожение материальных ресурсов, которые могли бы быть потрачены на развитие независимых вооружений, на сплочение разрозненных мусульманских наций в единый военно-промышленный кулак, от которого бы действительно всем не поздоровилось. Китайские ножи для резки картона, которые использовались для угона самолетов, угодивших в World Trade Center, есть дополнительное доказательство презрения мусульманских экстремистов ко всему материальному. Трудно не согласиться с тем, что на глобальной шкале побеждает обычно цивилизация, более продвинутая в техни-

ческом отношении. В силу своего национального характера большинство мусульманских стран заселено людьми, не способными к четкой дисциплине, неустойчивыми к подкупу, обычно легко уступающими угрозам и, главное, не умеющими проводить четкую линию между реальным миром и миром желаемым. А это не делает такую цивилизацию серьезной военной силой. Читая отчет комиссии сената по событиям 11 сентября 2001 года, я был поражен описанием характера и поступков террористов. У них были большие сложности с дисциплиной, с изучением английского языка и, главное, в обучении на летных курсах. Этим людям, кажется, было легче самоубиться, чем чему-нибудь научиться. И это неудивительно. Такая проблема существует с большинством потенциальных бойцов террористических организаций. Возможно, их руководители и обладают хорошими интеллектуальными способностями, однако очевидно – у них есть серьезные проблемы с кадрами. И эти проблемы только доказывают целесообразность новомодных шахидов, поскольку кажется, что кроме как на то, чтобы убить себя, они больше ни на что не способны.

Западное общество поражается, наблюдая явление террористов-самоубийц. А кто-нибудь проверял статистику, сколько самоубийств происходит в развитых странах? Самоубийства являются второй причиной смертности у молодой части населения (первая причина – травмы). Так так ли уж неестественно самоубийство в человеческом обществе, если даже в общинах, где самоубийство непопулярно, цифры столь высоки? Чего уж

говорить об обществе, в котором шахидство возведено в ранг культа. Исламский фундаментализм, пытаясь компенсировать свою несостоятельность в военно-материальном плане, решил использовать естественную наклонность молодого возраста к суициду как основной козырь в своей борьбе с западным миром. Многие считают, что это проявление силы духа исламистов, я же считаю, что это крик отчаяния руководителей террористических группировок, неспособных эффективно решать свои кадровые вопросы из-за сложностей с дисциплиной и других вышеназванных проблем, присущих населению, из которого приходится рекрутировать рядовых бойцов.

Поскольку использование террористов-самоубийц принимает угрожающий размах и является оплотом современного исламского терроризма, я вижу необходимость рассмотреть это явление более детально. Особенно необходима ясность в этом вопросе, поскольку исламские террористы эффективно используют факт наличия у них тысяч потенциальных шахидов как мощную пропаганду своей суперменности, и обыватель действительно пребывает в нервной растерянности по поводу каждодневных сообщений в новостях о новых актах террористов-самоубийц.

Самоубийство является известным явлением в живой природе. Наиболее яркими примерами могут служить грызуны, которые самоубиваются в условиях перенаселенности, муравьи некоторых видов, которые бросаются на препятствия, создавая своими телами мост для своих собратьев, а также киты, которые самоубиваются по не вполне ясным

пока причинам. Следовательно, в выживании видов природа иногда закладывает инстинктивную потребность некоторых индивидуумов жертвовать своей жизнью, косвенным или прямым образом помогая выживанию и процветанию вида.

Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, самоубийство в мире происходит примерно каждые 40 секунд. В 2000 году 815 тысяч людей покончили с собой. Эта цифра более чем в два раза больше, чем число людей, погибших в том же году от вооруженных конфликтов (306 600 человек). Надо сказать, что если число погибших в вооруженных конфликтах обычно стараются завышать (особенно пострадавшая сторона), то количество самоубийств, которые зарегистрированы, нередко занижено. Во многих случаях такие травмы, как падение с высоты, преднамеренная автомобильная авария, преднамеренная передозировка наркотиков, не регистрируются как самоубийство, однако являются весьма распространенными случаями.

Даже в такой благополучной стране, как Канада, по данным ВОЗ, самоубийство совершают 15 человек из каждых 100 тысяч. Среди некоторых национальных групп, таких, как инуиты (эскимосы, проживающие на севере Канады), количество самоубийств равняется 60-75 на 100 тысяч человек. Другие части населения с повышенным числом самоубийств включают молодежь, престарелых, заключенных, а также больных психическими заболеваниями.

Наблюдается рост в числе самоубийств от года к году. В период с 1990 г. по 2000 г. в Онтарио практи-

чески одинаковое число мужчин погибло в результате автокатастроф и в результате самоубийств. Я не говорю о числе попыток самоубийства. Надо отметить, что женщины совершают в 3-4 раза больше попыток самоубийства, чем мужчины, хотя количество самоубийств среди мужчин в четыре раза больше. Каждая четвертая смерть в возрасте от 15 до 24 лет – является результатом самоубийства. Появившиеся в последнее время женщины-шахидки тоже широко используются экстремистами для пропаганды – мол, даже женщины себя уже взрывают; однако из статистики мы видим, что склонность к самоубийствам у женщин не только не меньше, а даже больше, чем у мужчин, разве что пояс шахида дает больше гарантии, чем попытка удастся.

Приведенные цифры показывают, что тенденция к самоубийствам у людей чрезвычайно сильна, а также поддается легкому влиянию тех норм, которые существуют в обществе. Поддержка культа самоубийства, каким является культ шахидов, может значительно усилить этот потенциал, всегда находящийся в любом человеческом сообществе. Таким образом, подобная статистика разоблачает тайную силу угроз исламских террористов. Вручите по поясу шахида каждому самоубийце на Земле и пошлите их в общественные места помноголюднее – вы сможете истребить большую часть населения Земли, пользуясь услугами только «натуральных» самоубийц, которые и так бы расстались с жизнью безо всякой связи с исламской идеей.

Касательно дальневосточных культур следует отметить, что они находятся в плоскости, еще менее

соприкасающейся с плоскостью европейской цивилизации.

Настоящую загадку представляет собой Дальний Восток: Китай с его невероятным народонаселением, Япония с поразительным техническим прогрессом и новые звезды на небосклоне мировой экономики – Сингапур, Южная Корея, Тайвань и им подобные. Эту дальневосточную цивилизацию отличает тонкая способность людей действовать как единый, сплоченный организм с пренебрежением индивидуальными позовами и фанатично верным служением общему делу.

Особой загадкой является Китай. Для меня китайская культура вообще представляется несколько инопланетной, и, я думаю, не только для меня. Нам малопонятны их мотивации, мысли, логика. То, что на Западе проживает много китайцев, и то, что я или вы, мой любезный читатель, в каждый момент времени обязательно либо одеты во что-нибудь китайское, либо видим перед собой что-нибудь китайское, либо недавно поели китайской еды, либо скоро ее поедим, существа дела не меняет. Весь мир является рынком сбыта этого грандиозного человеческого муравейника по имени Китай.

Не следует забывать, что на протяжении тысячелетий Китай был ведущей цивилизацией мира. В девятнадцатом и в начале двадцатого века страна погрузилась в период гражданских конфликтов, голодоморов и военных оккупаций. После второй мировой войны коммунисты под руководством Мао Цзэдуна начали строить коммунистическое государство. Помимо огромных экономических издержек, страна потеряла десятки миллионов человек в результате

голода и лишений.

Однако ныне Китай, так и не изменив в значительной мере свою идеологическую основу, находится в стадии небывалого экономического расцвета. С 1994 по 2003 гг. объем китайского экспорта вырос почти в четыре раза, с \$120 млрд. до \$438 млрд. в 2003-м. Руководство страны прогнозирует его увеличение к 2007 году до \$800 млрд. При таких объемах торговли Китай не мог не стать одним из ключевых экономических игроков мира. С его мнением теперь вынуждены считаться в равной степени в Вашингтоне, Токио и Брюсселе. На задворки внешней политики ушли такие темы, как права человека, свобода СМИ. Каждому хочется получить часть китайского пирога или увернуться от китайского, пока только экономического удара. Как знать, экономическое противостояние всегда стремится вылиться в военный конфликт.

Буквально на наших глазах разрушается миф о дешевом, некачественном ширпотребе из Китая. Его место занимают дешевые, но качественные товары. Ведущие американские и европейские корпорации с ужасом наблюдают за товарной экспансией из Китая. Мощные переносные компьютеры по \$200, бытовая техника за \$100-200, добротная одежда и обувь за гроши – это рай для потребителей, но банкротство для большинства предприятий легкой и электронной промышленности в богатых странах.

Большинство ведущих торговых марок уже давно с удовольствием размещает заказы в Китае и ставит клеймо “Made in China”. С 1998 года средний телевизор дешевеет ежегодно на 9%, спортивное оборудование – на 3%, слесарные инструменты – на 1%. Такой

динамики нет ни у одной европейской страны. Сегодня более 30% китайского экспорта – это электроника, бытовая техника и оборудование раскрученных торговых брэндов. Показателем растущего доверия к китайским товарам является хотя бы тот факт, что самый крупный розничный гигант мира Wal-Mart постоянно наращивает объем закупаемых товаров в Китае, давно превысив объем закупок в \$15 млрд.

Свои производства в Китае имеют не только практически все автомобильные гиганты мира, но и многие потребительские компании, в том числе Philips и General Electric. Причем производятся в Китае не только простые лампочки, но и гигантские турбины. Этот факт еще раз подтверждает высокое качество китайской рабочей силы.

Китай несколько лет кряду сохраняет лидерство по привлечению прямых иностранных инвестиций. В период 2003-2005 гг. среднегодовой объем прямых иностранных инвестиций планируется на уровне \$55-60 млрд. На продукцию совместных предприятий приходится около половины общего экспорта КНР. Их доля в совокупных вложениях средств в основные фонды в стране превышает 15%. Сейчас деньги более 400 из 500 крупнейших мировых корпораций работают в китайской экономике. Это борьба не только за китайский рынок. Это модель корпоративного выживания в современном глобальном мире.

General Motors, Volkswagen, Toyota Motors и Ford Motors в ближайшие годы планируют потратить около \$14 млрд., чтобы ежегодно производить около 6 млн. автомобилей на местном рынке. General

Motors почти каждый третий цент своей прибыли зарабатывает за счет китайского рынка. Треть роста ВВП Японии была обеспечена за счет растущего спроса Китая. У Тайваня этот показатель гораздо выше – 68%. Подобные тенденции стимулируют и экономический рост экономики США.

Начиная с 2002 года КНР стала крупнейшим кредитором Америки. Народный банк Китая является вторым после Японии покупателем гособлигаций США. Так что бурный рост расходов Джорджа Буша был обеспечен в большой мере его китайским визави Ху. В период 2002-2004 гг. валютные резервы азиатских банков выросли более чем на \$1,2 трлн. На центробанки Азии приходится 80% мировых запасов долларов. Именно они помогли США сдержать еще более глубокую девальвацию американского доллара в последние два года.

Вполне возможно, что Китай будет играть гораздо более серьезную и решительную роль на мировой арене уже в недалеком будущем. Применение силового подхода к этой великой стране становится всё более и более иллюзорным. Одно счастье, что в прошлые века китайский народ не слишком стремился к мировому господству и, возможно, это не является характерной чертой этой нации. Однако Китай имеет реальную проблему дефицита жизненного пространства, которая будет решаться, скорее всего, за счет соседних стран.

Индия неожиданно стала представлять собой вторую по численности населения страну в мире. Эту страну трудно отнести к какой-либо единой парадигме цивилизации, поскольку в ней сплелись многочисленные характеристики. Хотя я никогда не

был в этой стране, мне кажется, индийские особенности мне достаточно хорошо известны, потому что в Индии вот уже более двух лет действует отдел моего бизнеса. Индусы миролюбивы и редко идут на открытый конфликт. Они хорошие продавцы, однако продать им что-либо совсем не просто. Их способность выдавать желаемое за действительное, в том числе и путем искреннего самовнушения, просто не имеет себе равных, что мешает трезвой оценке реальных обстоятельств дела и вообще тормозит любой бизнес и развитие в целом.

Большинство современных межнациональных компаний создают представительства в Индии и в других развивающихся странах, тем самым вывозя рабочие места из развитых стран в страны третьего мира. В рамках отдельно взятой развитой страны это явление воспринимается чрезвычайно негативно. Однако в глобальном смысле оно очень полезно.

Хорошей иллюстрацией прямой утечки рабочих мест в страны третьего мира может служить следующий факт: как сообщает журнал *Fortune*, в апреле 2005 года компания IBM сократила 14,500 рабочих мест в Европе и в то же время, как сообщает *New York Times*, эта компания планирует нанять 14,000 новых сотрудников в Индии.*

Причины вывоза рабочих мест — низкая заработная плата, большое количество образованных кадров и мягкие по отношению к работодателю

* Цитируется по журналу *Fortune*, vol. 152, No. 5, Sep. 5, 2005, стр. 130, статья "IBM Shares Its Secrets" («Компания IBM делится своими секретами»).

нормы трудового права в странах третьего мира. Например, в Индии огромное число специалистов, владеющих английским языком. Согласно Confederation of Indian Industry, в Индии ежегодно выпускается 2,5 миллиона специалистов по информационным технологиям, инженеров и специалистов в биологических науках, а также присваивается более 1500 докторских степеней в тех же областях. Я верю, что это позитивно сказывается на увеличении равномерности распределения богатств в мире, на способствовании развитию отсталых регионов земного шара и, главное, в конечном итоге это приведет к более трезвому подходу развитых государств к своему трудовому законодательству, которое подчас доводит до абсурда найм обленившихся и малоэффективных служащих в развитых странах, получающих неадекватно высокую зарплату, наделенных неадекватными правами и, главное, стремящихся после определенного короткого срока снова сесть на пособие по безработице. Нормальное развитие бизнеса, основанное на такой рабочей силе, становится практически невозможным, заставляя работодателя либо заменять неэффективных дорогостоящих служащих роботизированными системами, либо вывозить рабочие места за рубеж. У государств не останется выбора, как начать конкурировать за рабочие места, предоставляя работодателю более резонные условия. Безусловно, и в странах третьего мира заработная плата будет расти и условия труда улучшатся. Я верю, что если мир не будет вовлечен в какое-либо чрезвычайное потрясение, которое выведет его из существующего баланса, рабочий

рынок будущего будет мировым, где визовые ограничения не будут более оправданы.

Самая главная цель мирового сообщества в ближайшем будущем – это постараться избежать крупных катаклизмов – войн, астероидов и прочих событий, которые обычно отбрасывают человечество на много шагов назад в темные века. Итак, главное – чтобы в нашем светлом будущем не наступили темные века.

К сожалению, оптимистический прогноз маловероятен, поскольку еще никогда человеческим сообществам не удавалось поступательно развиваться без закатов цивилизаций и всяческих других катастроф. Как неизбежно, в соответствии со статистическими предсказаниями, падение крупного астероида в каждый определенный промежуток времени, так же неизбежны и крупные военные конфликты. Вызывает большое опасение, например, программа Соединенных Штатов, связанная с противоракетной защитой, потому что, например, если в Вашингтоне будут уверены в неуязвимости американских небес, ядерные противовесы других стран могут перестать работать.

Если же мы будем говорить о беспрепятственном развитии человечества, можно предположить, что человечество в целом пойдет по пути, напоминающему путь развития развитых стран по направлению к мировому вэлферу, когда богатые страны придут к заключению, что дешевле кормить и обеспечивать всем необходимым население нищих стран, пока это население не ворвалось в дома богатых и не совершило очередной мировой революции, в результате которой все станут в

равной степени нищими.

Смерть цивилизаций так же неизбежна, как смерть отдельных людей. Но как не прекращается нить развития духа отдельных людей, передаваясь от поколения к поколению, так и отблески прежних цивилизаций передаются их блистательным потомкам. Наша цивилизация полна римско-греческой эстетикой, философией, культурой, так же и цивилизация, которая придет на смену нашей, будет нести в себе след наших судеб и свершений. В этом и есть неизбывная логика Творца, которую нам, увы, не переменить. Не так ли? Катастрофа наступает не тогда, когда отчаливает Ноев ковчег, а в том случае, если ему не удастся отчалить и тоненькая ниточка наших свершений оборвется, но я верю, что именно этого Всевышний и не допустит. А насчет неизбежности гибели цивилизации, в которой мы живем, – вы правы. Это вопрос времени – завтра или через двести лет... Конец Римской империи начался, когда она раскололась на две части, однако после этого западная протянула еще больше четырехсот лет, а восточная и того больше – около тысячи... Единственная загвоздка – что в наши времена всё случается быстрее. Переход от цивилизации к цивилизации не обязательно случается с криками, нашествиями варваров и убийствами, однако чаще всего именно так. В своем отрицании неизбежности гибели нашей цивилизации мы все похожи на ребенка, от которого родители скрыли, что все люди рано или поздно умирают. Он вышел на улицу в булочную за хлебом – а ему уличные мальчишки доступно объяснили, убив голубя его же буханкой хлеба... что все рано или поздно умирают, он стоит

и плачет, плачет, плачет... Но эти слезы полезны, это слезы прозрения.

Природа современного варварства

Принимая во внимание, что человечество может похвастаться исключительным прогрессом в области технического развития и в прочих областях, следовало бы ожидать, что развитие должно было бы пойти и в направлении истинного гуманизма на глобальном уровне, а варварство в массовых масштабах должно было бы остаться далеко позади в дремучих глубинах кровавой истории человеческого рода. Однако этого не происходит. Двадцатый век, который, наоборот, может послужить величайшим примером разгула массового варварства, парадоксально доказывает, что варварские действия в широких масштабах отнюдь не сходят со сцены новейшей истории мира.

Позвольте мне первым делом определить, что я подразумеваю под массовым варварством. Варварством в массовых масштабах я называю ряд действий, производимых большими массами людей против больших масс других людей. Эти действия, во-первых, конечно же, включают массовые убийства путем самых разных методов умерщвления, причинение физических травм большому количеству людей, а также заключение в тюрьмы больших человеческих масс. Как следствие этих действий, конечно же, происходит массированное уничтожение культурных и материальных ценностей. Всеми этими действиями в особо крупных

масштабах и отличался двадцатый век.

Что же может послужить объяснением увеличения размаха варварства в двадцатом веке?

Во-первых, самым простым объяснением может послужить небывалый рост населения планеты. Стало больше людей, которых можно убить, появилось больше людей, которые могут эти убийства совершить. Пожелай Гитлер три-четыре века назад уничтожить шесть миллионов евреев, он бы не смог осуществить это по той простой причине, что такого количества евреев просто бы не нашлось для его кровавых целей.

Во-вторых, улучшилась организационная сторона дела. Средства коммуникации и транспорта позволяют производить любые мероприятия с гораздо большей эффективностью, чем в прошлые века.

В-третьих, усовершенствовались орудия и средства убийства. Во времена Александра Македонского его небольшая армия не могла эффективно убить большую часть более крупной вражеской армии персов, потому что у воинов Александра просто не хватало рук рубить своих успешно разбежавшихся врагов. В наши времена с их совершенным оружием такой проблемы более не наблюдается.

И наконец, в-четвертых. Несмотря на повышение совестливости людей и их внешней настроенности против убийства себе подобных (например, в прошлом убийство на войне считалось в приличном обществе вполне нормальным и даже необходимым атрибутом доблести), новые средства убийства требуют столь малого и непрямого участия убийцы, что убийство, особенно в массовых масштабах,

стало очень легким и в общем-то весьма отвлеченным делом. Например, если сравнить два действия: первое – убийство с помощью топора – на него пойдет гораздо меньше людей, и гораздо меньше людей может быть убито этим самым топором; второе действие – нажатие кнопки, запускающей ракету с ядерной боеголовкой. Это действие может произвести даже ребенок, однако последствия будут в миллионы раз серьезнее, чем «всего лишь» размахивание топором.

Итак, вышеуказанные доводы объясняют масштабы варварства двадцатого века как бы с технической точки зрения. Давайте теперь рассмотрим идеологическую подоплеку массового варварства. Двадцатый век стал эпохой апогея попыток осуществления многих утопических идей социальных преобразований, националистических идей и прочих явлений, имеющих идеологическую подоплеку. Принесение в жертву общечеловеческих принципов морали и даже древних библейских заповедей во имя новых идеалистических устремлений, вроде мирового господства высшей расы или пролетариата, стало нормой жизни, обыденной реальностью прошедшего столетия.

Кроме этого, следует отметить, что всякое массовое насилие обычно оправдывается, как отмщение, то есть как реакция на другое насилие или агрессию, которые имели место ранее. Практически в каждом случае агрессии можно найти оправдательную риторику, которая объясняет и легитимизирует эти варварские действия.

Однако прежде чем перейти к анализу современности, надо отметить, что мнение о двадцатом веке

как о веке, превзошедшем по масштабам варварства прошлые века, является, скорее всего, иллюзией.

Дело в том, что мы отчетливее видим то, что к нам ближе. В прошлые века в масштабах, вполне сопоставимых с двадцатым веком, например, уничтожалось коренное население обеих Америк. На основе современных данных можно сказать, что когда 12 октября 1492 года Христофор Колумб сошел на один из островов континента, вскоре названного «Новым светом», его население составляло от 100 до 145 миллионов человек. Два века спустя оно сократилось на 90%. К сегодняшнему дню самые «удачливые» из существовавших когда-то народов обеих Америк сохранили не более 5% своей прежней численности. По своим размерам и продолжительности (до сегодняшнего дня) геноцид коренного населения Западного полушария не имеет параллелей в мировой истории.

Причем обратите внимание: все эти люди были уничтожены не атомными бомбами или газовыми камерами, а простыми топорами, пиками, саблями и допотопными мушкетами.

Чтобы ощутить размах трагедии, представьте, что на нашу планету в стиле Колумба приземлились инопланетяне и начали колонизацию Земли, в результате которой за два века были бы разрушены все наши города и убито около 5,5 миллиардов человек. Человеческое население Земли составляло бы к 2200 году лишь 600 миллионов человек. Как раз в этот момент облагоразумившееся правительство инопланетян стало бы уважать и сохранять культуры первых наций, населявших Землю.

Я думаю, что после приведенного сравнения вам

уже не хочется, чтобы на нашем веку на Землю открыто явились инопланетяне.

Было бы естественно обратить свои взоры к наиболее яркому примеру варварства двадцатого века: феномену гитлеровского фашизма. Я бы хотел привести здесь пространную цитату из рецензии на «Майн кампф» Адольфа Гитлера, написанную никем иным, как Джорджем Оруэллом, автором знаменитой антиутопии «1984 год». Рецензия, которую я сейчас процитирую, была написана в 1940 году, и она, по моему мнению, отлично поясняет существовавшее в то время настроение в германском народе:

«Символичной для нынешнего бурного развития событий [1940 год – Б. К.] стала осуществленная год назад публикация издательством “Херст энд Блэкетт” полного текста “Майн кампф” в явно прогитлеровском духе. Предисловие переводчика и примечания написаны с очевидной целью приглушить яростный тон книги и представить Гитлера в наиболее благоприятном свете. Ибо в то время Гитлер еще считался порядочным человеком. Он разгромил немецкое рабочее движение, и за это имущие классы были готовы простить ему почти всё. Как левые, так и правые свыклись с весьма убогой мыслью, будто национал-социализм – лишь разновидность консерватизма. Потом вдруг выяснилось, что Гитлер вовсе и не порядочный человек. В результате “Херст энд Блэкетт” переиздало книгу в новой обложке, объяснив это тем, что доходы пойдут в пользу Красного Креста. Однако, зная содержание книги “Майн кампф”, трудно поверить, что взгляды и цели Гитлера се-

рьезно изменились. Когда сравниваешь его высказывания, сделанные год назад и пятнадцатью годами раньше, поражает косность интеллекта, статика взгляда на мир. Это – застывшая мысль маньяка, которая почти не реагирует на те или иные изменения в расстановке политических сил. Возможно, в сознании Гитлера советско-германский пакт не более чем отсрочка. По плану, изложенному в “Майн кампф”, сначала должна быть разгромлена Россия, а потом уже, видимо, Англия. Теперь, как выясняется, Англия будет первой, ибо из двух стран Россия оказалась сговорчивей. Но когда с Англией будет покончено, придет черед России – так, без сомнения, представляется Гитлеру. Произойдет ли это на самом деле – уже, конечно, другой вопрос.

Предположим, что программа Гитлера будет осуществлена. Он намечает, спустя сто лет, создание нерушимого государства, где двести пятьдесят миллионов немцев будут иметь достаточно “жизненного пространства” (то есть простирающегося до Афганистана или соседних земель); это будет чудовищная, безмозглая империя, роль которой, в сущности, сведется лишь к подготовке молодых парней к войне и бесперебойной поставке свежего пушечного мяса. Как же случилось, что он сумел сделать всеобщим достоянием свой жуткий замысел? Легче всего сказать, что на каком-то этапе своей карьеры он получил финансовую поддержку крупных промышленников, видевших в нем фигуру, способную сокрушить социалистов и коммунистов. Они, однако, не поддерживали бы его, если бы к тому моменту своими

идеями он не заразил многих и не вызвал к жизни целое движение. Правда, ситуация в Германии с ее семьей миллионами безработных была явно благоприятной для демагогов. Но Гитлер не победил бы своих многочисленных соперников, если бы не обладал магнетизмом, что чувствуется даже в грубом слоге “Майн кампф” и что явно ошеломляет, когда слышишь его речи. Я готов публично заявить, что никогда не был способен испытывать неприязнь к Гитлеру. С тех пор как он пришел к власти, — до этого я, как и почти все, заблуждался, не принимая его всерьез, — я понял, что, конечно, убил бы его, если бы получил такую возможность, но лично к нему вражды не испытываю. В нем явно есть нечто глубоко привлекательное. Это заметно и при взгляде на его фотографии, и я особенно рекомендую фотографию, открывающую издание “Херста энд Блэкетта”, на которой Гитлер запечатлен в более ранние годы чернорубашечником. У него трагическое, несчастное, как у собаки, выражение лица, лицо человека, страдающего от невыносимых несправедливостей. Это, лишь более мужественное, выражение лица распятого Христа, столь часто встречающееся на картинах, и почти наверняка Гитлер таким себя и видит. Об истинной, сугубо личной причине его обиды на мир можно лишь гадать, но в любом случае обида налицо. Он мученик, жертва, Прометей, прикованный к скале, идущий на смерть герой, который бьется одной рукой в последнем неравном бою. Если бы ему надо было убить мышь, он сумел бы создать впечатление, что это дракон. Чувствуется, что, подобно Наполеону, он бросает

вызов судьбе, обречен на поражение, и всё же почему-то достоин победы. Притягательность такого образа, конечно, велика, об этом свидетельствует добрая половина фильмов на подобную тему.

Он также постиг лживость гедонистического отношения к жизни. Со времен последней войны почти все западные интеллектуалы и, конечно, все “прогрессивные” основывались на молчаливом признании того, что люди только об одном и мечтают – жить спокойно, безопасно и не знать боли. При таком взгляде на жизнь нет места, например, для патриотизма и военных доблестей. Социалист огорчается, застав своих детей за игрой в солдатики, но он никогда не сможет придумать, чем же заменить оловянных солдатиков; оловянные пацифисты явно не подойдут. Гитлер, лучше других постигший это своим мрачным умом, знает, что людям нужны не только комфорт, безопасность, короткий рабочий день, гигиена, контроль рождаемости и вообще здравый смысл; они также хотят, иногда по крайней мере, борьбы и самопожертвования, не говоря уже о барабанах, флагах и парадных изъяснениях преданности. Фашизм и нацизм, какими бы они ни были в экономическом плане, психологически гораздо более действенны, чем любая гедонистическая концепция жизни. То же самое, видимо, относится и к сталинскому казарменному варианту социализма. Все три великих диктатора упрочили свою власть, возложив непомерные тяготы на свои народы. В то время как социализм и даже капитализм, хотя и не

*так щедро, сулят людям: “У вас будет хорошая жизнь”, Гитлер сказал им: “Я предлагаю вам борьбу, опасность и смерть”; и в результате вся нация бросилась к его ногам. Возможно, потом они устанут от всего этого и их настроение изменится, как случилось в конце прошлой войны. После нескольких лет бойни и голода “Наибольшее счастье для наибольшего числа людей” – подходящий лозунг, но сейчас популярнее “Лучше ужасный конец, чем ужас без конца”. Коль скоро мы вступили в борьбу с человеком, провозгласившим подобное, нам нельзя недооценивать эмоциональную силу такого призыва».**

Всегда интересно прислушаться к современнику тех событий; как вы можете заметить, Оруэлл отмечает, что дело не только в маньяке Гитлере, не только в капитале, его поддерживавшем, – а дело в состоянии умов, и это состояние предрасположено к варварству, оно готово его принять и стать его активнейшим соучастником.

Из вышесказанного следует, что мало наладить бесперебойную поставку материальных благ, мало обеспечить человечество всем, чего оно только пожелает; что бы мы ни делали, рано или поздно оно впадает в стадию варварского безумия... Такое впечатление, что всё человечество болеет всеобщим буйным помешательством, иногда сменяющимся продолжительными стадиями ремиссии, но нередко

* George Orwell: “Hitler”. Первая публикация: New English Weekly. – ВБ, Лондон. – 21 марта 1940 г. Перевод с английского: А. Шишкин. Публикация перевода: сборник «Джордж Оруэлл: “Скотный Двор: Сказка”. Эссе. Статьи. Рецензии». – Изд. «Библиотека журнала “Иностранная литература”». – СССР, Москва, 1989. – С. 75-79.

выливающимся в острые психотические эпизоды, которые со временем становятся всё интенсивнее и интенсивнее.

Основная проблема итогов второй мировой войны заключается в том, что, несмотря на победу над гитлеризмом, все эти ужасы варварства были совершенны и будут сосуществовать с образом человечества. Дело в том, что в мире наблюдается склонность испытывать трепетное уважение к прецедентам. Сначала какое-нибудь событие окрестят «беспрецедентным», а потом сравнивают все последующие подобные события с этим эталоном. Так вот, вторая мировая война создала эталон варварства, которому в масштабах и жестокости уступают все предыдущие «достижения» человечества. Когда уже совершено какое-то беспрецедентное действие, как бы стирается порог для его повторения. Конечно, мир ужаснулся, глядя сам на себя, и какое-то время пребывал в шоке, но мы знаем, что у мира память коротка. Вот уже теперь возникают теории, что уничтожение евреев и прочие ужасы фашизма просто никогда не имели места. Нашему поколению, так или иначе затронутому отдаленными последствиями войны, с убиенными и невинно замученными прабабушками и прадедушками, такое утверждение пока кажется нонсенсом. Но что будет еще через пару поколений?

Всё-таки дело не столько в лидерах, сколько в состоянии умов. Возможно, войны заканчиваются не тогда, когда кто-то из противников побеждает, а тогда, когда у людских масс снижается военный задор и им больше не хочется воевать. Раньше этот срок был десять лет, как в описанной в «Илиаде»

Троянской войне, потом стал семь лет, как в походе Александра Македонского, в двадцатом веке этот срок сократился до четырех лет... Обе мировые войны длились примерно по четыре года каждая.

Если обратить наши взоры на современное состояние умов, следует отметить некоторое разрыхление понятий добра и зла, греха и добропорядочности. Нынешний мир гораздо дальше ушел от принятых веками норм морали, и поэтому удерживающие от варварства узы стали гораздо слабее.

В чем же может быть выход в сложившейся ситуации? Какие действия могут предотвратить очередную волну будущего варварства? Варварство в мире может быть остановлено теми же механизмами, которыми оно пресекается в развитых странах, — сильная полиция и армия, единая система судов, соблюдение законов и главное — воспитание населения в духе поддержания внутреннего порядка.

Следовательно, для того, чтобы пресечь саму возможность массированного варварства в мире, необходимо превратить мир во что-то вроде федеративного союза государств с отношениями и правами типа отношений между штатами в рамках Соединенных Штатов или провинциями, входящими в состав Канады.

Насколько далек мир от такого объединения? Чтобы описать сегодняшнюю ситуацию, давайте представим планету в качестве огромного феодального государства. Независимые бароны (отдельные страны) периодически ведут войны между собой, и король (скажем, США) является всего лишь самым крупным феодалом. В такой стране нет единых

законов. То есть, возможно, они написаны, но никем не соблюдаются. Никто не уважает решений единого суда, и каждый делает, то ему заблагорассудится. Бароны имеют почти безраздельную власть над своими подданными. Мне кажется, это сравнение описывает ситуацию в современном мире. К этому следует еще добавить единство наций, поскольку каждый «барон» имеет свои национальные корни, что никак не способствует всеобщему объединению.

К сожалению, для того, чтобы так или иначе обезопасить мир, его нужно объединить под властью реально действующих международных органов административной и военной власти. К сожалению, ООН таковым органом не является. Необходима система международных судов (международные суды, существующие в настоящий момент, не действенны, потому что далеко не все страны признают их решения, да и те, которые формально признают, не всегда выполняют)*, международной армии в роли, если хотите, международного жандарма. Дело в том, что если США узурпировали роль международного жандарма, вызвав всеобщее возмущение, это вовсе не значит, что планете Земля не нужен международный жандарм. Без жандарма не может быть порядка. А без порядка мир обречен на новые приступы варварства.

В чем же выход? Как можно объединить планету

* Кстати, многие страны не признают решений Европейского суда по правам человека, и это не только страны Азии и Африки, но и США и Израиль. Ирония заключается в том, что Российская Федерация еще в ельцинские времена приняла Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, которую еще называют Европейской конвенцией по правам человека, то есть жаловаться на Россию в Европейский суд можно.

под единой умеренной и неварварской властью? Прежде всего необходимо изменить состояние умов. На сегодняшний день средства массовой информации и школьное образование крайне манипулятивны. Все смотрят в основном одни и те же национальные каналы новостей, посещают одни и те же школы, которые пропагандируют определенные позиции, прививаемые подавляющей части населения. Мир, к тому же, представляет собой чрезвычайно неоднородную среду в экономическом плане. Человек, проживающий в развитой стране, подчас потребляет благ на сумму, которой бы хватило, чтобы поддержать жизнь целого селения где-нибудь в Африке. Такое крайнее неравенство наблюдалось и в старинном феодальном государстве, в котором еще не существовало социальных институтов и эффективного единого налогообложения. В этом наше сравнение современного мира с феодальным государством также являет собой удачную иллюстрацию сложившейся обстановки.

Примером попыток объединения разных стран под единым управлением может послужить Европейский союз. Нельзя сказать, что если на референдуме французы проголосовали против Конституции ЕС, – Европейский союз развалится. Во-первых, речь шла только о новой конституции. Старые соглашения остаются в силе. Против принятия евроконституции во Франции – второй по величине экономике в Европе – проголосовали 54,87% французов, что означает лишь незначительный перевес в пользу противников и может быть результатом местных политических игр. Среди причин, почему французы

проголосовали против, местные аналитики называют недовольство нынешней социально-экономической политикой. К тому же французское «нет» во многом стало реакцией на поспешное расширение ЕС за счет стран Восточной Европы и Балтии. Следующей страной, которая может отвергнуть Конституцию ЕС, могут стать Нидерланды. По данным последних опросов, большинство избирателей (57-60%) настроено против основного закона ЕС. Чтобы Конституция вступила в силу в 2007 году, ее должны ратифицировать все 25 членов ЕС. «Французы неожиданно увидели, что оказались в Европе, которую они не понимают», — отмечает газета *Le Figaro*. На это наложились и нынешние, вызванные глобализацией социально-экономические трудности Франции, ведущие к изменению традиционного образа жизни французов.

Тем не менее, эти события не означают краха Евросоюза, так как до 2009 года продолжает действовать Договор Ниццы.

То есть, если устранить отрицательные факторы поспешного, я бы сказал, преждевременного расширения Евросоюза на восток и местные социально-экономические соображения, Евросоюз может стать моделью для будущего «Мирового союза». Конечно, в настоящий момент это звучит утопией, однако мир уже меняется и будет продолжать меняться в ближайшее время.

Одним из возможных факторов, способствующих снижению вероятности повторения приступов массового варварства путем образования всемирных органов исполнительной и законодательной власти, может стать, как ни странно, изменение состояния

умов населения Земли под действием технического прогресса, а именно – интернетизации телевидения, которая приведет к закату телевидения как мощнейшего орудия манипуляции общественным сознанием. Дело в том, что на сегодняшний момент, несмотря на свое поразительное развитие, интернет еще находится в пеленках. Он пока не может конкурировать с телевидением, которое позволяет большинству телезрителей пассивно накачивать себя скрытой и явной пропагандой тех каналов, которые доступны в том или ином геополитическом регионе.

Сращение интернета с телевидением, когда большинство материалов в интернете будет в форме видеоматериалов, доступных через обычный телевизор, стоящий напротив дивана в углу комнаты, приведет к тому, что манипулятивное действие современного телевидения ослабится, поскольку люди начнут выбирать сюжеты и источники сюжетов в соответствии со своими вкусами; в таком случае этими источниками вовсе не обязательно будут те каналы, программы и сайты, которые в настоящее время пропагандируют сепаратистские настроения, бредовые идеи о национальной независимости и антиглобалистические воззрения, которые, как это ни странно, тормозя образование единых мировых механизмов регулирования, приближают очередную волну всемирного варварства.

Давайте попробуем представить, как бы развивались события после знаменитого теракта против США, совершенного 11 сентября 2001 года, если бы мир представлял собой Мировой союз с едиными

действительно действующими органами власти.

ООН бы немедленно организовала эффективную комиссию по расследованию теракта, с которой действительно кооперировали бы все страны. Зачинщики теракта были бы найдены и преданы суду. Не нужно никаких войн с Афганистаном, Ираком, нефтяных кризисов и всего прочего, чем был насыщен мир в первые пять лет двадцать первого века. Почему же этого не происходит? Потому что местные власти имеют огромные силы и полномочия, а международные власти таковых не имеют. Потому что местные национальные правительства используют терроризм для своих политических игр.

Как это ни странно, именно рост благосостояния мирового населения и технический прогресс в сочетании с эволюцией средств массовой информации, делающей каждого отдельного человека более свободным в выборе позиций и взглядов, более независимым от власти национальных государств, сможет переломить ситуацию, в которой варварство в мировых масштабах в настоящий момент не только возможно, но и наиболее вероятно, и вывести человечество на новый уровень развития, на котором мировое варварство будет искоренено, как некогда был искоренен произвол внутри государств, по крайней мере в благополучных странах.

Мои утверждения звучат утопично, и если завтра мир разразится новым беспрецедентным взрывом всеобщего варварства, вы будете плевать мне в лицо, называть жалким мечтателем и так далее.

Необходимо отметить, что несмотря на давнюю

мудрость, что в мире ничего не меняется и история всегда повторяется, всё-таки надо признать, что в мире что-то меняется и что эти изменения позволяют надеяться, что они проявляются не только как внешний лоск цивилизации, который может быть мгновенно сдут любым дуновением ветра невзгод, но как глубокий прогресс человечества к организации более разумных систем мироустройства.

Победа сатанизма в современном мире?

Наблюдая за окружающей нас современностью, неизбежно приходишь к выводу, что сатанизм в своей древней внешней форме победил в полной мере. То, что ранее было неотъемлемым атрибутом ведьмовских шабашей и прочей нечисти, с комфортом заполонило наши экраны, журналы и газеты, ну и, конечно же, переполнило услужливо подвернувшийся интернет. Трудно сказать, какие виды жесточайших убийств с затейливым членовредительством еще не видел на экране современный человек, какие извращения не удалось ему лицезреть в течение его нескончаемой одиссеи телеглазоблудий. Но самое страшное даже не то, что именно мы видим, слышим и читаем, а то, как мы это воспринимаем. Нечеловеческие ужасы посещают нас с экранов телевизоров за семейным обедом или в диванном расслаблении, как нечто привычное и не выходящее из ряда вон.

Необходимо без излишнего морализма попробовать разобраться, что же происходит. Почему дейст-

вия, которые ранее являлись верхом разврата, превращаются в норму жизни? Почему элементарные нормы такта и приличия отменяются повсеместно?

Под «сатанизмом» я не имею в виду конкретное течение, возникшее в девятнадцатом веке на волне романтической эстетизации зла как реакция на доминирующее положение христианской религии. Сатанисты заимствовали библейский образ Сатаны, но трактуют его прямо противоположным образом — как позитивный символ могущества и свободы.* Для простоты изъяснения, под сатанизмом я подразумеваю все те действия, явления и образы, которые ассоциировались бы с проявлениями нечистых сил в прежние эпохи.

Я не хочу загрязнять свою книгу описаниями и перечислениями тех отвратительных зрелищ, свидетелем которых становится каждый современный человек, едва включив телевизор. Откуда приходят волны электронных сообщений, без видимой коммерческой выгоды пропагандирующих инцест?

Казалось бы, если бы подобные зрелища вдруг предстали перед глазами прошлых поколений, они неизбежно привели бы в смятение подавляющее большинство и характеризовались как верный признак победы сатанизма.

Интересно отметить, что при всем этом в результате опроса тысячи взрослых американцев выяснилось, что только 0,5% из них думают, что попадут в

* Тремя апостолами сатанизма считаются Ницше – немецкий философ, автор трактата «Антихрист. Проклятие христианству», Алистер Кроули – мистик-теософ, назвавший себя «Зверем Апокалипсиса», и Антон Шандор Лавэй – основатель Церкви Сатаны и автор культовой книги «Сатанинская Библия» (1969).

ад, а примерно две трети от общего числа респондентов считают, что попадут в рай.**

По сути дела, у адских сил не осталось своих привычных атрибутов, и папа римский даже практически отменил ад для грешников, видимо, за ненужностью оного, потому что всё, что люди могли бы увидеть и испытать в аду, они вполне могут себе позволить и на земле.

Кроме того, римская католическая церковь, которая многие столетия являлась символом догматизма, не отстает и от других нововведений. Ныне усопший папа римский Иоанн-Павел II в одной из проповедей на площади Святого Петра сделал такое сенсационное пророчество: «Все праведники, а не только верующие, спасутся и попадут в рай». Таким образом, впервые глава римской католической церкви, являющийся видным теологом и толкователем Священного Писания, пообещал загробное блаженство не только истинно верующим в Иисуса Христа католикам, но и всем «добрым людям, следующим Его заповедям в повседневной жизни», даже если они не являются приверженцами христианской религии и вообще верующими.

Сатанизм из практики жизни перекочевал в виртуальный мир, где перестал быть осуждаем и стал чем-то вроде жевательной резинки, слегка вредной — до того, как ее не стали делать без сахара и не доказали, что новые разновидности жвачки даже полезны для зубов.

Прививка виртуального сатанизма была дана большей части современного человечества, и сейчас хро-

** Согласно новостному интернет-ресурсу Charismanews.

ники настоящих трагедий смотрятся на экранах как-то блекло по сравнению с фильмами ужасов со спец-эффектами.

Человечество напоминает подростка, повзрослевшего настолько, что родители разрешают ему оставаться допоздна и смотреть взрослые фильмы, а также закрывают глаза на то, что он покуривает сигареты.

Надо сказать, как это ни странно, всеобщей катастрофы пока не происходит. Общество живет, как и жило, хотя преступность находится на чрезвычайно высоком уровне. Насилие в телевизионных программах увеличилось на 100% с 1980 года. В самое удобное для зрителей телевизионное время в течение одного часа показывается до 14 сцен насилия и жестокости. По некоторым данным, теленасилие является причиной 15-20% актов насилия, совершающихся в реальной жизни. Особенно подвержены телевизионной агрессии дети и подростки, поскольку, по данным Американской медицинской ассоциации, за годы, проведенные в школе, среднестатистический ребенок видит по телевизору 8 тыс. убийств и 100 тыс. актов насилия (по другой статистике – 50 тыс. убийств и 200 тыс. сцен насилия). По данным медицинского факультета Гарвардского университета (Harvard University), к 18-летнему возрасту американский ребенок видит насилие на экране телевизора более 180 тыс. раз – из них примерно 80 тыс. убийств. Как результат, каждые 24 минуты в Америке совершается убийство. Каждые 10 секунд – кража со взломом. Каждые 7 минут – изнасилование! Вероятность стать жертвой преступления в Америке

гораздо больше, чем вероятность попасть в аварию. За свою жизнь риск быть убитым для каждого американца – 1 к 133; убийства среди подростков увеличились на 232% с 1950 года.

Современный ребенок проводит 28 часов в неделю перед телевизором – это больше, чем он тратит на занятия в школе. Как минимум час в день он играет в видеоигры или путешествует по интернету. Несколько часов в неделю он посвящает просмотру фильмов и прослушиванию музыки.

По данным Mediascope, 66% детских телепередач, транслируемых в США, содержат сцены насилия, причем в трех четвертях случаев телевидение демонстрирует программы, в которых насилие никак не наказывается. По данным Национального института психического здоровья (National Institute of Mental Health), лишь 4% программ, в которых присутствуют сцены насилия, содержат ярко выраженный призыв к ненасилию.

За последние сорок лет в мире было проведено более тысячи исследований, посвященных влиянию телевидения и кинематографа на детей. Исследования проводились во многих странах мира, среди мальчиков и девочек, принадлежащих к различным расам, национальностям и социальным группам. Тем не менее, результаты исследований были практически идентичны: агрессия на экране делает детей более агрессивными по отношению к людям и к неодушевленным предметам. Американская Академия педиатрии (American Academy of Pediatrics) опубликовала четыре фундаментальных вывода из этих исследований. Во-первых, дети, которые смотрят много передач, содержащих сцены

насилия, воспринимают насилие как легитимный способ разрешения конфликтов. Во-вторых, просмотр сцен насилия делает человека более беззащитным к насилию в реальной жизни. В-третьих, чем больше ребенок видит сцен насилия на экране, тем больше шансов, что он станет жертвой насилия. В-четвертых, если ребенок отдает предпочтение просмотру телепрограмм, содержащих сцены насилия, существует значительно большая вероятность, что он вырастет агрессивным человеком и даже совершит преступление.

Несовершеннолетние склонны верить всему, что говорится с экрана. К примеру, в 2001 году Kaiser Family Foundation выяснил, что 60% подростков больше доверяют медицинской информации, передаваемой по телевидению, чем мнению их лечащих врачей. Телевизионное насилие особенно опасно для маленьких детей в возрасте до 8 лет, потому что они не могут точно различить – где начинается реальная жизнь, а где кончается фантазия. Ужасы кино они воспринимают как реальность. Есть несколько печальных примеров. В конце 1980-х годов пятилетний мальчик посмотрел мультфильм про Бивиса и Батхэда на MTV. В этом мультфильме тупые персонажи безуспешно пытались воспользоваться спичками. У мальчика эксперимент удался – в результате сгорел трейлер, в котором жила его семья, и его двухлетняя сестренка. Мать погибшего ребенка, оставившая детей без присмотра, местные пожарные организации и многие общественные организации начали кампанию за запрещение этого мультфильма. Компромисс был найден: MTV исключила сцены

пиромании из историй о Бивисе и Батхэде. Известны случаи, когда дети после просмотра фильмов про Супермена пытались летать, выпрыгивая из окон второго этажа.

Надо отметить, что 85% наиболее популярных в США видеоигр также содержат акты насилия. Исследование, проведенное в 1996 году среди четырехлетних мальчиков и девочек, показало, что большинство из них (59% девочек и 73% мальчиков) назвали своими любимыми видеоиграми те, которые содержат акты насилия. В 1999 году двое школьников, живших в городе Литлтон, штат Колорадо, убили 12 своих одноклассников и ранили 23-х, после чего застрелились. Расследование показало, что одним из факторов, подвинувших их на совершение убийства, вероятно, стала популярная компьютерная игра Doom. Оба подростка постоянно играли в нее. Одноклассников, с которыми у них не сложились отношения, будущие убийцы называли монстрами (по сюжету Doom герой воюет с человекоподобными монстрами).

Телевидение оказало большое влияние на уровень преступности: существует четкая зависимость – уровень преступности в той или иной стране возрастал через 10-15 лет после появления в ней телевидения. В 2001 году в США был опубликован доклад главного хирурга страны, посвященный проблеме молодежного насилия (Youth Violence: A Report of the Surgeon General). В этом докладе подчеркивалось, что просмотр фильмов и телепрограмм, содержащих акты насилия, является фактором риска для подростка. По воздействию на сознание ребенка он находится на том же уровне,

что и иные факторы риска – бедность, плохое социальное окружение, низкий уровень интеллекта и т.д.

Опросы общественного мнения показывают, что примерно три четверти жителей США убеждены в том, что телевизионные передачи перегружены насилием. Опрос, проведенный телекомпанией Fox News после очередных случаев убийств, совершенных школьниками, показал, что 29% американцев считают создателей кинофильмов, телепередач и музыки виновными в этих преступлениях (58% возложили вину на родителей). Аналогичный опрос службы Gallup показал, что жители США считают телевидение второй главной причиной роста детского насилия: 40% возложили главную вину на родителей, 8% – на телевидение, 7% – на недостатки работы учителей, 6% – на психологические проблемы детей, 5% – на утрату обществом строгих моральных императивов.

Насилие – один из ключевых сюжетов, используемых голливудскими кинопроизводителями. По данным Администрации классификации и рейтинга (Classification and Rating Administration) (службы, отвечающей за маркировку фильмов и определение их доступности для детей), с 1968 по 1990 год в США было выпущено более 10 тыс. фильмов, основу сюжета которых составляли акты насилия. В 2002 году голливудскими студиями было выпущено 132 фильма, 49 из которых содержали сцены жестокости и насилия.

Некоторые эксперты считают, что обилие игровых фильмов притупляет у людей понимание ценности человеческой жизни. Реальные катастрофы и

теракты, в результате которых гибнут люди, часть общества ныне воспринимает, как «реальное телешоу» или продолжение известного боевика.

Подростки и молодые люди, которые смотрят телевизор как минимум один час в день, более склонны к совершению агрессивных действий, чем их ровесники, которые тратят свое время на иные занятия. Этот вывод был сделан в результате исследования, которое проводилось на протяжении 17 лет.

Среди подростков, которые смотрели телевизор менее часа в день, лишь 5,7% совершили акты насилия. Среди тех, кто просиживал перед экраном телевизора от часа до трех часов в день, таких было 18,4%, а среди телефанатиков (более трех часов просмотра в день) – 25,3%. Аналогичные закономерности прослеживаются и среди взрослых. При этом, по данным исследовательской группы Nielsen Media Research, в среднем в США дети в возрасте 2-17 лет смотрят телевизор около 2 часов в день, мужчины – более четырех часов, женщины – более пяти.

Выдуманные ужасы вторгаются в реальную жизнь. Многие детективы и боевики становятся образцами для совершения реальных преступлений. Широко известен случай, когда два грабителя попытались повторить ограбление поезда, перевозящего деньги. Причем образцом для подражания послужило не реальное ограбление, совершенное в Англии в 1950-е годы, а фильм, снятый об этом, – «Поезд с деньгами» (Money Train). В начале 2003 года два молодых американца убили свою мать и расчленили ее тело, чтобы изба-

виться от улик. В одном из эпизодов популярного телесериала «Семья Сопрано» (Sopranos), который любили смотреть убийцы, мафиози действовали аналогичным образом.

В 1998 году маркетинговой фирмой Mediascope было проанализировано более 8 тыс. часов телепередач, транслировавшихся по различным каналам американского телевидения. Как было установлено, 60% программ содержали сцены насилия. Ученые из университета штата Айова Брэд Бушман (Brad Bushman) и Крэйг Андерсон (Craig Anderson) сравнили статистику реально совершенных преступлений (для этого были использованы данные ФБР) и преступления, показанные в наиболее популярных телевизионных шоу, описывающих работу полиции и спецслужб. Как показало исследование, убийства составляют 0,2% всех преступлений, совершаемых в США, – однако убийства составляют половину всех преступлений, показанных по телевидению.

Известный американский кинокритик Майкл Медвед (Michael Medved) заметил, что американское телевидение является самым страшным местом в стране. Ежедневно в прайм-тайм (время, когда у телевизоров собирается максимум зрителей) телезритель видит на экране примерно 350 персонажей. Семерых из них убивают. Медвед пишет: «Если экстраполировать эту статистику в реальную жизнь, то через 50 дней все жители США были бы мертвы».

Насилие на экране опасно прежде всего для самих зрителей. В 2002 году в США начался показ фильма «Кретин» (Jackass). Этот фильм, основанный на по-

пулярном сериале, долгое время существовавшем на канале MTV, показывали в 35 тыс. кинотеатров. Фильм содержит множество шуток, часто откровенно глупых и абсурдных. Тем не менее, «Кретин» вызвал волну подражаний: в США были зарегистрированы десятки случаев, когда подростки повторяли или пытались повторить некоторые трюки, показанные в фильме. Во многих случаях это кончалось плачевно. К примеру, 15-летний подросток решил повторить одну из сцен «Кретины». Он облил свои брюки спиртом и сел на костер. Его друзья, снимавшие сцену на видеокамеру, доставили «актера» в больницу. Другой случай закончился смертью 22-летнего парня, который устроил стул в кузове движущегося грузовика, поджег его и попытался выпрыгнуть на ходу. Его друзья также снимали этот подвиг на видеокамеру.

В 1993 году вышел фильм «Программа» (The Program), посвященный американскому футболу. В фильме есть сцена – игроки ложатся на шоссе, чтобы закалить свою волю. В США пятеро подростков, независимо друг от друга, попытались применить этот метод на практике. Трое из них погибли под колесами машин, двое получили тяжелые травмы. После кампании протестов кинокомпания Touchstone Films изъяла эту сцену из всех копий ленты.

Американские рекламодатели считают большой удачей, если их телевизионный ролик оказал влияние на 1% зрителей. Если считать, что сцены насилия оказывают воздействие на тот же процент населения, то вырисовывается страшная картина. Если одну программу или фильм, содержащие акты

насилия, посмотрели 10 млн. человек, то 100 тыс. из них становятся более агрессивными. Кроме того, исследования, проведенные под патронажем Американской ассоциации психологов (American Psychological Association), показали, что полученная таким образом агрессивность имеет свойство «накапливаться» у зрителей и способна спровоцировать человека на преступление.

Исследование Мичиганского университета показало, что насилие на экране оказывает на человека действие, подобное никотину. Механизм его действия схож с действием сигареты: чем больше насилия видит человек, тем оно ему больше нравится. Более того, у любителей боевиков, агрессивных видеоигр и т.д. вырабатывается привычка к актам насилия. Если человек некоторое время лишен подобных зрелищ, то он начинает испытывать дискомфорт.

По данным исследования, проведенного Принстонским университетом, произведенные в США кинофильмы и телепрограммы, содержащие акты насилия, наиболее востребованы в иных странах мира, закупающих американскую кино- и видеопroduкцию. Одна из причин этого в том, что такие фильмы и программы легче переводить на иностранные языки и адаптировать к вкусам местной аудитории. К примеру, перевод комедийного фильма или юмористической передачи намного более сложен, поскольку иностранный зритель должен понимать реалии, в которых действуют персонажи этих программ и лент, а также иметь представление об американской поп-культуре.

Большинство из описанных фактов касаются

США, страны, в которой государство буквально помешано на законах, где жестоко пресекаются малейшие нарушения и огромное количество людей сидит в тюрьме. Самый высокий официально признанный процент заключенных имеют Соединенные Штаты Америки, где на 100 тыс. жителей приходится 565 человек, находящихся в местах лишения свободы. Ирония состоит в том, что этот процент (примерно 0,5%) совпадает с числом американцев, планирующих попасть в ад...

Может показаться, что этому нет никакого другого объяснения, кроме прямого попустительства правительства Соединенных Штатов. Если бы в намерения правительства входило реально бороться с преступностью, оно неизбежно приняло бы ряд законов, запрещающих демонстрацию насилия и разврата в практически неограниченных объемах.

Возможно, чтобы понять причины подобного парадокса, следует пойти дальше. Ведь не только США страдают от вышеперечисленных явлений. Несмотря на то, что некоторые страны Европы (такие, как Норвегия и Дания) практически исключают сцены насилия из официального телевидения, это малоэффективно, поскольку видеофильмы и видеоигры по-прежнему доступны в той же мере, как и в других странах.

В современном обществе явно ощущаются и перегибы насчет однополрой любви. Практически в каждом фильме есть герой нестандартной половой ориентации. У людей уже сложилось впечатление, что человечество разделяется чуть ли не пополам на гетеросексуалов и гомосексуалов. Однако даже по самым завышенным подсчетам доля гомосексуалов

с установившейся ориентацией не привышает 10-15% населения. Официальная статистика называет цифры 2-4%, однако мы можем допустить, что эти результаты занижены.

Вопрос антирасизма, превратившегося чуть ли не в расизм против белых, может служить иллюстрацией другой странности современного общества.

Однополая любовь, надо сказать, была приемлема в древнегреческой и древнеримской культуре, так что нельзя утверждать, что принятие подобного явления современным обществом является уникальным фактом. Этого, однако, нельзя сказать об однополых браках. Легализация подобных союзов опасна, так как она ведет к пересмотру самого института брака. С Аристотеля, с римского и германского права целью супружества считалась не любовь, а семья со всеми ее аспектами – социальным, имущественным, демографическим, юридическим. Однополые браки упраздняют некоторые из этих сторон брака, заменяя их лишь чувствами, сексуальной жизнью. Мы не знаем, к чему это приведет, просто потому, что у человечества нет соответствующего опыта. Другим фактором стало перераспределение ролей мужчин и женщин. Испокон веков считалось, что мужчина должен делать мужскую работу, а женщина – женскую. Еще в древнем Риме однополые браки не допускались, потому что считалось, что женщина должна всегда оставаться в подчинении мужчины. С освобождением женщин произошло переосмысление ролей в браке, что привело брак к его сегодняшнему состоянию в западных странах – чуть ли не исключительно деловой союз, причем со-

вершенно необязательный.

Возникает ощущение, что если раньше религия, мораль и семья выполняли важную сдерживающую функцию поддержания порядка в обществе, то с тех пор, как общество смогло позволить себе сильную и эффективную полицию, надобность в этих механизмах сдерживания отпала. И действительно, как ни странно, такая свобода нравов более характерна для западных государств, в то время как на Востоке царят средневековые законы, не допускающие однополую любовь.

Однако с некоторым удивлением я прочел в последнем номере журнала *Le Figaro*, что в Иране операции по смене пола разрешены. На самом деле Хомейни разрешил их чуть ли не сорок лет назад.

Газета *Los Angeles Times* приводит следующую цитату: «Разрешение на перемену пола не означает одобрения гомосексуализма. Мы против гомосексуализма, — говорит Мухаммед Махди Кариминья, духовный лидер из священного города Кум, один из главных защитников использования гормонов и хирургических операций для смены пола. — Но мы заявили, что, если гомосексуалист хочет сменить пол, этот путь для него открыт». Нельзя сказать, что сменить пол в Иране легко. Исламская республика остается традиционным консервативным обществом, где царит атмосфера суровых суждений и строгих нравов. Указы духовных лидеров едва ли могут заставить мать хотеть, чтобы ее сын стал женщиной, или воздействовать на сотрудников, которые прыскают, слыша, что голос их коллеги стал на несколько октав выше. Реакция правительства тоже неоднозначна, некоторые его члены по-

прежнему выступают против смены пола.

Иран – не единственная мусульманская страна, которая теплее относится к смене пола, но по-прежнему настороженно – к гомосексуализму. Суд Кувейта недавно принял решение о том, что 29-летний мужчина, сменивший пол, может на законных основаниях жить как женщина. Позже это решение отменил суд высшей инстанции, но оно вызвало жаркие дебаты в стране, где тема гомосексуализма табуирована.

В Саудовской Аравии судья исламского суда поддерживал права наследника, претендовавшего на долю наследства, которую получают сыновья, хотя он сделал операцию, чтобы стать женщиной. Даже Аль Азхар, древний центр обучения суннитов в Каире, в середине 1990-х годов издал религиозный эдикт, одобряющий смену пола в некоторых случаях.

Но ни одно мусульманское общество не подходит к проблеме с такой открытостью, как шиитский Иран. Возможно, дело в том, что сам отец революции, аятолла Хомейни, подписывал фатвы, одобряющие смену пола, сорок лет назад.

Если мужчина или женщина так сильно хочет изменить пол, что полагает, что ему досталось чужое тело, счел Хомейни, им надо разрешить изменить тело. В Коране о смене пола ничего не говорится, значит, нет оснований считать операцию запретной. До Хомейни несколько исламских эдиктов разрешали смену пола гермафродитам, но никто не разрешал менять пол при отсутствии анатомических аномалий.

То есть даже такие жесткие режимы согласны на смену пола, в случае если это не нарушает стабиль-

ность устоев общества, что говорит скорее о том, что во главу угла при принятии подобных законов ставятся чисто практические интересы государства, а не моральные соображения.

Позвольте мне развлечь вас шуткой. Мы обсудили, что даже ислам допускает смену пола. Почему же иудаизм возражает? Потому что евреи станут метаться туда-сюда: побыл мужчиной – не понравилось. Побыл женщиной – не понравилось. Опять стал мужчиной – опять не понравилось. Будут всем морочить голову, требовать вернуть деньги и спрашивать, нету ли какого-нибудь другого пола!? А в иврите, увы, нет среднего рода, грамматикой не предусмотрено.

Итак, если серьезно, происходящий расцвет разложения нравов может объясняться усилением государственной власти, при котором нет более необходимости поддерживать порядок, пользуясь ненадежными узами морали. Ныне население эффективно сдерживается страхом тюремного заключения, которое эффективность полиции и низкий уровень коррупции делает практически неотвратимым, что, по мнению государств, вполне достаточно.

Государство есть бесполое и аморальное создание по определению. Ему совершенно все равно, кто на ком женится и кто с кем ночует. Я не удивлюсь, если вскоре будут разрешены браки с животными и растениями. Заплатил госпошлину и расписывайся со своим горшком герани, сколько угодно. Цель государства есть поддержание стабильности и расширение своей власти. Поскольку индустрия секса и насилия приносит огромные легальные

доходы, ее воротилы имеют значительное влияние на любое правительство. Кроме того, эти индустрии обогащают государственную казну и оживляют экономику, а главное – отвлекают внимание масс от социальных проблем. Во многих государствах даже поговаривают не только о легализации проституции, но и о легализации наркотиков. Правда, даже в Нидерландах марихуана пока не является легальной. Отправной точкой нидерландской политики по наркотикам является стремление к «уменьшению вреда» (“harm reduction”), или стремление уберечь от употребления наркотиков и ограничить риск и вред, который они причиняют. Это относится как к уже употребляющему наркотики, так и к его окружению.

В голландских законах, связанных с наркотиками, строго различаются конопля (марихуана и гашиш) и так называемые тяжелые наркотики. На основе этого разделения хранение конопли для личного пользования (не более 30 г) считается не преступлением, а лишь нарушением. Среди прочего цель такой политики – разделение рынка тяжелых наркотиков и конопли (которая на жестких условиях продается в «кофешопах»). Продажа конопли в «кофешопах» (максимум 5 г на человека в день) считается мелким нарушением и не преследуется по закону.

Цель этой политики – ограничить контакт тех, кто употребляет коноплю, с более тяжелыми наркотиками. Дело в том, что если потребитель конопли покупает ее у нелегального дилера, то вероятность столкновения его с тяжелыми наркотиками намного выше. За счет разделения рынка тяжелых

наркотиков и конопли появилась возможность эффективнее защищать употребляющих коноплю от тех наркотиков, которые (с точки зрения здравоохранения) гораздо опаснее.

Широко распространенное в других странах мнение, что в Нидерландах марихуана продается на легальных основаниях, – ошибочно, в Нидерландах запрещены все виды наркотиков. Это один из примеров «серой области», к которой относятся незаконные иммигранты и прочие официально запрещенные, но на практике допускаемые явления.

Возвращаясь к проблеме факта попустительства правительств в вопросе разгула жестокости на экране, мы сталкиваемся с удивительным на первый взгляд фактом: государство не интересуется благом отдельно взятого индивидуума. Несмотря на то, что индивидуум, как утверждал Руссо, отдает всего себя, свои права и свободу во власть государства, взамен он получает в лучшем случае заботу о благе общества в целом. Свободой и даже жизнью отдельного индивидуума любое государство всегда может себе позволить пренебречь. Тут уж нечего и говорить о таких мелочах, что кому-то не нравится, что показывают по телевизору. Не нравится – не смотри и детям смотреть не давай, говорит государство и обеспечивает все фильмы точным рейтингом – этот с обрыванием рук, этот с обрыванием головы. А в этом скажут нехорошее слово, но с хорошими намерениями. Государство, когда не надо, любит быть чрезвычайно заботливым. Представьте себе эту должность – сидишь целый день, смотришь фильмы и раздаешь рейтинги. Почти как дегустатор пива, только печень не страдает.

Так что общество в этом вопросе может рассчитывать в основном на само себя. Положение может измениться, если сократится спрос на жестокую и сексуально-ориентированную продукцию. Уже сейчас поднимаются общественные движения и растут тенденции, противящиеся разгулу насилия и разврата. Несмотря на то, что государство вполне устраивает существующее положение, оно не может устраивать конкретные семьи, которые не могут допустить, что в 25% случаев у их детей поднимется уровень агрессивности и вероятность попадания в тюрьму. Тут у семей и государства интересы начинают немножко расходиться. Воспитание ребенка в современном мире стало очень непростой задачей. Школа и телевидение просто выбиваются из сил, чтобы сделать из него морального уроды. Противостоять такой силе не просто.

Преследуя постиндустриальные цели, государство пытается разрушить институт семьи своим попустительством пропаганды добрачных половых связей. Муж становится просто одним из длинной цепочки «бой-френдов», а жена — двадцатой из «герл-френдов». Американский центр по контролю и предотвращению болезней обнародовал результаты исследования, проведенного по заказу правительства США. В нем приняли участие 11 тыс. женщин в возрасте от 15 до 44 лет. Результаты, полученные социологами, довольно любопытны. Например, выяснилось, что пары, которые не жили вместе до свадьбы, имеют гораздо больше шансов сохранить брак. Чаше распадаются браки, заключенные в ранней молодости, при недостатке денег и отсутствии религиозных убеждений, а также

у тех пар, чьи родители находятся в разводе. В то же время, как утверждают социологи, гораздо больше шансов сохранить союз в гражданском браке, не регистрируя отношения официально. Ученые выявили и такие закономерности: к 30 годам три из четырех женщин выходят замуж, но многие из этих семейных союзов распадаются. В общей сложности, не «дожив» до 15 лет, распадаются 43% браков.

О каких долгосрочных отношениях может идти речь, когда фильмами и интернетом, а также принятой в школах практикой детям чуть ли не с 11-13 лет навязывается институт “dating” – свиданий с представителями противоположного пола, при этом никак не регулируется и остается за кадром, что между ними в рамках этих отношений будет происходить. Демонстрация сексуальных сцен с несовершеннолетними запрещена, и поэтому самим несовершеннолетним и их родителям все время приходится гадать, что же происходит там, за кадром, и если мне 13 лет – то уже пора терять девственность или еще можно подождать?

Опять же, общество само начинает противостоять сложившейся ситуации и в последнее время появились тенденции пропаганды сохранения девственности до брака. Наука в этом вопросе не является источником объективности. Психологи, социологи и психиатры невольно следуют стилю мышления и ценностным ориентирам своей эпохи. В начале девятнадцатого века много писали об опасностях и отрицательных последствиях раннего начала половой жизни и мало кто обращал внимание на явно невротические черты так называемой романтической личности с ее экзальтацией,

мистицизмом и неспособностью к простым человеческим отношениям, включая сексуальные. Во второй половине двадцатого века, наоборот, подчеркиваются патогенные аспекты некоммуникабельности, сексуальной заторможенности и т.д. На самом деле плохи любые крайности. В то же время нельзя – это и жестоко, и бессмысленно – подгонять всех людей под один ранжир. «Величайшая возможная ошибка в этой области... – представление, что все остальные люди в точности такие же, как мы, а если нет, то они должны стать такими... Никакие сексуальные правила, законы или идеалы не охватывают в равной степени интраверта и экстраверта, невротика и устойчивого индивида; пища одного человека может быть ядом для другого. С понимания этого начинается психическое здоровье» (Дж. Вильсон, «Психология секса»).

Итак, мы наблюдаем, что общество способно к известной степени саморегуляции. Когда существует запрет – это стимулирует общество противостоять этому запрету, когда же запрет снят, – после некоторого всплеска интерес начинает ослабевать. В дальнейшем положение стабилизируется. Подобные тенденции можно проследить на некоторых примерах прошлого, обсуждение которых не предусмотрено рамками данного эссе.

Довольно часто можно встретить ошибочную оценку ситуации ввиду того, что люди склонны предполагать, что существующее положение продлится неопределенное время. Однако из наблюдения практически любых процессов мы можем заключить, что они характеризуются цикличностью. Другая причина ошибочности

предсказаний связана с тем, что многие исследователи не учитывают потенциала саморегуляции во многих системах, особенно это верно, когда речь идет о человеческом обществе.

Следовательно, можно предположить, что и в будущем рассмотренные нами проблемы и отклонения будут приходить к состоянию баланса. Зашкаливающая жестокость на экранах, возможно, будет продолжать вызывать отрицательную реакцию в обществе, что будет приводить к снижению спроса на подобную продукцию. Слава Богу, целью кино- и телемагнатов не является развратить население Земли. Они, в большинстве случаев, просто хотят делать деньги. Безусловно, они диктуют вкус, но и с другой стороны общество голосует деньгами, снижая продажи той продукции, которая не приходится обществу по вкусу. Опять же можно наблюдать серьезную тенденцию на снижение жестокости во многих последних киноработах. О некоторых весьма кассовых фильмах с удовлетворением отмечаешь, что в них никого не убивают, и в последнее время даже появились фильмы, в которых никто никого не бьет и даже не оскорбляет словесно. Вероятно, в результате сращивания телевидения с интернетом зрители смогут свободнее выбирать программы себе по вкусу, что усилит существующие позитивные тенденции.

Дело в том, что запрет кинопродукции, содержащей жестокость и пропаганду промискуитета, только подогреет интерес и вернет процесс на круги своя.

Агрессия, как и сексуальное влечение, являются естественными потребностями, унаследованными че-

ловеком в процессе эволюции. Запретами, к сожалению, мало что можно изменить. Возможность реализовать этот заряд агрессивно-сексуальной энергии в виде сублимации в виртуальном мире будет снижать ее проявления в реальности, как бы парадоксально это ни звучало. Усиление строгости наказаний в сочетании с улучшением качества виртуальной реальности сможет перевесить чашу весов человеческого темперамента в сторону тихой сублимации и прочь от активных действий, предусмотренных статьями уголовного кодекса.

Однако классический сатанизм в исторической перспективе включает не только насилие и разврат. Это, конечно же, и культ колдовства. Как объяснить невероятную популярность сочинений и фильмов о Гарри Поттере? Тот факт, что они написаны и сняты в соответствии со старыми нормами добра и зла, не только не снимает вопроса, а лишь обостряет его. Мы забываем, что главными положительными героями являются ведьмы и колдуны, в то время как простые люди, не обладающие магическими силами, презрительно именуются «маглами» или «людьми, не владеющими магией».

Как вам нравятся другие положительные герои современности? Бэтмен, черный человек – летучая мышь в черном плаще летает над городом. Уж не напоминает ли вам это классический образ Сатаны? Однако герой этот крайне положительный. А как вам Спайдермен – человек-паук? Подбор животных и насекомых, по-моему, однозначный. Как вам нравится кэт-вумен (женщина-кошка)? Почему не бабочка? Почему не зайчик? Почему выбираются именно животные и насекомые, ассоциирующиеся с

культом Сатаны? Ведь и летучая мышь, и паук, и кошка являются символами темных сил.

Эти утверждения касаются не только современной культуры последних лет. «Мастер и Маргарита» – культовый роман Булгакова, на котором выросли несколько последних поколений, тоже рисует Сатану как романтического положительного героя. Роман описывает бал Сатаны, по сути дела пресловутую черную мессу*, правда, в весьма смягченной форме, что только еще более придает романтизма повествованию. Если бы Булгаков описал бал как ритуал, описанный в сноске, я думаю, роман бы имел несколько меньший успех и в совершенно в других кругах. К тому же, сноску я подверг тщательной цензуре, поскольку в первоначальном виде она включала такие подробности, что не подходила для печати в издании, рассчитанном на широкую аудиторию...

Попробуем объяснить происходящее. Самое простое объяснение – темные силы победили, мир находится во власти дьявола. Подспудно, однако, кажется, что баланс между добром и злом всё же остался прежним – как и сто лет назад, как и тысячу лет назад. Возможно, изменились количественные масштабы, в которых действует добро и зло, но их соотношение, пожалуй, осталось неизменным или

* Черная месса – сатанинский религиозный ритуал, обычно проводится ночью (летом на открытом воздухе). В общих чертах представляет собой искажение католической мессы. Начинается с обряда поклонения и славословия Сатане. Во время черной мессы выбирается королева бала, которая в обнаженном виде ложится на алтарь и с ней прилюдно вступает в физическую связь жрец, символизирующий самого Сатану, после чего начинается оргия. Одни сатанисты вдохновлены мрачной эстетикой и получают удовольствие от преодоления навязанных в детстве христианских стереотипов. Другие видят в черной мессе истинный мистический обряд обретения могущества.

даже сдвинулось в пользу добра. Жизнь большинства людей, особенно в развитых странах, стала легче, искоренено, по крайней мере, официальное рабство, длительность и качество жизни значительно изменились в лучшую сторону. Повседневный мир за редкими отступлениями не напоминает царство Сатаны, даже несмотря на все перечисленные факты роста насилия и разврата. К сожалению, мы не обладаем статистикой прошлых веков, ибо многие акты жестокости в те века таковыми не считались и поэтому не регистрировались в качестве криминальных преступлений. Во многих странах также отменена смертная казнь.

Возможно, в случае использования символов, которые противоречат христианству и скорее имеют отношение к антихристу, речь действительно идет о символической реакции на запреты христианства, которые в настоящее время повсеместно ослабляются. Приведенный ранее пример поразительной лояльности папы римского и серьезный подрыв авторитета католической церкви, связанный с громкими процессами по делу священников-педофилов, — говорят о том, что своими лояльными заявлениями римская католическая церковь пытается поднять свою популярность. Надо сказать, что это происходит весьма успешно. Новый папа римский начал свое правление посещением синагоги и поездкой по Германии, где понтифика приветствовали толпы его соотечественников, среди которых было очень много молодежи (причем, надо отметить, одетой весьма фривольно). Степенный папа римский с невинным прошлым юного гитлеровца на фоне голых пупков приветствующей

его немецкой молодежи. Несмотря на эту сюрреалистическую иллюстрацию в одном французском журнале, есть надежда, что речь идет только о форме. То, что наделала католическая церковь в годы инквизиции, вообще ставит под сомнение репутацию института папства. Так что причастность к гитлеризму, особенно в далекой бесшабашной юности, вряд ли уже может повредить.

То есть, скорее всего, мы имеем дело с перегибом, который тоже со временем войдет в равновесие.

Дело в том, что, возможно, человечество еще очень молодо. Во всяком случае, жизнь современной цивилизации может быть представлена как жизнь индивидуального человека. В таком случае, возраст нашей цивилизации примерно соответствует 16-17 годам. Вот вам и объяснение: наша цивилизация – подросток! Посмотрите на эту таблицу:

Возраст ребенка	Соответствующие годы развития цивилизации	Характеристики и навыки ребенка (человечества)
Рождение	450-500 гг. н.э.	Младенец отделен от пуповины (греко-римской цивилизации).
1 год – 3 года	500-900 гг. н.э.	Учится ходить, пользоваться

		туалетом. Пока не делает различий между своим и чужим. Все конфликты решает силой.
3 года – 6 лет	900-1400 гг. н.э.	Дошкольный возраст. Учится писать и читать. По-прежнему играет игрушками. Любимая игра – в рыцарей.
6 лет – 9 лет	1400-1700 гг. н.э.	Младшие классы школы, основы математики. Продолжает выяснять отношения драками.
9 лет – 13 лет	1700-1900 гг. н.э.	Начинает играть с электричеством. Начинает курить и баловаться наркотиками. По-прежнему выясняет отношения драками.

Возраст ребенка	Соответствующие годы развития цивилизации	Характеристики и навыки ребенка (человечества)
13 лет – 18 лет	1900-2050 гг. н.э.	<p>Начинает проявлять активный интерес к сексу. Играет запрещенными игрушками.</p> <p>Успехи в школе: прогресс в естественных науках и физике. Отстает по гуманитарным наукам. Пропускает уроки физкультуры.</p> <p>Замечен в действиях особой жестокости. Зарегистрировано несколько приводов в милицию.</p> <p>Дерется реже, но часто с членовредительством. Установлены факты намеренных порезов на теле.</p> <p>Основная</p>

		опасность – попытки самоубийства.
--	--	--------------------------------------

Если у вас хорошее воображение и много свободного времени, вы можете продолжить эту таблицу и зарекомендовать себя Нострадамусом нашей эпохи.

Можно, конечно, провести параллель, сравнив современный рост разврата с подобными явлениями, сопровождавшими закат Римской империи. Однако лучше воспринимать существующую ситуацию как признак проявления свободы и приближающейся зрелости современного общества. Заявление, что современная цивилизация находится в подростковом возрасте, мне нравится больше, чем утверждение о победе сатанизма в нашем мире. А поскольку я вправе выбирать, какую интерпретацию даю тем или иным явлениям, то я, пожалуй, остановлюсь на заявлении о подростковом возрасте нашей цивилизации. Таким образом, я смогу относиться с пониманием к ее нынешним и будущим вывертам и смогу успокоить ее родителей – греко-римских философов, чтобы они не обращали внимания, мол, пройдет век-другой, и вы ее не узнаете. Наша цивилизация станет взрослым, полным сил молодым человеком.

Что же делать нам, очередному потерянному поколению? Ждать, пока человечество подрастет? Увы, невозможно полностью оградить нас и наших детей от зла этого мира, как находящегося вовне нас, так и заложенного в нас самих в качестве природных инстинктов и склонностей. Выход же состоит в

воспитании умеренности, способности отличать добро от зла и спокойного отношения к несовершенствам окружающего мира.

Золотой век человечества

Что-то давненько никто не писал утопий – положительных, благожелательных, приятных для воображения. Нынче всё больше пишут антиутопии со страшными исходами, бунтом машин, атомными войнами, падениями астероидов и всякими другими неприятностями. Извольте же выслушать мою утопию, которая, мне кажется, позволит, некоторым образом, помечтать в положительном ключе.

Итак. В чем у нас нынче заключаются проблемы человечества? Давайте сразу спустимся на индивидуальный уровень, потому что вот мне как-то до всего человечества далековато. Оно для меня существует где-то там на ветреных просторах земного шара. Итак, в чем наша индивидуальная проблема? Начнем с главного:

1. Умирать не хочется.
2. Жить страшно.
3. Чувствуем себя неважно.
4. Принципиально скучно и неохота работать.
5. Ничего стоящего в жизни не достигли.
6. Денег не хватает! Всегда не хватает денег!
7. Мир устроен несправедливо, жалко всех.
8. В мире все сволочи. Всех бы к стенке.
9. Ну, остальное по мелочам, у кого что – у ко-

го личная жизнь никудышная, у кого с соседом плохие отношения.

Итак, если решить эти проблемы для каждого отдельно взятого человека, то у человечества в целом настанет золотой век.

Ну что ж, начнем решать проблемы одну за другой, хотя они, в общем, взаимосвязаны. Итак, смерть. Это как раз то самое явление, которое, как говорил наш бедный Гамлет, «парализует волю»...

Итак, чего мы боимся в смерти? Трех вещей. Во-первых, перемены, ибо смерть, как-никак, своего рода перемена. Жил, понимаешь, жил, а тут вдруг взял и умер. Эта перемена также может сказаться невеселым образом на наших ближних. Во-вторых, мы боимся небытия, потери этого маленького взбалмошного мирка, который мы именуем затасканным понятием «я». И наконец, в-третьих, мы боимся загробного развития событий — то ли полного небытия, то ли, что еще страшнее, ада, рая и прочих неопределенностей.

Что есть смерть? Это гибель нашего тела, которое, будучи мертво, не может поддерживать наше сознание, именуемое нами «я». Дорого ли нам наше тело само по себе? Многие были бы не прочь поменять свое тельце на что-нибудь более привлекательное. Если рожь нам наша, может, еще как-то нравится (просто привыкли), то к остальным частям тела мы нередко так и не можем привыкнуть и ими недовольны. Если кто из моих молодых читателей или читательниц своим телом пока доволен (а что, встречаются и такие нарциссисты), то перечтите мою книгу лет эдак через двадцать, и

вы точно будете им уже не вполне довольны.

Значит, всё, чем мы дорожим, это наше ощущение самих себя как собственного «я». Хорошо. Вот вам решение проблемы. Научатся ученые переписывать всё, что у нас в мозгу есть, на специальные носители информации. Каждый день по вечерам мы всё это будем скачивать на эти диски или лучше по сети собирать в специальные «душехранилища». Примерно как это делается сейчас с некоторыми компьютерными системами, которые создают свой backup в конце каждого дня. Параллельно, с помощью клонирования клеток нашего организма (если вам уж так дорог ваш набор хромосом), будет создаваться запасной наш прототип и храниться в специальном телохранилище. Кстати, недавно в журнале Discover писали, что ученые научились растить мясо. Да, мышечную ткань коровы. То есть скоро можно будет выращивать бифштекс, никого не убивая! (Отличная новость для вегетарианцев по идейным соображениям, которые спят и видят съесть кровавый ростбиф.) Итак, могут ученые растить говядину, научатся растить и нас. И так каждому из нас будут заготавливать или выпускать по заказу запасное тело, уже натренированное, без болячек. Заболел человек, попал в аварию или по какой-нибудь причине скоростижно окочурился — ему сразу новое тело — и загружают в мозг его последнюю копию сознания, снятую накануне. Извольте, вот вам вечная жизнь. По-моему, неплохо.

Есть ли для подобных прогнозов научная подоплека? Давайте послушаем профессора Института технологии в Нью-Джерси Александра Болонкина, кото-

рый также является старшим научным сотрудником NASA. В своей книге «XXI век – начало бессмертия людей!» он пишет:

«Необычайно быстрое развитие компьютерной технологии и особенно микрочипов, позволяющих на одном квадратном сантиметре размещать сотни тысяч электронных элементов, открыло перед человечеством совершенно другой метод решения проблемы бессмертия отдельного индивидуума. Этот путь основан не на сохранении хрупких биологических молекул, а в переходе на искусственные полупроводниковые (силиконовые, галлиевые и т.п.) чипы, устойчивые при больших колебаниях температур, которые не нуждаются в пище, кислороде, сохраняются тысячи лет. И, что очень важно, информация из них легко может быть переписана в другой чип и храниться в нескольких экземплярах.

И если бы наш мозг состоял из чипов, а не биологических молекул, то это и означало, что мы получили бессмертие. И тогда наше биологическое тело нам стало бы тяжким бременем. Оно мерзнет, страдает от жары, нуждается в одежде и уходе, легко повреждается. Куда удобнее иметь стальные руки и ноги, обладающие огромной силой, нечувствительные к холоду и жаре, которым не нужны пища и кислород. И даже если они и сломались, то не жалко – купим и вставим новые, еще лучшие и современнее.

Может показаться, что у человека, получившего бессмертие, собственно говоря, в человеческом понимании, от человека и ничего не осталось. Но у него осталось самое главное - его сознание, память,

представления и привычки, то есть всё то, что заложено в его мозгу. Внешне ему можно придать тот же человеческий и более изящный облик. Например, красивое молодое лицо, стройную фигуру, нежную атласную кожу и т.п. Более того, этот облик можно менять по желанию, в соответствии с модой, вкусом и представлениями о красоте самого индивидуума. Мы тратим гигантские средства на медицину. Если бы мы тратили хотя бы десятую часть этих денег на развитие электроники, то получили бессмертие уже в ближайшем будущем».

Вы, конечно, возразите, что человек не пойдет на такое насилие над своим телом, душой и прочими атрибутами. Ну, это вопрос времени. Люди, конечно, консервативны, но они потихоньку привыкают к новшествам. То, к чему люди привыкли в настоящее время, еще пятьдесят лет назад казалось абсолютно невероятным. Например, демонстрация интимной близости между двумя лицами, притом что оба лица мужского пола и один из них на эти отношения согласия не давал. По-моему, такая сцена была в довольно старом фильме «Криминальное чтиво». Знаете, если человечество свыклось с этим, то как-нибудь привыкнет и к тому, чтобы, преодолев отвращение, начать менять свое тело, как перчатки, тем более если в результате можно будет получить такую незначительную, но приятную малость, как вечную молодость, вечную жизнь и вечное здоровье (насколько я понимаю, просмотр фильма «Криминальное чтиво» такими преимуществами не вознаграждает).

Для того, чтобы сэкономить на телевизорах и ком-

пьютерах, в мозг будут встраивать такой модем, хоть бы и типа радиотелефона, через который все люди будут подключены к всемирной сети. Таким образом, закрыл глаза — посмотрел выпуск новостей. Подумал, что надо жене позвонить — а она уже ответ прислала — мол, где ты шатаешься?

Шататься тоже практически не придется, потому что всё станет виртуальным — деловые встречи, работа, развлечения. Закрыл глаза — поработал. Тут вам получается исключительная экономия энергии. Ехать никуда не надо, сиди дома, телепатируй. Дом тоже будет весь сплошь виртуальная реальность. Каждый сможет навоображать себе такой дворец, какой ему только заблагорассудится. Ведь уже теперь целые коммерческие империи существуют только в воображении и на экранах компьютеров. Недалек тот день, когда качество виртуальной реальности будет значительно превосходить качество реальной реальности.

Как же насчет дурных намерений и наклонностей? Убийцы, маньяки, политики — как же они обойдутся без причинения мучений окружающим? Дело в том, что мучить людей нового типа будет совсем неинтересно. Помучил, убил, а он на следующий день как новенький, ничего не помнит, да и пока его мучаешь, о пощаде не просит, а цианистого калия заглотит, чтобы поскорее завтра настало. Убивать сразу расхочется.

Итак, убийцы, маньяки и политики предпочтут удовлетворять свои звериные наклонности в виртуальном мире, играя в новые виртуальные игры, которые будут давать им ощущения более сильные, чем может дать реальность.

Короче, опишите меня полюбившимися мне с детства словами Пьера-Жана Беранже:

*Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навевет
Человечеству сон золотой!!!*

Обратите внимание, отпадают всевозможные моральные проблемы, проблемы преступности, проблемы религии, проблемы жизни и смерти. В общем, и разбираться в нерешаемых вопросах, как устроена реальная Вселенная, станет не обязательно. Настоящая Вселенная будет казаться настолько несовершенной по сравнению с виртуальной, что необходимость ее постижения отпадет сама собой.

Проблема с нехваткой денег в золотом веке человечества решается сама собой. Поскольку такое общество будет потреблять в основном виртуальные сервисы и продукты, энергии на их производство потребуется очень мало. Отходов будет тоже гораздо меньше. Поскольку ездить практически никуда не надо будет, то отпадут транспортные проблемы.

Покорение космоса будет необходимо исключительно для защиты земли от космических катаклизмов и подготовки запасной базы для эвакуации. Освоение космоса будут производить в основном аппараты.

Все эти наши желания полететь к звездам – рудимент дурного воспитания и тяжелого детства. Вселенная потому так и устроена, что никуда не долетишь и всюду камни безжизненные да огни адовы – потому что никуда таскаться и не надо.

Виртуальная реальность будущего нам такое покажет, что реальная вселенная себе и вообразить-то не сможет, не то что сотворить.

Что там у вас еще? Работать не желаете? А и не надо. Это совсем не обязательно. Заметьте, чем дальше человечество идет по восхождению к прогрессу, тем меньше людей заняты на нудных ручных работах. А вскоре надобность в работе и вовсе отпадет, потому что всё смогут делать роботы, я имею в виду делать то, что еще останется необходимым делать в будущем практически полностью виртуальном мире.

Ну, всё равно вы говорите: где взять на всё это энергию? Не переживайте. Научатся ученые использовать энергию Солнца. Каждый день Земля получает от Солнца в тысячу раз больше энергии, чем ее вырабатывается всеми электростанциями мира. Задача здесь состоит в том, чтобы научиться практически использовать хотя бы ее небольшое количество. Нельзя утверждать, что широкомасштабное использование солнечной энергии не будет иметь никаких последствий для окружающей среды, но всё же они будут несравненно меньшими, чем в традиционной энергетике.

Уже сейчас ведется такая работа. Одним из лидеров практического использования энергии Солнца стала Швейцария. Здесь построено примерно 2600 гелиоустановок на кремниевых фотопреобразователях мощностью от 1 до 1000 кВт и солнечных коллекторных устройств для получения тепловой энергии. Программа, получившая наименование «Солар-91» и осущест-

вляемая под лозунгом «За энергонезависимую Швейцарию!», вносит заметный вклад в решение экологических проблем и энергетическую независимость страны, импортирующей сегодня более 70% энергии.

Итак, имея в кармане энергию Солнца, автоматизировав большую часть работ, а оставшуюся часть отменив за ненадобностью (поскольку большинство продуктов станут виртуальными), человечество войдет в свой золотой век, в котором, чтобы людям не было скучно, их с детства будут приучать заниматься каким-нибудь приятным занятием, например, писательством и философствованием, изобразительным искусством или стихосложением, которым они и смогут заниматься всю оставшуюся вечность.

Модель электронного государства

Нередко в наши дни встречаешь предметы и приспособления, которые чрезвычайно упрощают жизнь, но почему-то в прошлые времена никто не догадывался, что их можно сделать именно таким простым и дешевым образом. Возьмите хотя бы упаковки и открывашки, в создании которых не применена какая-нибудь суперновая технология или сверхсовременные материалы, а просто люди, их создавшие, пересмотрели старые концепции и задались вопросом: «А почему бы и нет?»

Многие вещи, однако, остаются неудобными и нерациональными и по сей день. Во всем виноваты косность и консерватизм человеческого мышления.

Необходимо постоянно пересматривать все существующие порядки и задаваться вопросом: «А нельзя ли это сделать проще, дешевле, да и нужно ли это делать вообще?» Так же необходимо всё время проверять, не может ли новая технология облегчить процесс или вовсе его заменить на более дешевый, качественный и эффективный. Если в промышленности и бизнесе эти принципы обновления еще как-то действуют, хоть и с большим опозданием, то в отношении управления государством – налогообложения, законодательства, организации систем здравоохранения, образования и финансирования армии – пересмотр старых концепций происходит чрезвычайно медленно, если вообще когда-либо происходит. Это связано с тем, что государство как таковое обычно не имеет серьезной конкуренции, и если люди на выборных должностях еще как-то пытаются соответствовать ожиданиям избирателей, то сам государственный аппарат практически любой страны представляет собой плачевное зрелище, являясь показательным примером неэффективности, разбазаривания средств налогоплательщиков, показухи и производства нежелательных и даже вредных обществу действий, в то время как желательные действия им не предпринимаются. Конечно, в некоторой степени и здесь конкуренция существует – теоретически вы можете выбрать другое государство и проголосовать ногами, эмигрировав в другую страну, однако эти вопросы обычно мало волнуют государственную систему управления и практически не могут влиять на ее реформу.

Процесс реформирования систем государственно-

го управления, разумеется, будет встречать повсеместное сопротивление и извращение первоначальных намерений, поэтому народы благополучных государств давно пользуются принципом, что лучше *его* не трогать, а то хуже будет.

Однако я предлагаю, последовав примеру Платона, взять и нарисовать план идеального государства^{*}, но только воспользовавшись современными технологиями и достижениями науки и этики наших дней, а также принимая во внимание современные потребности населения.

Для удобства я возьму за исходную основу модель развитого государства без особых проблем, типа Канады, Норвегии или Швеции. Поскольку мне посчастливилось ознакомиться с этими странами непосредственно (в Норвегии я имел дом в течение пяти лет, и дом этот находился в 80 км от шведской совершенно открытой границы, где я ни разу не видел пограничника, а в Канаде я проживаю и в настоящее время), я считаю, что анализ несовершенства этих наиболее продвинутых государств поможет мне создать умозрительную модель идеального современного государства

^{*} Основной идеей «Государства» Платона является идея справедливости, создание идеального политического строя. Существование человека вне общественно-политической жизни, по Платону, невозможно. Государство Платона состоит из сословий: правителей, стражей и так называемого третьего сословия, куда входят крестьяне, ремесленники, торговцы и т.д. По Платону, каждое сословие должно заниматься тем, на что оно способно, иначе говоря, каждый должен заниматься своим делом, в совершенстве владеть своим мастерством (*techné*). Основное разделение сфер деятельности определяется назначением каждого сословия. Так, философы-правители управляют, стража призвана охранять государство от внешних и внутренних врагов, а крестьяне и ремесленники должны производить материальные блага как для самих себя, так и для первых двух сословий.

гораздо легче, чем если бы я взялся мысленно реформировать какую-нибудь другую страну, находящуюся на более низком уровне организации государственной системы управления.

Несмотря на то, что, например, Канада является одной из наиболее благополучных стран в мире, с избытком госбюджета в несколько миллиардов долларов*, в ней наблюдается ряд проблем, свойственных и многим другим странам.

Позвольте перечислить эти проблемы:

1. Государственная система управления громоздка, очень дорогостояща, с огромным количеством параллельно существующих и дублирующих самих себя органов на федеральном, провинциальном и муниципальном уровне.
2. Неэффективная налоговая система. Из-за раздутого государственного аппарата налоги высоки, а социальные выплаты недостаточны, потому что разницу съедают госаппарат и неэффективное планирование.
3. Здравоохранение неэффективно – не хватает врачей, медсестер, финансов, оборудования. Профилактика заболеваний и ранняя диагностика практически отсутствуют. Основные средства уходят на лечение хронических и нередко уже

* Согласно данным, опубликованным на официальном сайте канадского министерства финансов (Department of Finance Canada): “Since balancing the budget in 1997-98, the Government of Canada has recorded seven consecutive budget surpluses” – начиная с 1997-98 годов, когда Канада сбалансировала свой бюджет, каждый год из последующих семи лет были зарегистрированы избытки годового госбюджета.

неизлечимых больных.

4. Образование малоэффективно. Уровень знаний учащихся средних школ неудовлетворителен. Высшее образование дорого и готовит специалистов, которые остаются невостребованными на рынках труда. О морали нечего и говорить. В школах процветают насилие, наркомания, употребление алкоголя, промискуитет в среде несовершеннолетних. На Западе далеко не все несовершеннолетние учатся в школах. После восьмилетней школы дальнейшее образование необязательно, и с 14 до 18 лет подросток может болтаться неприкаянным и не идти в high school (эквивалент старших классов в России). Как раз те, что увлекаются алкоголем и промискуитетом, чаще всего и не учатся в школах. Кроме того, сказав «в школах» я подчеркиваю, что именно в школах (с точки зрения места) процветает насилие. Кроме того, там нередко учатся и совершеннолетние «второгодники», да и в 12-м классе большинству школьников по 18 лет. Я подчеркиваю, что ладно бы процветал промискуитет в среде совершеннолетних, это полбеда, но он процветает в среде несовершеннолетних, в то время как сексуальные отношения с коими как бы запрещены. То есть на то, что совершеннолетние имеют отношения между собой, взрослые закрывают глаза, но стоит совершеннолетнему заиметь отношения

определенного свойства с несовершеннолетним – как его сразу в тюрьму. Представьте себе Ромео и Джульетту. Ему 14, ей 13. У них любовь. Скажем, они не окочурились, как в пьесе, и продолжили любить друг друга счастливо до того, как ему стукнуло 18 и он стал совершеннолетним, а ей всё еще 17 и она несовершеннолетняя. Как только часы бьют полночь в ночь на его совершеннолетие, полицейский, держа свечу, выхватывает несчастного Ромео из постели с Джульеттой, где он провел счастливые четыре года, надевает на него наручники за связь с несовершеннолетней и на 20 лет определяет на местожительство в тюрьму. Потом, когда Джульетте будет 37, а Ромео 38, он из тюрьмы выйдет совершенно исправившимся, и они наконец поженятся. Вот вам иллюстрация современной морали и законности. Шекспир отдыхает.

5. Бездействующая и дорогостоящая армия с малой боеспособностью.
6. Совершенно неэффективная иммиграционная политика, в результате которой приезжает огромное количество незаконных иммигрантов, в то время как легальные высококвалифицированные иммигранты остаются невостребованными на рынке труда. Первая часть иммигрантов не платит налогов, не имеет медицинских страховок и таким образом представляет собой серьезную проблему для государства, в то время как

другая часть нередко становится дополнительной армией безработных, получающих пособия по безработице и пособия по бедности.

7. Огромное количество недовольного жизнью населения, ведущего весьма бедный и скучный образ жизни, работающего на тяжелых или нудных низкооплачиваемых работах, находящегося по уши в долгах и вообще не видящего никакого просвета.
8. Высокая преступность, особенно в крупных городах.
9. Высокая стоимость электроэнергии и топлива.
10. Пробки на дорогах.

Развитие компьютеров и интернета произошло так быстро, что несмотря на некоторые косметические изменения, ни общество, ни государство по-настоящему не успело перейти на полноценное использование этого нового потенциала. Компьютеры и интернетные сайты подчас используются в роли печатных машинок для распечатки информации и бланков, в то время как они могли бы использоваться как настоящие интерактивные системы, позволяющие заменить старые методы работы, включающие посещение присутственных учреждений, перенести рабочие места домой, сократив транспортные и другие расходы, обеспечить эффективными системами обучения из дома и усовершенствовать систему ранней диагностики и профилактики заболеваний.

Один компьютер может произвести за 4,5 минуты

объем вычислительной работы, которую производит один человек за весь свой трудовой стаж – за 40-45 лет каждодневного восьмичасового труда. Однако компьютеры по-прежнему во многих местах не заменяют человеческий труд, а лишь являются вспомогательным инструментом, что практически не меняет сути и скорости процесса.

Современный государственный аппарат, громоздкий и неэффективный, пожирает огромную часть бюджета, базирующегося на собранных налогах. То, что происходит, по сути дела является пустым разбазариванием собранных средств.

Государство не любит афишировать, сколько оно тратит на содержание самого себя. Официальные графики обычно прячут эти затраты под расплывчатыми указателями «другое».

Из-за того, что государство практически не испытывает конкуренции, которая наблюдается в мире бизнеса, для него не существует внешних эффективных механизмов, которые бы заставляли государство пересмотреть главные концепции жизни общества.

Во-первых, необходимо, чтобы большинство работ государство передавало на выполнение частным фирмам под строгим контролем и на соревновательной основе. Это позволит ввести гораздо больше положительного влияния конкуренции на повышение эффективности и понижение стоимости услуг и систем, за которые государство несет ответственность в настоящий момент. Этот процесс идет, но недостаточно быстро.

Во-вторых, следует пересмотреть сами концепции жизни общества.

Давайте начнем с пересмотра налогообложения. Какую часть своего дохода активный представитель среднего класса отдает государству в виде налогов, включая местные налоги на недвижимость и налог на добавочную стоимость (который обычно просто добавляется к цене товаров и услуг и по сути выплачивается потребителем)? Общий размер этих налогов во многих странах превышает 50%, а в некоторых достигает 60-70%. Звучит невероятно – но это, к сожалению, факт. В Норвегии только налог на добавочную стоимость (Merverdiavgift) составляет 25%, в Израиле этот налог (ма'ам) составляет 17-18%, в Канаде 15% (провинциальный налог Онтарио – 8% и Goods and Services Tax (GST) – 7%). Этот налог является дополнительным ко всем другим налогам, но его приходится платить, совершая практически любую покупку или оплату услуг). Возникает законный вопрос: а почему, собственно, общие налоги должны составлять 60%, а не 80%? Или почему бы не 100%? А может быть, вообще нужно сделать налоги 120%, мол, если заработал доллар, то отдаешь этот доллар государству и еще доплачиваешь двадцать центов за счастье проживать в этом государстве. Вы скажете, что так люди не смогут жить. Правильно. Вы мыслите по-государственному: то есть, по сути, государство изымает столько денег, сколько, на его взгляд, можно взять с населения, при условии, что оно будет продолжать работать и молчать. А потом государство громогласно сообщает, как о великом достижении, о сокращении какого-нибудь налога на 1-2% и ожидает, что все ему должны аплодировать. И население аплодирует, выбирая реформаторов на

второй срок.

Проблема состоит в том, что во многих случаях государство забывает, что оно есть не что иное, как образование, созданное его жителями для обслуживания интересов этих самых жителей. Обратившись к Руссо, читаем *“Chacun de nous met en commun sa personne et toute sa puissance sous la suprême direction de la volonté générale; et nous recevons en corps chaque membre comme partie indivisible du tout”*^{*}, что в моем вольном переводе означает: «Каждый из нас отдает в общее достояние свою личность и свою власть, подчиняя их высшему руководству общей воли, и в результате мы получаем некое тело [государство], каждый член которого становится его нераздельной частью». Чего же еще мы можем требовать взамен, как не исполнения наших желаний и защиты наших интересов? Давайте посмотрим, как это осуществляется на практике.

Человек среднего класса, отдав большую часть своего дохода в виде налогов, не может сократить эти затраты, поскольку он работает на официальной работе и налоги вычитаются из его зарплаты. Многие занимающиеся бизнесом или являющиеся подрядчиками официально списывают часть своих доходов на развитие и содержание бизнеса, чем значительно сокращают бремя налога, так или иначе пользуясь этими затратами для личных целей. Например, оплаченный деловой ланч, списанный на

^{*} Jean-Jacques Rousseau, “Du contrat social ou principes du droit politique” («Общественный договор или принципы политического права»), глава седьмая, “Du pacte social” («Общественный пакт»). Цитируется по электронной копии издания Archives de la Société Jean-Jacques Rousseau, Genève, 1762. (Французская орфография приведена к современным стандартам.)

бизнес, освобождает бизнесмена от необходимости покупать другой ланч за свой счет, просто потому что он уже поел и есть больше не хочет. Работающий и получающий зарплату не может списать свой ланч на бизнес, поскольку это не предусмотрено законодательством, даже если в течение ланча он обсуждает деловые вопросы. Итак, основная тяжесть налогообложения ложится на средний класс, получающий средние и высокие зарплаты. Его налоги очень легко контролируются и взимаются обычно в полной мере. Это приводит к тому, что представителям среднего класса не хватает денег на жизнь, и они начинают брать в долг в виде использования кредитных карточек, кредитных счетов (*lines of credit*), «минусов» на банковском счету (*overdrafts*) и ипотечных ссуд (*mortgages*) на приобретение недвижимости. Таким образом, большая часть денег, оставшихся после выплаты налогов, уходит на погашение процентов по кредитам – на кредитных карточках этот процент составляет 18-22%. Не кажется ли вам, что такое государственное устройство не является системой, созданной для удобства человека, за которую стоит пожертвовать своей «личностью и властью»? И снова звучат в ушах знаменитые слова Руссо: *“L’homme est né libre, et partout il est dans les fers”* – «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах». Да, скорее всего это напоминает полное порабощение. И самое главное, что пользу от этого порабощения практически никто не извлекает. Самые бедные в государстве, те, кто сидят на пособиях по бедности (*Welfare*), всё равно получают недостаточно денег для достойной жизни и прозябают в бедности.

Богатые тоже не имеют от этого никакой пользы. Вместо того, чтобы фактически платить своему работнику \$40,000 чистыми, которые он получает на руки после вычета налогов, работодателю приходится платить \$100,000, большая часть из которых уходит на эти самые налоги. Подобная ситуация приводит к удорожанию производства, что в свою очередь удорожает продукцию, которую прямо или косвенно потребляет тот самый работник по вынужденно завышенной цене, да еще и используя кредиты, по которым приходится отдавать высокие проценты.

Люди, осуществляющие государственную власть, тоже не выигрывают, входя в состав огромного аппарата и кормя сами себя из бюджета. Зарплаты-то на государственных должностях для большинства сотрудников невысоки и во всяком случае ниже, чем в частном секторе, и точно так же госслужащие платят налоги и погрязают в долгах, как и все, несмотря на то, что работают на пресловутый государственный аппарат. Вот уж воистину прав Руссо: *“Tel se croit le maître des autres, qui ne laisse pas d’être plus esclave qu’eux”* – «Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в еще большей мере, чем они [те рабы, которыми он повелевает]».*

Налицо получается просто глупая система организации, а не какой-то тайный заговор против среднего класса, работодателей, бедняков и госслужащих, которые, кстати, и составляют весь народ целиком.

* То же издание, глава первая, “Sujet de ce premier livre” («Тема этой первой книги»).

Более того, государство, которое по определению взяло на себя ответственность за социальное обеспечение, переложило эту ответственность на работодателя, заставляя именно работодателя в дополнение к высоким зарплатам, большая часть которых уходит на налоги, еще и доплачивать свою часть дополнительных социальных взносов: страховок по безработице и взносов в пенсионные кассы.

Возникает вопрос: куда уходят все эти деньги, которые собирает государство? Например, согласно официальному сайту министерства финансов Канады (www.fin.gc.ca), в 2004 году было создано 255 тысяч рабочих мест.

Вот оно что: правительство способствует созданию рабочих мест, потому что в современном обществе всякий здоровый человек должен работать. Вот вам первый принцип, который следует пересмотреть. В современном государстве, а особенно в государстве будущего совсем не каждый человек должен работать. Дело в том, что при таком подходе, когда критерием успешной деятельности правительства является создание рабочих мест, большинство создаваемых работ не производят ничего производительного, однако создание рабочих мест требует огромных затрат. Гораздо дешевле дать людям просто сидеть дома и платить им достойное содержание, чем заставлять их работать, создавая им дорогостоящие и во многих случаях бесполезные рабочие места. Вы скажете, что люди, сидя дома, сдохнут со скуки и начнут лезть на стены. Конечно, скажем, стоя на ветру по восемь часов в день и регулируя движение на строительстве какой-нибудь дороги, ведущей к северным районам

Канады, по которой никто никогда не ездил и вряд ли будет ездить в светлом канадском будущем, человек не испытывает скуки. Однако, по мнению государства, – он на своем месте. Упускается из вида тот факт, что чтобы создать ему рабочее место, надо просубсидировать неоправданное строительство. Государство об этом не задумывается, потому что его не будут бить по шапке за строительство дороги, на которую оно выбросит два миллиарда долларов, а будут его бить за то, что в стране высокая безработица.

Вот государство отбирает у честного инженера, делающего нам полезные мобильные телефоны, 60% его дохода, чтобы на эти деньги строить не нужную нам дорогу, создавая рабочее место для брата этого инженера, который слишком долго гулял в молодости и забыл закончить колледж. Брату, правда, достается только 10% от денег инженера, потому что остальное уходит на создание его рабочего места. Ведь строительство дороги – затея не дешевая. Вместо того, чтобы взять у инженера 10% и дать их напрямую его несчастному брату, пусть сидит дома, государство берет 60% и заставляет этого брата стоять по восемь часов на ветру, строя никому не нужную дорогу. Из-за этого надо лечить этого строителя от пневмонии, которую он неминуемо подхватит, стоя на пронзительном канадском ветру, нужно куда-то деть детей этого горе-строителя – и строится школа (хотя современный интернет мог бы гораздо более эффективно обучать этого ребенка дома вдали от драк и наркотиков). В школу нанимают учителей, которым надо тоже платить зарплату, и так далее, и тому подобное.

Государство не согласно признать тот простой факт, что в современном и, главное, будущем устройстве общества не нужно, чтобы все работали и приносили «пользу». Не работая и оставаясь дома, многие люди будут приносить гораздо больше пользы.

Чем же занять сидящих дома людей? Пусть учатся по интернету чему-нибудь, если желают заняться более высокооплачиваемым трудом в будущем, или занимаются искусствами, пишут стихи, воспитывают детей, ходят на рыбалку и вообще наслаждаются жизнью на свое приличное пособие, которого достаточно было бы для достойной жизни, если произвести в ней изменения, которые будут описаны ниже.

Отказавшись от принципа создания «рабочих мест» и сокращения безработицы – как критерия успешного руководства, государство может взимать гораздо меньше налогов, удешевить процесс производства и тем снизить дороговизну жизни в стране.

Как сделать налогообложение простым, эффективным и приемлемым для всех? Государству необходимо взять на себя оперирование банковскими системами и отменить бумажные и металлические деньги. Итак, все расчеты будут происходить через государство в виде электронных платежей, которые можно будет осуществлять по телефону, интернету – через любые средства коммуникации. На все операции будет взиматься налог в 5%. То есть получил за год зарплату \$100,000 – при ее переводе тебе на счет с тебя удержат \$5,000 и далее, когда ты ее потратишь, с тебя удержат еще раз 5% при каждом движении денег. Всего государство получит около 10%, но с

любого движения денег. Более нет уклоняющихся от налогов, нет возможности вести черный бизнес, да и нет надобности, нет возможности платить нелегальным иммигрантам. Налог в таком размере никто не откажется платить. Наркоторговцам тоже придется несладко, потому что после отмены наличных денег станет трудно рассчитываться за товар... Да и потребителей наркотиков станет меньше – из последующего повествования вы увидите, почему.

Итак, совершив такую реформу, государство будет само заниматься кредитами, и таким образом доход от выдачи кредитов будет также пополнять бюджет государства, в то время как процент на кредиты может быть значительно снижен.

В США в 2003 году было совершено покупок с помощью кредитных/дебетных карточек более чем на 2,2 триллиона долларов! Как вы видите, инфраструктура уже вполне готова для перехода на электронные деньги.

Взяв контроль над финансовой индустрией, государство обеспечит себя достаточным бюджетом для оперирования, при условии следующих реформ.

Отказавшись от создания рабочих мест и реформировав систему налогообложения, соединив ее с банковской системой и системой кредитов, государство сможет сократить большое количество затрат, связанных со сбором налогов в настоящее время. При этом совсем не обязательно экспроприировать банковскую систему. Государство может выкупить контрольные пакеты акций у всех основных банков в течение, скажем, 25 лет и далее реформировать банковскую систему, сливая ее с системой

налогообложения, совершенно безболезненно.

Вы можете возразить, что денег таким образом может не хватить на осуществление обычных функций государства – обеспечение здравоохранением, защитой, образованием и социальными услугами. Однако необходимо пересмотреть каждую из этих функций.

Система здравоохранения ныне действует крайне неэффективно. Большинство семейных врачей, сидящих на приемах, осуществляют рутинную низкоквалифицированную работу, для которой подчас не нужно даже знаний станционного фельдшера. Необходимо создать портативные диагностические центры в большинстве аптек, которые могли бы анализировать жалобы больного, измерять давление и пульс, брать кровь и мочу на анализ (в скором времени анализы слюны смогут заменить анализы крови частично или даже полностью; это решает проблему процедуры взятия крови на анализ, поскольку слюну сдать очень легко – плюнул и пошел)*, снимать и анализировать кардиограмму и выписывать стандартное лечение, которое будет продаваться тут же в аптеке. Только в случае выхода за рамки обычного заболевания, поддающегося амбулаторному лечению, этот диагностический центр направлял бы пациента к врачу-специалисту или в стационар. Представьте себе, какова была бы эффективность и дешевизна такого подхода. В будущем к диагностическим центрам добавятся сканеры, производящие полное сканирование больного. Многие из заболеваний в ранней форме могут быть своевременно выявлены при таком

* Согласно журналу Discover за октябрь 2005 года, стр. 14.

подходе. Значительные средства могут быть сэкономлены на лечении хронических больных. Также снизится потребность в большом количестве дорогостоящих высококвалифицированных врачебных кадров, которых, например, в Канаде постоянно не хватает.

Система образования также чрезвычайно дорогостояща для государства и малоэффективна. Если закрыть большинство школ и обеспечить детей эффективным обучением через интернет из дома, решатся многие проблемы детской преступности, наркомании и т.д. Такие системы обучения через интернет с интерактивными видеопрограммами будут гораздо более эффективны, чем современные переполненные классы с недостаточно образованными учителями (до восьмого класса в канадских школах один учитель практически на все предметы). Система также сможет следить, чтобы все дети обучались надлежащим образом и их достижения в учебе соответствовали общегосударственным требованиям.

То же самое в большой степени касается и системы высшего образования, которая уже сейчас успешно переходит на интернет.

Значительную часть затрат госбюджета многих стран составляют расходы на армию. Армии таких государств, как Канада и Норвегия, малочисленны и нередко бездействуют десятилетиями, за исключением участия в миссиях в составе миротворческих контингентов войск. Однако армию можно сделать самоокупаемой, привлекая ее к различным оборонительным и охранным мероприятиям, осуществляемым для других стран

за деньги.

Необходима и реформа иммиграционной политики. В настоящее время развитые страны переполнены нелегальными иммигрантами, которые не платят налогов и занимают рабочие места, в то время как государство отчаянно пытается создать дополнительные рабочие места, тратя налоги, собираемые с других членов общества. С другой стороны, иммиграционная политика ввозит в страну высококвалифицированных легальных иммигрантов, которые, к удивлению правительства, редко находят работу по специальности, а чаще всего опять же конкурируют за низкоквалифицированные рабочие места или ложатся тяжелым бременем на систему социального обеспечения. По-моему, это не очень разумная система.

Право на въезд в развитые страны следует давать тем, кто сможет гарантировать свое финансовое обеспечение сроком на 5-10 лет. То есть создать государственный иммиграционный банк, в котором будут открываться сберегательные счета всем желающим иностранцам. При накоплении определенной суммы, которая обеспечит нахождение владельца счета в течение указанного срока в данном государстве, ему должен даваться вид на жительство, а по истечении этого срока – гражданство. Пока индивидуум не въехал в страну, он может забрать все свои средства со своего счета, но как только он совершит иммиграцию, данное лицо начнет получать месячное пособие, выплачиваемое из его же денег, и забрать их все сразу он не будет иметь права. Если индивидуум пожелает покинуть страну и отказаться от вида на

жительство, то он сможет забрать остаток денег со своего счета.

Такая система обеспечит возможностью иммиграции всех желающих, способных сделать взносы, позволяющие обеспечить жизнь нового иммигранта в течение первых 5-10 лет.

Кстати, совершенно не обязательно связывать гражданство и право участия в выборах с выдачей паспорта. Паспорт – это документ, позволяющий беспрепятственно пресекать границы. Его можно будет выдавать иммигрантам сразу по получении вида на жительство, в то время как гражданство как таковое, дающее право на участие в выборах, можно давать через 5-10 лет и по результатам экзамена на знание законов страны, как это и делается в настоящее время.

Итак, позвольте мне нарисовать картину жизни одной и той же семьи в государстве современного типа и сравнить ее с картиной жизни такой же семьи в электронном государстве будущего.

Итак, в современном государстве отец семейства отправляется с утра на работу на строительстве дороги, на одно из рабочих мест, субсидированных государством. Его жена отправляется стоять восемь часов за кассовым аппаратом в супермаркете. Оба проделывают 25 километров до своего места работы на двух разных автомобилях, потратив по полтора часа в пробках, сжигая значительное количество бензина, добавив значительную порцию углекислого газа в нашу несчастную атмосферу. Ребенок отправляется в ужасную местную школу, где за целый день он практически ничего не усваивает, а на переменах курит марихуану. Обща-

ясь с родителями, ребенок проводит только по сорок минут в неделю с каждым, в то время как в школе со своими сверстниками-наркоманами он проводит 25 часов в неделю и еще 25 часов смотрит по телевизору программы с агрессивным и сексуальным содержанием, а также играет в компьютерные игры до потери пульса.

Работа отца заключается в том, что он работает светофором, то есть стоит на ветру и регулирует движение, в то время как его легко можно заменить аппаратом (если вообще строительство этой дороги нужно для чего-нибудь ещё, кроме как для создания рабочих мест и освоения бюджета).

Работа матери заключается в том, что она берет товары из рук покупателей и проводит кодом вниз над чувствительным лазерным глазком, и касса сама подсчитывает, сколько покупатель должен заплатить. Далее кассирша произносит сумму, которую покупатель и так видит на табло, и далее она нажимает кнопку, чтобы покупатель смог заплатить карточкой за покупку. Чаще всего люди платят карточками. Редко ей приходится подсчитывать наличные. Еще кассирша здоровается с покупателями и осведомляется, как у них дела, приблизительно 160-200 раз в день. Какой попугай бы такое выдержал? Вы, очевидно, видите, что такую работницу легко заменить автоматом, при котором покупатель сам будет проводить свои покупки и сам нажимать кнопку, чтобы заплатить карточкой, а факт, что его дела «о'кей!», оставит при себе. В государстве будущего мы оставляем только электронные деньги, и поэтому более нет надобности подсчитывать купюры и монеты. Это,

кстати, решит полностью и проблему подделки денег.

Вечером отец и мать едут до дому еще полтора часа и возвращаются домой только в 7-8 вечера. Они съедают ужин из полуфабрикатов и садятся смотреть телевизор, по которому в основном идет реклама товаров, которые они не могут позволить себе купить. Их ребенок присоединяется к ним. Далее они идут спать, и наутро всё повторяется снова.

Основная часть скудной зарплаты уходит на содержание двух автомашин, включающее дорогостоящие из-за частых аварий в городах страховки, бензин, ремонт. Далее идет оплата жилья, жалкой двухкомнатной квартирке, которая в большом городе обходится чрезвычайно дорого, остальное уходит на нездоровую еду в виде полуфабрикатов и выплату долгов по кредитным карточкам. Надо сказать, что бюджет всё равно не сходится и семья всё глубже и глубже залезает в долги. Никаких сбережений у них нет, кроме скудной пенсионной программы, и долги, долги, долги... По-моему, это напоминает фильм ужасов, страшную антиутопию. Но нет, это реальная жизнь, которой живут миллионы обычных жителей развитых стран. Периодически то тому, то другому родителю удастся уйти на пособие по безработице, во время получения которого они подрабатывают где-то по-черному, пытаясь как-то сбалансировать свой семейный бюджет. Ребенок растет бездумным имбецилом, который пополнит армию кассирш и регулировщиков движения, если не закончит в тюрьме. В США 0,5% населения сидит в тюрьме. Это страна с самым высоким

процентом населения, сидящего в тюрьме.

Обратите внимание, что это нормальная семья, где родители не наркоманы и не алкоголики, хотя при такой жизни алкоголь или наркотики могут показаться довольно логичным выходом...

Теперь давайте представим себе жизнь той же семьи в электронном государстве нового типа.

Оба родителя не работают, получая пособие, равное их зарплате. Деньги на их содержание высвобождены оттого, что никому не нужную дорогу не строят, а в магазине поставили дешевые аппараты, позволяющие покупателям самим проводить через кассу свои покупки (такие магазины уже есть).

Семье предложили увеличенное пособие, если они согласятся уехать из города, и они переехали далеко за город, где проживают в собственном коттедже, выплата государственной ипотечной ссуды обходится дешевле съема двухкомнатной квартиры в городе. У семьи одна машина, которой они пользуются не каждый день. Отец обучается по интернету на инженера, потому что хочет зарабатывать больше и иметь более просторный дом и моторную лодку, кроме того он всегда проявлял способности к математике и технике. Программа обучения предоставляется государством и ничего практически студенту не стоит и государству тоже практически ни во что не обходится, потому что после ее создания от государства практически не требуется каких-либо дополнительных затрат. Завершив обучение, отец тоже не покинет дом, поскольку его работа в качестве инженера будет происходить полностью через интернет.

Жена занимается изучением языков, истории и

компьютерного арт-дизайна. Условием выплаты ее пособия является то, что она должна заниматься чем-то интеллектуальным, выбрав из многих возможных видов деятельности. Жена готовит здоровую пищу, не пользуясь полуфабрикатами. Ребенок, находящийся постоянно на глазах у родителей, успешно обучается по интернету, при том, что система постоянно следит за его успехами. В свободное время он играет на улице с соседскими ребятами, которые тоже обучаются дома.

Когда у ребенка был грипп, семья пришла в аптеку и там в автоматическом диагностическом центре у ребенка был взят анализ крови, мочи, были сделаны другие проверки и было установлено, что это просто вирусный грипп. Было прописано симптоматическое лечение, после которого ребенок быстро выздоровел.

В прошлом году при полном автоматическом скрининге матери был выявлен рак груди в очень ранней форме, и после обращения в стационар и маленькой операции мать быстро поправилась и сейчас совершенно здорова.

Население городов снизилось, многие люди переселились в сельскую местность, что поддержало развитие экономики отсталых районов и разгрузило города.

Нравится ли вам такая концепция электронного государства? Думаю, что нравится. Дело в том, что в прошлые века общество основывалось на крепких семейных кланах, которые жили земледелием, поддерживая друг друга. Не зря Руссо называл семью *“La plus ancienne de toutes les sociétés et la seule naturelle est celle de la famille”* – «самым древним и

самым естественным из всех известных обществ».* Индустриализация призвала огромное количество людей в города, разрушив этим большие семьи, потому что возникла необходимость в рабочей силе. Постиндустриализация продолжила разрушение семьи, потому что жена требовалась на работу в Хьюстоне, а муж на работу в Сан-Франциско, общество стало косвенно поддерживать разводы и семьи с одним родителем. Последствия разрушения семьи налицо: теперь нормальные естественные функции семьи – такие, как образование и воспитание детей, приготовление пищи, развлечения, – всё отдано на откуп разным индустриям и государству, в то время как функция государства – забота о благосостоянии и социальной защищенности граждан – переложена на плечи работодателей и среднего класса.

В электронном государстве необходимо восстанавливать семью как ячейку общества. Научившись в полной мере использовать компьютеры вместо человека, государство может отпустить большую часть рабочей силы по домам, назад в семью, дав им достойное обеспечение и человеческую жизнь. Нужно всего лишь отказаться от застарелого принципа, что в государстве все люди, если они здоровы, должны работать. Необходимо прекратить гонку за рабочими местами, которые не нужны ни обществу, ни тем, кто на этих рабочих местах работает.

Вы можете возразить, что если всем платить деньги просто так, то никто не захочет работать. Это не

* То же издание, глава вторая, “Des premieres societies” («О первых обществах»).

так. Речь идет о минимальном достойном пособии. Те, кто хотят большего, будут по-прежнему стремиться зарабатывать и иметь больше. Однако им это будет сделать легче, потому что они не будут обременены тяжелыми налогами, как это происходит сейчас.

Надо признать, что современное общество при достаточной степени реорганизации электронных систем может себе позволить поддерживать достойный образ жизни большей части своих граждан без того, чтобы они занимались малопродуктивным нудным трудом, а главное – работая, обходились этому обществу гораздо дороже, чем совсем не работая. Как это ни парадоксально звучит, но если люди всего лишь займутся своими семейными жизнями, не возлагая на общество тяжесть организации воспитания своих детей и организации нездорового массового общественного питания, то при помощи электронных средств можно будет практически свести до минимума необходимость в налогообложении и в тратах на наиболее дорогостоящие сегодня службы, такие, как образование и здравоохранение.

Вы скажете, что это нереально? В завершение, в таком случае, я бы хотел поделиться собственным примером. Четыре года назад моя компания, которой я руковожу вот уже десять лет, стала предоставлять учебные программы, которые готовят выпускников университетов к работе по конкретным специальностям в фармацевтической промышленности и клинических исследованиях. Всё началось с небольших классов в Торонто. Однако мы перевели обучение полностью на

интернет и теперь на этих курсах обучается более тысячи человек в год по всему земному шару. Большая часть обучения автоматизирована, при том, что двое опытных инструкторов должны отвечать только на нестандартные вопросы студентов. Стоимость системы упала в десятки раз, при этом эффективность как обучения, так и самого бизнеса значительно возросла.

«Плачевный результат» не заставил себя ждать. При процветающем бизнесе главный офис, который я основал в городке недалеко от места, где я живу, — опустел. Сначала домой перебрались инструктора, потом и администрация. В настоящее время один инструктор работает из дома в Торонто, другой в Калгари*, администратор работает из дома в Техасе. Офис пуст, и скоро придется от него отказаться, поскольку в нем более нет надобности. У нас, конечно, остаются офисы в Торонто, но их существование скорее дань консерватизму работников и клиентов, чем необходимости. Ранее подобная система бизнеса была невозможна. Мы не могли бы обучать одного студента в Сингапуре в любое удобное для него время при практически нулевых затратах.

На этом примере я бы хотел закончить свое повествование об электронном государстве. Я думаю, что так или иначе общество придет к тем же выводам, что и я, потому что они становятся все более и более очевидными, и произведет необходимые реформы, которые позволят пользоваться в полной мере величайшим

* Город в канадской провинции Альберта.

достижением человечества – компьютерами, ибо их истинный потенциал мы только начинаем осознавать.

Позвольте мне закончить сей эпохальный труд маленькой шуткой. Единственное, что мы забыли обсудить, – это религиозный аспект предложенных реформ, ибо в Библии сказано, что когда Бог изгнал Адама и Еву из рая за то, что они вкусили от древа познания и познали стыд, он вдогонку прокричал им, что, мол, в поте будете себе на хлеб зарабатывать. Мы же, провозглашая, что не все люди должны работать, как бы, с первого взгляда, противоречим Библии. Однако это не так. Дело в том, что человечество в настоящее время совсем уже потеряло стыд, а значит, действие съеденного запретного плода закончилось и нам можно вполне возвращаться к райской жизни.

Отмена общепринятого понятия времени

За месяц до смерти Альберт Эйнштейн писал в письме, где он выражал соболезнования родным своего усопшего друга Бессо, что «различие между прошлым, настоящим и будущим есть всего лишь иллюзия, хотя и очень трудно преодолимая, и смерть не более реальна, чем та жизнь, которую она завершает».

Время – это упрямая иллюзия, в рамках которой протекает всё наше существование и вне которой мы не можем представить себе ничего. И всё же время – не более чем очередной обман наших

чувств. Многое, как мы увидим, доказывает тот факт, что наши переживания, связанные со временем, наивны; от этого, однако, они не становятся менее мучительными. У Льюиса Кэрролла Алиса плачет, когда ей говорят, что она нереальна, а только снится, и на ее возражение, что если она плачет, значит, она реальна, отвечают: «Не думаешь ли ты, что эти слезы реальны?» Так и мы, как бы себя ни убеждали, какие бы научные и философские доказательства реальности и нереальности времени ни приводили, останемся всего лишь людьми, со всем ворохом своих иллюзий и заблуждений. Коперник не сдвинул человека из центра Вселенной, Дарвин не сделал человека потомком обезьяны, и Фрейд не развенчал его разум, погрузив в хаос бессознательного. Человек всегда остается человеком, несмотря ни на какие философские воззрения и научные открытия, но, возможно, обратив внимание на тот факт, что время, приносящее ему самое огромное страдание, время, обрекающее его на небытие, само является хоть и очень упрямой, но всего лишь иллюзией, он посмотрит на этот мир с улыбкой и облегчением, ощутит свою вечную сопричастность мирозданию, и в этом чувстве будет заключено его обретение вечности. А дальше пусть человек окунается во вселенную своих собственных иллюзий, нелепых страданий и глупых целей, которыми наполнены наши дни. Пусть так, но однажды ухваченная мысль, что и время – не что иное, как лишь упрямая иллюзия, оставит в нем лучик надежды, что приговор его в этой жизни не столь «окончателен и обсуждению не подлежит».

Фрейд писал: «Подлинный источник религиозности заключается в особом, никогда не покидающем чувстве, подтверждение которого находят и у других людей и которое, вероятно, свойственно миллионам. Это чувство можно назвать «ощущением вечности», как бы ощущением чего-то безграничного, беспредельного, чего-то океанического. Это чувство – чисто субъективное явление, а не догмат веры. С ним не связана никакая гарантия личного бессмертия, однако именно в нем источник религиозной энергии, которая подхватывается различными церквями и религиозными системами, вводится ими в определенное русло и в них, конечно, и истощается. Только на основании такого океанического чувства человек может назвать себя религиозным, даже если он отвергает любую веру и любую иллюзию... У себя лично я не могу обнаружить наличие этого океанического чувства».

Возможно, Фрейд и обходился без этого «океанического чувства», но многие из нас обойтись без него не могут. Без него мы ничтожные песчинки, а время – наш безжалостный палач.

Представленные здесь идеи призваны доказать, что времени не существует, во всяком случае того, что мы обычно называем временем. С первого взгляда это утверждение звучит парадоксально до банальности и попадает в категорию заявлений типа: «Бога нет» от Ницше, «Бог есть» от Соловьева, «движения не существует» от Зенона и так далее. Увы, но только категоричностью заявлений можно привлечь внимание, надеясь, что эти строки будут прочитаны не только автором, но и кем-нибудь еще.

Философская литература настолько зарекомендовала себя как «заумное чтение» — и по стилю, и по содержанию,— что практически невозможно ожидать какого бы то ни было интереса к новому философскому труду, даже если он касается самых что ни на есть животрепещущих для каждого мыслящего живого существа вопросов: жизни и смерти, бренности существования и его смысла. Философы давно забыли, что философия нужна человеку и сама по себе не представляет никакой ценности, если человек не может с ее помощью хоть чем-то облегчить свою жизнь. Поэтому, отойдя от привычного для философских работ «языка занудства», бесконечных туманных цитат и ничего не значащих слов, отказавшись от успеха в среде философствующих (ибо их признание недостижимо и малоценно), я обращаюсь к обычному человеку, человеку, ищущему и не находящему ответа на вековые вопросы, человеку, разочаровавшемуся когда-либо найти на них хоть сколько-нибудь приемлемый ответ.

Если разобратся во всех душевных переживаниях человека, нетрудно заметить, что виновником страданий является время — так, как мы его понимаем. Время, уносящее безвозвратно нашу жизнь, поглощающее нашу плоть, ведущее нас к неминуемой смерти, лишаящее нашу жизнь какого-либо приемлемого на индивидуальном уровне смысла. Многочисленные и столь же необоснованные философские и религиозные концепции, сулящие нам «вечную жизнь» и «бессмертие души», не удовлетворяют нас. Как, впрочем, и материалистические воззрения, успокаивающие фак-

том полезности нашего биологического существования в рамках вида, участия в процессе смены поколений и произведении на свет потомства. Не слишком помогают в страхе смерти и уверения в стиле Эпикура, подхваченные Сенекой и наконец присвоенные Шопенгауэром, что мы не имеем никакого отношения к смерти, поскольку пока мы живем, то смерть не имеет к нам никакого отношения, а если не живем, то, опять же, смерть не имеет к нам никакого отношения. Много сказано мудрецами человечества, но мало помогают их постулаты человеку в его вечных и одиноких вопросах, вопросах, виной которым всегда является время. Время, без которого все эти вопросы теряют смысл и актуальность.

Я берусь доказать несостоятельность понятия времени, выявить все дурные последствия заблуждения человеческого разума, связанные с этим ошибочным понятием, и пересмотреть основные аспекты мироздания и мироощущения в рамках отмены понятия времени.

Что может дать прочтение этого эссе? Возможность полностью пересмотреть взгляды человека на мироздание и свою роль в нем. Эта концепция, оставив верующего верующим, атеиста атеистом, сможет освободить от страха смерти, чувства бренности и бессмысленности существования, боли потерь и неудач, позитивно изменит взгляд на понятия справедливости, счастья, самореализации на основе доказательств и рассуждений в рамках современных достижений в физике, астрономии, биологии и психологии, изложенных более или менее доступным языком.

Что даст непрочтение этого эссе? Возможно, кратковременное удовлетворение чувства превосходства над очередным «мессией», коим пытается изобразить себя автор. Но вопрос несчастья, смерти, бренности существования, безвозвратно ушедшей жизни и потерянного навсегда времени так и останется без какого бы то ни было сносного решения, будь потенциальный читатель атеист или верующий, всё равно. Ибо ни одна из ныне существующих вер и концепций не соответствует вполне удовлетворению запросов современного человека, хотя бы потому, что все основные верования создавались давно и мало приспособлены к окружающей реальности. Итак, речь не пойдет о новой религии или антирелигии. Мы постараемся найти, изучить и устранить первопричину наших проблем – неверное понятие человеческого разума о времени.

Время, или то, что мы так называем, есть не что иное, как то, как мы его воспринимаем. Прежде чем опереться на научные факты, следует оговориться, что человеческий язык, как и его создатель – человеческий разум, не приспособлен обсуждать понятия, которые не являются актуальными для наших органов чувств. (Далее мы отдельно рассмотрим вопрос несостоятельности средств человеческого разума для осмысления мироздания.) Поэтому нам придется говорить о времени в понятиях пространства или в других необычных формах, что на первый взгляд может звучать как нонсенс. Но, как мы докажем позже, наше восприятие неоднократно ошибается, представляя действительность совсем не такой, какова она есть,

и от нас зависит, будут ли эти заблуждения причинять нам страдание или нет.

Наше сознание устроено так, что мы можем воспринимать мир только во временной последовательности. Это неудивительно. Мы не можем думать несколько мыслей одновременно, не можем производить несколько математических действий в одно и то же время, несмотря на то, что давно созданы компьютеры, способные выполнять несколько действий в один и тот же момент. Эволюция дала нам способность осуществлять мыслительный процесс только по одной мысли в отдельно взятый момент (те, кто считаются способными делать несколько дел одновременно, просто быстро переключаются с одной мысли на другую и возвращаются к предыдущей, не теряя последующую). Поскольку мысли возникают не одновременно и зависимы от предыдущих, образуется их ряд, последовательность, а следовательно, и ощущение времени как смены текущих мыслей, связанных с приемом впечатлений от окружающего мира и их осознанием. Откуда возникла такая система работы мозга? Почему именно такая несовершенная, по сравнению даже с «искусственным интеллектом», созданным нашими же руками и способным мыслить одновременно? (Хотя если группу людей воспринимать как единый интеллектуальный аппарат, можно добиться того же эффекта параллельного мышления, которое встречается в компьютере, но мы ведем речь об уровне индивидуума.) Причина неодновременности мышления кроется в неодновременности развития событий в окружающем мире, где стакан, падая со стола, раз-

бивается, и никогда, наоборот, самостоятельно не склеивается из осколков и не взлетает обратно на стол, или находится в состоянии и стакана, и осколков одновременно. Эту последовательность событий, которую отображает принцип нашего мышления, можно сопоставить с термодинамической стрелой, вдоль которой нарастает энтропия – рассеяние энергии. Что первично? Ограниченность нашего сознания, способного фиксировать последовательность событий только в одном направлении и только сопоставленно с термодинамической прямой? Или же несовершенство мироздания, которое глупо и расточительно движется к нарастанию рассеяния энергии в пространстве, то есть, по сути, к своему уничтожению? Прежде чем подозревать мироздание в несовершенстве и расточительности, давайте отнесемся скромно к нашим способностям (способностям потомков приматов), заявив, что наша неспособность воспринимать события одновременно вовсе не должна означать отсутствие одновременного существования этих событий.

Как бы мы ни вглядывались за горизонт, объекты, находящиеся за ним, остаются невидимыми. Для наших органов чувств они не существуют, хотя опыт не позволяет нам заявить, что они не существуют вообще.

Так, читая книгу, мы не считаем, что прочитанные страницы безвозвратно исчезли, поскольку мы их перелистнули и непосредственно не наблюдаем, а последующие страницы еще не написаны, поскольку мы их еще не просмотрели.

Мы не можем читать все страницы книги одновременно, однако книга существует целиком и одновременно.

менно, независимо от того, хотим мы этого или нет. Опыт нам это подсказывает, и главное, мы всегда можем это проверить, забежав вперед или вернувшись назад. Хуже обстоит дело, например, со слайдами, показываемыми нам последовательно. Изображение на экране исчезает, и мы не можем ни вернуться, ни забежать вперед, потому что слайды, скажем, демонстрируются нам другим человеком. Но и здесь опыт подсказывает, что все слайды существуют одновременно, а мы лишь просматриваем их последовательно.

Перейдем к восприятию нами явлений, которые мы не можем рассмотреть непосредственно и полностью и которые возникают вне нашего влияния. Одно из таких явлений: восход Солнца. Большую часть своего существования человечество верило, что Солнце «тонет в море», далее решило, что оно вращается вокруг Земли. Ну и относительно совсем недавно оказалось, что Земля вращается вокруг Солнца. Однако мы упрямо продолжаем говорить, а значит, и мыслить: «Солнце встало», «Солнце село», мало ли что еще придумают ученые, а так вернее, потому что этими словами мы точно отражаем свои ощущения по отношению к наблюдаемому объекту – огненному шару, который постепенно опускается, скрываясь, или появляется, поднимаясь, относительно линии раздела между землей и небом. В той же мере, как восход и заход Солнца не существует на самом деле, а лишь является нашим ощущением, основанным на астрономическом событии совсем другого характера (вращении Земли вокруг Солнца), наше ощущение по поводу других глобальных вещей может быть столь же

ошибочным.

Безусловно, существовали верования, построенные на страхе человека, что, раз зашедши, Солнце более не взойдет. Молитвы и традиционные обряды древних народов нередко базировались на этом страхе. Теперь, пользуясь фактами, которые дает нам наука, разве что совсем умалишенный может опасаться за восход Солнца и терзаться всю ночь от страха: а взойдет ли оно на этот раз?

В «Критике практического разума», в заключении, Кант пишет:

«Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. И то, и другое мне нет надобности искать и только предполагать, как нечто окутанное мраком или лежащее за пределами моего кругозора. Я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире, и в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь, с мирами над мирами и системами систем, в безграничном времени их периодического движения, их начала и продолжительности. Второй начинается с моего невидимого Я, с моей личности, и представляет меня в мире, который поистине бесконечен, но который ощущается только рассудком и с которым (а через него и со всеми видимыми мирами) я познаю себя не только в случайной связи, как там, а во всеобщей и необходимой связи. Первый взгляд на бесчисленное

множество миров как бы уничтожает мое значение как животворной твари, которая снова должна отдать планете (только точке во вселенной) ту материю, из которой она возникла, после того, как эта материя короткое время неизвестно каким образом была наделена жизненной силой. Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, не зависимую от животной природы и даже всего чувственно воспринимаемого мира, по крайней мере поскольку это можно видеть из целесообразного назначения моего существования через этот закон, которое не ограничено условиями и границами этой жизни».

Звездное небо над головой. То, что не переставало быть символом вечности, неизменности, точности. Ну, что касается морального закона, увы, его относительность доказывать необязательно, а вот по поводу звездного неба можно сказать, что оно вовсе не существует на самом деле. То, что мы видим над собой в темную ясную ночь, является таким же, если не еще более чудовищным обманом наших органов чувств, как восход Солнца. Дело в том, что все звезды находятся от нас на совершенно разных расстояниях, и две звезды, видящиеся нам одновременно, могут находиться одна в двадцати тысячах световых лет от нас, а другая в миллионе световых лет от нас. Их свет достигает сетчатки нашего глаза одновременно, тогда как эти звезды давно могли перестать существовать, взорваться как сверхновые, изменить объем, светимость, температуру, а главное, свое взаимное расположение в про-

странстве, которое ни в коей мере не соответствует тому, в котором мы их наблюдаем. Ну, и какая же картина разворачивается у нас над головой? Что-то вроде расписания поездов за последние сто лет, где все строчки перепутаны между собой. Много ли толку от такого документа? В том, что мы видим в ночном небе, нет ничего соответствующего действительности в момент наблюдения.

Ну и уж совсем простой, банальный пример. Перрон, который медленно начинает отъезжать, когда поезд начинает движение. Именно перрон, а не мы. До того, как мы начинаем ощущать толчки от движения вагона, нам кажется, что перрон начинает движение, а мы остаемся на месте.

Что, если предположить, что и по отношению ко времени у нас сложилось столь же ложное представление? Что, если нам только кажется, что оно «идет», а на самом деле это такой же обман наших чувств, как в случае с восходом Солнца, звездным небом и перроном?

Давайте рассмотрим предыдущий опыт человечества в попытке осознания сути понятия времени. Ощущение обусловленности и ограниченности понятия времени рамками нашего разума отмечалось давно. Кант в «Критике чистого разума» делает выводы, не противоречащие этим утверждениям: *«Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, то есть процесса наглядного представления нас самих и нашего внутреннего состояния. Время не может быть определением внешних явлений... <...> ...оно (время) определяет отношение представлений в нашем внутреннем состоянии. Именно потому, что это внутреннее на-*

глядное представление не имеет никакого внешнего образа, мы стараемся устранить этот недостаток с помощью аналогий и представляем временную последовательность с помощью бесконечно продолжающейся линии, в которой многообразие составляет ряд, имеющий лишь одно измерение, и умозаключаем от свойств этой линии ко всем свойствам времени, за исключением лишь того, что части линии существуют все вместе, тогда как части времени существуют друг после друга. <...> Время не есть эмпирическое понятие, извлекаемое из какого-либо опыта. В самом деле, существование или последовательность даже не входили бы в состав восприятия, если бы в основе не лежало априори представление времени. Только при этом условии можно представить себе, что события существуют в одно и то же время (или в различное время) последовательно. Время есть необходимое представление, лежащее в основе всех наглядных представлений. Из явлений вообще мы не можем удалить время, тогда как явления могут быть удалены из времени. Следовательно, время дано априори. Только в нем возможна вся действительность явлений. Все явления могут исчезнуть, между тем как само время (как общее условие их возможности) не может быть уничтожено. Бесконечность времени означает не что иное, как то, что всякая определенная величина времени возможна только путем ограничений одного-единственного, лежащего в основе времени. Поэтому первоначальное представление времени должно быть дано, как неограниченное. Но если части предмета и всякое количество его могут быть

представлены определенными лишь путем ограничения, то целое представление предмета не может быть дано через понятие (так как понятие содержит в себе только частичные представления), и в основе представления частей должно лежать непосредственное наглядное представление».

Поединок человека со временем

Как бы ни были разнообразны горести и печали человеческие, все они сводятся к уходящему, безжалостному, всепожирающему времени. «Часы не бьют. Часы убивают», «Время лучший учитель, жаль, что оно убивает своих учеников», «Все минуты ранят, последняя убивает», — вот лишь малая толика того, что сказано человеком о его страшном, смертельном, непримиримом враге — времени. Время всегда ассоциируется со смертью, а, как верно подметил Ральф Эмерсон: «Самое неоспоримое свидетельство бессмертия — это то, что нас категорически не устраивает любой другой вариант». Но если со своей собственной смертью человек встречается, наверное, всё-таки один раз, то со временем он сталкивается ежесекундно.

Очень мало в человеческом сознании вневременных понятий. Даже на этой странице невозможно обойтись без временных понятий, ибо всё, что являет собой последовательность, тесно обрублено со временем, ибо без времени нет последовательности, без последовательности — логики, без логики — мышления, без мышления — жизни. Я мыслю —

значит существую. Без времени нет существования в человеческом понимании, и потому его отсутствие представляется еще более тягостным, чем его наличие. Время для человека – как ранящее, занозящее бревно, за которое хватается утопающий и которое в конце концов переворачивается, погребая несчастного под собой в океане, имя которому – небытие.

Казалось бы, это острое ранящее чувство времени диктуется нам зрелым сознанием, и именно путем осознания значения времени. Можно предположить, что тот, кто не задумывается над временем, живет без счета дней, – счастлив и неуязвим. Как выразил эту мысль Уильям Эрнест Хокинг: «Человек – единственное животное, знающее, что его ожидает смерть, и единственное, которое сомневается в ее окончательности». Вряд ли это так, но, не побывав животным, нам трудно судить о том, что чувствует оно по отношению к своей жизни и ко времени. Несмотря на то, что, наблюдая уютно развалившуюся на солнышке кошечку с поднятыми лапками и зажмуренными глазами, невольно начинаешь завидовать беспечности и счастью такого существования, услышав беспричинный пронизывающий собачий вой на Луну, так же невольно начинаешь подозревать философическую природу этого отчаяния

Уже дети, плохо различающие понятия «завтра» и «вчера», не умеющие определять, который час, находясь в самом беззаботном возрасте, подсознательно ощущают острую тоску, связанную с уходящим временем. Отдать игрушку жалко прежде всего потому, что больше никогда ее не увидишь. Страх,

связанный с выходом матери в другую комнату, также связан с боязнью, что она окончательно исчезнет. То, что ребенок не видит и не осязает, в первые годы для него кажется несуществующим. Наиболее яркое проявление обсуждаемого нами чувства – всеобщее нежелание практически всех детей, начиная с первых проблесков сознания, отправляться спать. В этом нежелании есть нечто большее, чем боязнь пропустить что-нибудь интересное, скорее – ощущение безвозвратной потери чего-то, что, может, произойдет, когда ребенок будет спать. Скорее зрелое сознание защищает нас от детских страхов перед безвозвратным. Нежелание выбрасывать бумажки и сломанные игрушки опять же имеет своей основой ностальгию по безвозвратно упускаемому, страх потери, безвозвратность которой диктуется подсознательно ощущаемой необратимостью времени. Нередко нам кажется, что маленьким детям известно что-то такое, что нами давно забыто, что-то принесенное ими оттуда, из небытия, как бы из жизни до рождения. Сенека сравнивал акты рождения и смерти, определяя оба как вход в новый мир.

Человек всегда старается найти доказательства своей небренности. В этом и заключается основа и цель вечной борьбы, которую ведет человек со временем. Наскальные рисунки в примитивной форме как бы помогали приостановить время, служа напоминанием о конкретных охотах и событиях. Сохранение амулетов из костей убитых животных тоже служило напоминанием о происходивших событиях. Не имея подсчета времени, человек и вовсе оставался беззащитен, как бы погруженный в

безразмерный океан бытия с завязанными глазами. Зимы, засухи, старость наступали абсолютно неожиданно, и, дабы обрести хоть какой-то контроль над происходящим, с самого своего зарождения человек изобретает наипростейший календарь и пользуется самыми примитивными часами – Солнцем, Луной и звездами.

Возможность рисовать и записывать как бы помогает памяти возвращаться в прошлое, а следовательно, преодолевает необратимость течения времени. Книга становится важнейшим рукотворным средством, консервирующим время. Это первая модель истинного времени, где начало, середина и конец существуют одновременно. Но эта одновременность доступна лишь только творцу. И, став впервые творцом, человек расписывает амфоры и делает барельефы, в которых последовательно, как в комиксах, перечисляет события, конец и начало которых существуют одновременно (хотя если бы эти герои были снабжены сознанием, время имело бы для них тот же необратимый ход). Чем больше развиваются технические возможности человека, тем ближе в своих творениях подходит он к истинной модели времени. Фотография останавливает время настолько, что теперь мы можем наблюдать с высочайшей степенью реальности наших предков, умерших сотню лет назад. И наконец фотография начинает двигаться – кино создает живое отражение времени, где для его создателя герои не смертны, начало и конец существуют одновременно. И хотя создатель и зритель не могут увидеть весь фильм одновременно, реальность существования начала и конца киноплёнки никем не

оспаривается. Герои кинофильма по-прежнему страдают от необратимости времени, хотя его обратимость и повторимость в кинофильме для стороннего наблюдателя абсолютно очевидна.

Особенности и ограничения в восприятии времени

«Не считая краешка текущего мгновения, весь мир состоит из того, что не существует», – сказал Кароль Ижиковский, выражая общепринятый человеческий взгляд на восприятие реального мира. Скорее можно говорить о феномене способности человеческого сознания последовательно ощущать состояние «реального существования», длящееся секунды, скорее ощущение реальности есть условный способ работы сознания, а не отрицание существования всего предшествующего и последующего есть приближение к истинному положению дел. Мы уже неоднократно говорили о наклонности сознания исказить реальный мир в угоду нашим ощущениям. Почему не предположить, что и в ощущении времени мы сталкиваемся с тем же явлением?

Говоря о восприятии времени, позволим себе воспользоваться позицией Декарта, гласящей: *«Мы можем допустить, что нет ни Бога, ни неба, ни Земли и что даже у нас самих нет тела, но мы всё-таки не можем предположить, что мы не существуем... <...> ...нелепо полагать несуществующим то, что мыслит»*. Для большей четкости возьмем эту позицию наоборот: понятие существования есть результат ощущения в самом себе мыслительной деятельности, то есть принятие данных от всех органов чувств и внутреннее их осознание и переработка. Если бы мы не ощущали в себе мыслительного процесса, то мы бы и сам факт отсутствия подобного ощущения установить не могли.

Если принять понятие существования как прямой результат мышления, то только сам субъект может с достоверностью сообщить, существует он или нет. Как, например, после глубокого обморока, придя в себя и не сохранив воспоминаний о каких-либо процессах мышления, субъект не может утверждать, что он продолжал существовать в тот момент, когда он находился в обморочном состоянии.

С другой стороны, окружающие субъекты, наблюдавшие со стороны обморок, с полной достоверностью могут утверждать, что во время обморока субъект продолжал существовать по крайней мере физически. То есть существование, упоминаемое Декартом, не есть существование физическое, в обыденном понимании, а есть именно результат наличия у субъекта (а точнее, у его разума) самоощущения. Принимая подобную позицию, сказав, что только сам разум способен установить факт своего существования, мы легко соглашаемся с Кантом: «Если удалить мыслящий субъект, то весь мир телесный должен пасть, ибо он есть лишь явление в чувственности субъекта и один из видов его представления».

Поскольку время, как прочие проявления физического мира, имеет значение только при условии восприятия его мыслящим разумом, то нельзя утверждать, что время может быть идентично, проявляя себя как феномен (то есть как воспринимаемое субъектом) и как ноумен (вещь в себе), проявление которого недоступно разуму. Так или иначе, мы не можем принять общепринятое мнение об объективности времени, говоря о времени как о феномене, воспринимаемом субъектом. Более того,

мы не можем принять и мнение о равномерности течения времени, оставаясь на позициях рассмотрения времени как феномена, воспринимаемого мыслящим субъектом. Пользуясь возможностью провести опрос между субъектами разных возрастов, нам удалось установить ускорение течения времени в восприятии времени; были даже произведены попытки биофизиологического обоснования этого явления (KMR, Oct-Nov 1999). Опрошенные индивидуумы отмечали, что с возрастом их ощущение течения времени ускоряется, причем количественно отмечали, что этот процесс может выражаться соотношением 1:2 или даже 1:3. Действительно, принятый с зарождения человечества образ отсчета времени на основе смены периодов дня и ночи и сезонных изменений климата не имеет ничего общего с тем, как человеческий разум воспринимает время. Из этого вытекает серьезное несоответствие между астрономическими промежутками времени, равными между собой, и промежутками времени, как они воспринимаются мыслящим субъектом. Многократное упоминание этого несоответствия встречается повсеместно, от произведений литературы и искусства до банальных разговоров людей разных возрастов, отмечающих чувство обкраденности по отношению к ушедшему времени. Чаще всего это чувство обкраденности относится как раз не к физическим ценностям и достижениям, а именно к области деятельности разума в метафизическом понимании самоосознания и зрелости. «Прожил жизнь, а так ничего в этом мире не понял», – вот та фраза, в которой можно сконцентрировать основную направленность

чувства обкраденности. Причем ощущение «прожитости» жизни и стремительного ускорения течения времени наступает впервые отнюдь не в пожилые и зрелые годы, а весьма и весьма рано. Ознакомление человека с подобным рода явлением, как некогда открытие Фрейдом подсознания, могло бы облегчить страдание многих индивидуумов от острого ощущения убегающего времени. Во-первых, узаконив этот феномен восприятия времени, опровергнув постулат равномерности и объективности его восприятия, можно облегчить страдание индивидуумов, полагающих, что эти ощущения являются их личной трагедией и присущи только им и что, более того, чувство обкраденности вытекает из их неверного и неразумного использования времени в душевном плане. Во-вторых, дав субъекту знание об этом метафизическом свойстве времени ускорять свой ход, мы сможем дать ему и возможность рассчитывать свое время более достоверным образом. Например, если принять средний коэффициент ускорения времени за 1,5 и отмерять по-новому биологический возраст в его психологическом эквиваленте, то в возрасте 20 лет ощущение индивидуума может соответствовать психологическому возрасту 30-ти, а в 30-45 – 40-60-ти (возможно, фантастические возрасты библейских пророков именно имели в себе основу их психологического возраста). Отсчитывая не столько годы прожитые, сколько предполагаемый остаток лет жизни, и беря среднюю продолжительность жизни в 75-80 лет, нетрудно вычислить, что остаток в возрасте 20-ти будет не 55 лет, как это следует из

биологического возраста, а 40 лет, а в 30 лет остаток 33 года – то есть середина жизни. Шкала может оказаться в некоторых случаях и гораздо менее оптимистичной. Именно несоответствие между самоощущением возраста субъекта и общепринятым мнением о человеке 30 лет как человеке молодом, прожившем не большую часть жизни, приводит к психологическим страданиям индивидуума и к острому чувству обкраденности временем, лежащемуся в основу характерных возрастных кризисов.

Обсудив ограничение в восприятии времени в возрастном контексте, к которому мы еще вернемся в продолжении этого эссе, хотелось бы остановиться на вопросе способности нашего восприятия отличать реальность от нереальности. Речь идет не о простом обмане восприятия, таком, как смена кадров в киноплёнке, рождающая эффект движения. Здесь, по крайней мере среди цивилизованных людей, не возникает спора насчет объективной реальности и нереальности происходящего на экране. Речь идет о том более сложном обмане восприятия, когда достаточно отдаленные малозначительные события нашей жизни, смешиваясь с воспоминаниями о виденных нами снах, практически становятся неотличимыми от таковых. Именно не значимые события нашей жизни, имевшие реальные последствия и повлиявшие на течение нашей жизни; нет, речь идет о малозначительных событиях, впечатлениях, виденных или не виденных нами предметах. Если покопаться в своих воспоминаниях, мы нередко не сможем провести четкую грань между реально происходившим и приснившимся нам, если речь касает-

ся малозначительных переживаний, событий, образов. Осуществлять поиск доказательства реальности или нереальности этих событий мы будем пытаться именно в поиске связи их с другими событиями, которые достоверно известны нашей памяти как реальные. Если нам не удастся найти такое подтверждение реальности мелких событий, то они так и остаются в статусе полуреальных, полуприснившихся, что, впрочем, нам абсолютно не мешает. Именно на этом примере мы видим, что в нашем сознании нет серьезного различия между реальным и воображаемым. И если бы наши сны следовали непрерывной чередой и подчинялись в целом логике эволюции событий, как в реальной жизни, мы никаким образом не могли бы отличить нашу реальную жизнь от снов.

Еще один вывод можно сделать из слияния в воспоминаниях снов и реальности — сны являются столь же значимым содержанием нашей жизни, как и реальность, и если бы они имели прямое явное продолжение в нашей реальной жизни, они бы могли получить статус, равный статусу реальности.

Во всяком случае, на примере сна мы можем говорить о механизмах нашего восприятия в чистом виде, когда восприятие направлено внутрь себя, в недра собственного сознания. Действительно, как воспринимается время во сне? Его роль во сне гораздо менее значима, чем в реальной жизни. Нередко нам снится целая жизнь в виде уже существующего предзнания. Мы как бы находимся в реальности, логические связи, приведшие к которой, полностью сходятся и существуют как бы готовым блоком. Вспоминая во сне истоки ситуации, в которой мы

там оказываемся, мы неизменно находим в своей памяти (псевдопамяти данного сна) логические подтверждения реальности нашего существования в данный момент сна. То есть, находясь в гуще событий сна, мы часто не подозреваем о нереальности происходящего. Пробуждение часто наступает именно тогда, когда наши попытки припомнить предшествующие события натываются на явные противоречия с нашей «реальной» памятью и когда мы силой своей воли пытаемся вмешаться в течение сна и тем самым нарушаем «реальную» логику течения событий во сне, подчиняя его своей воле, тем самым делая его нереальным и его дальнейшее восприятие всерьез невозможным.

Время во сне легко сжимается и растягивается как относительно себя самого, так и относительно реального времени. Феномен псевдопамяти, существующей во сне, очень интересен. Наше сознание, задав себе вопрос, как оно оказалось в той или иной ситуации сна, услужливо само себе предоставляет объяснение за объяснением, выдавая их из псевдопамяти, где запечатлены события и ощущения, которые связывают нас с нашей реальной жизнью. Но такое осознание происходит не постоянно, а скорее заменяется общим состоянием уверенности в реальности своего нынешнего положения, занимаемого во сне. Как в реальной жизни мы не предаемся постоянным воспоминаниям, как мы оказались в настоящем моменте нашей жизни, а довольствуемся общим ощущением заведомой проверенности логических связей предшествующих событий, так во сне нас не смущают явные, алогичные с точки зрения реальной памяти

смещения в обстоятельствах действий – гибриды домов и квартир, разных городов, где мы проживали, смешение стран и времен, где мы находились или которые мы воспринимали в виде изображений или текстов. Не смущает нас и присутствие людей, которых по известным обстоятельствам невозможно было бы совместить во времени и пространстве (иногда нам снятся вместе люди, встреченные нами в разные периоды жизни, хотя они вполне могли измениться и вовсе прекратить свое существование, и не имели возможности в реальной жизни совместиться в пространстве). Во сне мы не задумываемся об этом, увлеченные событиями сна. И в первый момент, когда мы начинаем задумываться, сознание пытается подтвердить и оправдать разногласия сна «псевдопамятью» сна, и лишь уличенное в своей несостоятельности, уступает и позволяет нам проснуться. Переживания во сне нередко могут быть сильнее, чем в реальной жизни, и в момент, в который мы их испытываем, могут восприниматься более реальными, чем те, которые мы на самом деле испытываем. Ввиду однолинейности хода мысли мы, увлекаясь развитием событий во сне, не способны постоянно критически анализировать происходящее и падаем легкой жертвой обмана собственного сознания. Время во сне не течет наоборот, не останавливается и не замедляется, ибо этого мы и представить себе не можем. Но оно позволяет нам переживать события как бы вне рамок реального времени, не столько даже возвращаться в прошлое или находиться в будущем, сколько испытывать существование в некоем мире, вообще лишенном времени. Хотя пере-

живания в этом мире сна напоминают реальные и там не происходит вещей, не сонаправленных с термодинамической стрелой времени, но ограничения более гибки, и, вглядываясь в нашу жизнь во снах как в единое глобальное переживание, прерванное периодическим бодрствованием, мы можем твердо заявить, что наше существование неразрывно сочетает в себе как реальную жизнь, так и воображаемую, переливающиеся одна в другую, грань между которыми весьма слабо обозначена.

Каков объем человеческих снов? Если попытаться измерить информацию, проходящую через сознание, и в реальности которой мы не сомневаемся, как мы делаем это в компьютерах, измеряя ее в байтах, килобайтах, мегабайтах, можно с уверенностью сказать, что по информативной нагруженности сны не только не уступают реальной жизни, но, возможно, и превосходят ее. Факт, что мы помним лишь малую долю своих снов, да и то весьма смутно и только в рамках переоценки своим бодрствующим сознанием, говорит о том, что мир наших снов может быть не менее, а, возможно, даже более обширным, чем мир нашей реальной жизни. То, что мы помним лишь малую толику снов, уравнивается тем, что во сне мы помним лишь малую толику своей реальной жизни. Более того, можно заявить, что чаще всего мы помним именно те сны, которые предшествуют пробуждению, и они сюжетно и логически всегда остаются незаконченными. Именно когда проводятся связи между реальным и воображаемым во сне миром, происходит осознание сна бодрствующим сознанием и сон запоминается. Запоминается не

столько сам сон, сколько его оценка, плюс несколько визуально-чувственных образов. Остальные сны как бы полностью стираются из нашей «реальной» памяти и вызволяются из подсознания лишь в состоянии гипноза, при психоанализе.

Что же мы можем сказать о прерывности нашей жизни во снах? Возможно, если бы мы могли помнить все наши сны и постичь логику безвременного развития событий в сновидениях, мы столкнулись бы с тем, что, сами того не ведая, живем параллельной жизнью во сне. Ибо, пребывая во сне, мы воспринимаем нашу реальную жизнь такой же обрывочной и нелогичной, какой нам кажется жизнь во сне при оценке бодрствующим сознанием. Действительно, относясь к своей жизни не как к цепи последовательных событий, а как к единому целому, некоему вместилищу чувств и восприятий, мы не увидим практической разницы между сном и реальностью. Более того, отношение к реальной жизни, подобное отношению ко снам, может дать нам неограниченную свободу наслаждения бесконечным множеством вариантов развития событий, чувств, восприятий, дает нам свободу от физических рамок времени и узаконивает ощущение вечности, принадлежность к которой многие из нас подспудно ощущают. «Ты проживаешь сумрачно во мне, как тайное предчувствие бессмертия», — говоря словами Визбора, мы нащупываем то самое ощущение большей глубины нашего существования, чем оно нам представляется на обыденный взгляд.

Итак, мы не находим доказательства равномерности течения времени в нашем восприятии, не можем

достоверно ощутить и его непрерывность, прерванную снами, мало отличимыми от реальности; в таком случае, что же остается достоверного в человеческом ощущении времени? Чем можно назвать общепринятое мнение о восприятии времени, как не грубейшим допущением, необходимым для упорядочивания некоторых малозначительных событий нашей жизни? Следовательно, время, чье течение так нас угнетает, – возможно, не более чем плод нашей привычки относиться к смене определенных событий в одном из «реальных» вариантов развития нашей жизни, который не в меньшей степени «реален», чем другие варианты, которые существуют и проистекают параллельно?

Человеческая память фиксирует отдельные эпизоды и стирает малозначительные промежутки между ними. Восприятие жизни у нас всегда идет эпизодами, а не последовательной непрерывной прямой событий. Малозначительные события быстро забываются, формируя память о ряде эпизодов. Не случайно искусство, пытаясь отражать жизнь через призму человеческого восприятия, так же фиксирует отдельные эпизоды, упуская связующую рутину малозначительных событий. Картина фиксирует эпизод. Повесть состоит из последовательно и параллельно происходящих эпизодов. Фильм демонстрирует нам отдельные эпизоды по принципу «те же через два часа, на следующий день, через двадцать лет» или по принципу «а в это время в другом месте». Этот подход не случаен. Он полностью отражает механизм человеческой памяти, выделяющей цепь эпизодов для осознания и запоминания и огромное количество других

связующих малозначительных эпизодов, которые временно или как бы навсегда забываются.

Сны воспринимаются нами такими же эпизодами, с утратой связующих звеньев, или звеньев, которые мы не в состоянии припомнить, и потому считаем их отсутствующими при анализе бодрствующего сознания. Однако в процессе сна мы ничуть не подозреваем об отрывочности переживаемого эпизода и поэтому не теряем чувства реальности во сне, без которого длительное продолжение сновидения невозможно. Значит, воспоминание о реальных событиях, как воспоминание о некоторых отрывочных визуально-чувственных эпизодах, практически ничем не отличается от воспоминания о снах, характеризующихся столь же отрывочными эпизодами. Если предположить, что мы помним лишь малую толику снов, можно заявить, что за один период сна мы можем пережить практически бесконечное количество эпизодов с подразумеваемыми забытыми и опущенными в рамках спящего сознания звеньями, которые так же, возможно, существуют, как в реальной жизни, но просто забыты и опущены еще на уровне сна. Нередко, просыпаясь посреди ночи и вновь засыпая, мы сталкиваемся с продолжением сюжета того же сна или сталкиваемся с совершенно новым сном иного содержания. Нельзя сказать, что в одно и то же время нам может сниться несколько разных снов, но опять же, говоря о времени, мы понимаем его в обычном смысле, который, как мы не раз убедились, является ложным. Не есть ли множественность сновидений некоей моделью множественности одновременно развивающихся логичных и последовательных жизней, отголоски кото-

рых мы выхватываем пробуждением, и лишь из-за резкого перехода к новому течению событий сон кажется нам непоследовательным, а следовательно, и нереальным? Иногда мы сталкиваемся с многослойностью сна, когда нам снится, что мы спим, и снится, что пробуждаемся. И лишь затем мы пробуждаемся в действительности, осознав, что то пробуждение было ложным. Что снится нам во снах, когда мы спим во сне, как раз в те самые промежутки между эпизодами сна, которые выпадают? Не является ли ощущаемая нами реальной жизнь одним из вариантов параллельно длящихся снов? Не являются ли наши сны параллельно длящимися реальными жизнями, в одной из которых вы читаете эти строки в настоящий момент? Не имеют ли сны столь же полного права на серьезное отношение, как и реальная жизнь, или наоборот, мы вправе несколько ослабить свое психологическое напряжение, привнеся немного отношения к реальности, как ко сну, где события, с точки зрения пробудившегося сознания, обратимы и не столь решающи? Ведь события нашей реальной жизни кажутся нашему видящему сновидения сознанию не столь решающими и обратимыми? Так или иначе, представленная модель возможного равенства между реальностью сна и бодрствования, или, если хотите, реальности сна в той же мере, как и нереальности бодрствования, позволяет изменить отношение к течению времени с его воображаемыми ограничениями и признать его течение иллюзорным.

Ограниченность человеческого языка и сознания в постижении и описании мироздания и понятия времени

«Мир не существует, а поминутно творится заново, его непрерывность – плод нехватки воображения», – в этом блестящем афоризме Станислав Ежи Лец выразил мысль о фундаментальной ограниченности человеческого разума в попытках постижения и описания основ мироздания. Однако, «Человек – мера всех вещей», по словам Протагора, и иного мыслящего субъекта для отражения и осознания мироздания нам пока, увы, не дано. И несмотря на то, что «Из такого кривого полена, как человек, ничего прямого не выстругаешь» (Иммануил Кант), ни другого объекта, ни другого наблюдателя, кроме человеческого сознания, у нас в распоряжении нет.

Осознание мироздания вряд ли достижимо в одиночку. Нет, это не противоречит образу одинокого философа, отстраненного от сует мира. Имеется в виду, что человек, не находясь в прямом и длительном взаимодействии с себе подобными, не обучаясь языку и логике мышления, не способен развить свое сознание в той мере, чтобы задаться вопросами мироздания. Многочисленные примеры выпадения человека в младенческом возрасте из человеческого общества показывали, что без взаимодействия с этим обществом человек остается на животной стадии развития. Но даже для человека, обладающего человеческим развитым сознанием, недостаточно принятие субъективного бездоказательного воззрения, которое не могло бы

быть понято и принято другим субъектом. И хотя любая объективность есть лишь сумма субъективностей, познание вне объективного анализа нецелесообразно.

Основным средством осуществления этого познания, безусловно, является человеческий язык.

Язык являет собой неотъемлемую основу течения мыслей. Даже если нам кажется, что мысли не успевают облекаться в слова, всё равно невозможно себе представить полноценный процесс мышления без словесного языка. Действительно, прежде всего в нашем сознании возникает некое понятие или ощущение, которое более или менее описывается и выражается тем или иным словом. Для удобства, при обработке сложных мыслей мы облачаем мысленно эти понятия в слова, причем владеющему в равной степени несколькими языками, в сущности, всё равно, словами какого языка будут выражаться его мысли. Итак, можно говорить о языке на двух уровнях. Язык сознания необязательно состоит из грамматически сформированных слов и предложений какого-либо человеческого языка, однако он состоит из вполне определенных, хорошо отделенных друг от друга понятий и мысленных образов, которые могут иметь или не иметь аналог в словесной форме того или иного языка.

Богатство словесной сокровищницы языка, а также запас слов и умение с ним обращаться того или иного субъекта в значительной мере влияет на точность выражения мыслительных образов. Если, конечно, имеет место желание точно передать словами мыслительный образ. «Чем хуже владеешь языком, тем меньше можешь на нем соврать» (Кристиан

Фридрих Геббель) – действительно, довольно часто богатство форм языка используется не для более точного выражения мысли, а для ускользания от окончательной формулировки, что искажает мыслительный образ или подменяет его чем-то другим. По заявлению Талейрана, «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли», и действительно, далеко не всегда человек искренне пытается отразить свой мыслительный образ. Нередко целью субъекта является скрыть свое непонимание явления, отсутствие четкого представления об обсуждаемом предмете или какая-либо другая корыстная цель, мало имеющая общего с попыткой чистого выражения мыслительного образа. Подобная ситуация, часто встречающаяся в обсуждении философских и абстрактных предметов, является серьезным дополнительным ограничением языка как средства познания и описания мироздания.

Кроме вышеуказанного препятствия, необходимо отметить и частое несоответствие в значении одних и тех же слов, которое придают им различные субъекты. «Можно объясняться с теми, кто говорит на другом языке, но не с теми, кто в те же слова вкладывает совсем другой смысл», весьма точно отмечал Жан Ростан. Уже не говоря о невозможности дать исчерпывающее определение какому-либо предмету (в доказательстве чего весьма искусно практиковались все последователи Сократа – прося собеседника дать определение чего-либо и находя что-нибудь, что не входило в данное определение, разрушать его, доказывая невозможность дать какое-либо определение какому

бы то ни было понятию). Даже ограниченные определения разные люди соотносят с разными понятиями, и поэтому конструктивным образом достичь точной передачи мыслительного образа представляется невозможным. То есть страдает не только источник мысли ввиду своего несовершенства, но и слушатель, для которого данная мысль предназначалась, в силу ограниченной, а подчас ошибочной расшифровки передаваемой мысли.

Но прежде чем обсуждать несовершенство словесного грамматического языка, необходимо установить, а так ли уж совершенен сам язык сознания, основывающийся на мысленных понятиях и образах. Несомненно, этот язык образов и понятий имеет своей первоосновой язык понятий и образов высших животных, в силу ряда причин находящий у них выражение в языке жестов, телодвижений и звуков, который мы не можем пока приравнять к человеческому членораздельному языку. Предназначен ли этот язык сознания для глубинного постижения мироздания? Ведь у всякого феномена, развивающегося в процессе эволюции, есть определенная цель. Есть ли у человеческого сознания цель постижения мироздания? Ход эволюции известен. Если бы в течение сотен тысяч лет выживали особи, лучше постигающие мироздание как таковое и приближающиеся в своем понимании мира к истине более других, пожалуй, у человека сформировалось бы более приспособленное для постижения мироздания сознание. Однако естественный отбор не проходил в таком русле. Наоборот, особи, обладавшие более конкретным и ограниченным

мышлением, лучше выживали, достигали лучших возможностей для оставления потомства, и если и был отбор по этому признаку, то уж никак не в направлении его усиления. Пожалуй, человечество пришло к настоящему моменту своего существования с аппаратом постижения мироздания, мало чем отличающимся от подобного аппарата у первобытного человека или даже животного. Не спас и созидательный процесс, или, как его определял Энгельс, «труд». Дело в том, что процесс созидания и процесс осознания созидаемого совсем не одно и то же. Недаром Анатолий Франс утверждал, что создать мир легче, чем понять его.

Является ли человек совершенным орудием познания? Этот вопрос можно поставить иначе: является ли человек конечной ступенью эволюции? И еще: являлось ли познание мироздания одной из целей развития биологического мира? Если принять, что действительно у эволюции есть такая цель, то, скорее всего, человек не является ее конечным продуктом. Это перекликается с Фридрихом Ницше: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью. В человеке ценно то, что он мост, а не цель». В таком случае, нечего переживать, что наше сознание несовершенно. Каким-то образом эволюция либо сама, либо руками самого человека рано или поздно дойдет до более совершенной формы разума (может быть, компьютеры – это продолжение эволюции?). И если верить Лоренсу Питеру, сказавшему, что «Дьявол еще может измениться. Когда-то он был ангелом и, может быть, продолжает эволюционировать», нам следует уповать, чтобы дальнейшая эво-

люция человека не приблизила его к тому самому Дьяволу.

Принимая во внимание ограничения базисного мысленного языка сознания, основанного на мысленных понятиях и образах, казалось бы, нетрудно себе представить, что вторая сигнальная система, каковой является обычный членораздельный человеческий язык, является еще менее эффективным орудием для описания понятий неконкретного свойства, с которыми человек не сталкивается в своей обыденной реальной жизни. Но это не совсем так. Язык, состоящий из слов, с одной стороны, ограничивает выражение мыслительных образов, с другой стороны, создает новые мыслительные образы, где слово выступает не выражением, а объектом выражения в мыслительном понятии. Например, слово «галактика» вызывает в сознании объемный образ колоссального скопления звезд, визуально закрепленный виденными ранее фотографиями, снятыми через телескопы, то есть в данном случае слово совместно с ранее виденным изображением выступает активатором образа, а не наоборот. Именно на этом эффекте основывается взаиморазвитие сознания и языка. Сознание порождает новые образы, для которых создаются новые слова, на основе которых строятся новые образы. Вот в чем, пожалуй, преимущество сознания современного человека перед человеком первобытным или крайне необразованным. Однако наряду с положительным свойством слов членораздельного языка есть и вредоносный эффект. Нередко за сложными словами прячутся непонимание и отсутствие четкого мыслительного

образа.

Нужно сказать, что язык, основанный на иероглифах, более близок к базисному языку сознания, основанному на отдельных мыслительных образах и понятиях. Еще ярче выражается мысль путем изложения притч, то есть поиска аналога сложнообъяснимых понятий в обыденных ситуациях. Именно таким языком говорит Новый Завет, если только то, что в нем записано, действительно отражает то, что говорилось Сыном Божиим, а не является искажением.

«Самое непостижимое в мире то, что он постижим», по мнению Альберта Эйнштейна. Да, постижим, если говорить о процессе, но не о результате. Так же, как земной шар, например, измерим ученической линейкой, и это означает, что в общем, потенциально линейку можно было бы применить для измерения земного шара и даже начать этот процесс, но вряд ли когда-либо его закончить. Особенную проблему составили бы даже не гигантские его размеры, а то, что в большинстве его мест из-за гор и океанов банальное измерение линейкой просто невозможно. Так же и в случае попытки осознания основ мироздания мы пытаемся измерить земной шар линейкой. Или даже не земной шар, а тысячелетие измерить линейкой. Да, именно, мы пытаемся подойти к измерению времени с помощью прибора, предназначенного для измерения длины.

«Вселенная – это мысль Бога», – сказал Фридрих Шиллер. И в этом есть некоторое подтверждение наших слов – мысль Бога непостижима, ибо умеющий мыслить как Бог и есть Бог.

Неудивительно, что, как бы мы ни старались, средствами человеческого языка невозможно выразить понятия, с которыми человек не может сталкиваться в конкретной форме, и чем дальше те или иные понятия от конкретных явлений, тем меньше вероятности, что выражение словом подобного понятия будет точным.

Нередко слова приобретают такую важность для сознания, что большинство философских работ занимается подменой слов для обозначения одних и тех же понятий, и наоборот, подменой понятий, выражаемых одними и теми же словами. Такая работа сознания нередко встречается, например, на страницах Канта, где автору кажется, что он создает новое понятие или категорию, подыскивая новое слово или оборот для его обозначения.

Ясно, что указанная выше ограниченность сознания и языка не дает нам в более или менее точной мере определить наше понятие времени. Более того, язык сковывает наше сознание, заставляя выражать ощущаемые нами образы одновременности времени, вечности, бескрайности жизни через неточные, предназначенные для выражения других понятий слова и выражения. Поэтому они еще более неточно воспринимаются читателем или слушателем, часто принимая форму абсурда, упрощения, банальности.

Пространство и время в рамках новой модели мироздания

«Мир не просто удивительнее, чем мы себе представляем, он удивительнее, чем мы можем себе представить», – сказал Джон Холдейн и был абсолютно прав. Последнее столетие развенчало понятия пространства и времени и низвело их из ряда ясных, осязаемых, привычных и постоянных понятий в область неясного и неопределенного. Искривление пространства, замедление течения времени с приближением к скорости света стали банальными, хотя и мало кому понятными истинами. В таком случае нет необходимости тратить много сил для доказательства того, что восприятие времени человеческим разумом, во-первых, может далеко не соответствовать действительному положению дел, а во-вторых, безусловно расходиться с общепринятым понятием времени, используемым в повседневном практическом смысле. В работе астрофизика Стивена Хокинга, признанного вторым гением двадцатого века после Альберта Эйнштейна, утверждается, что время имеет свойства пространства, в каждой точке которого физические константы и законы постоянны. На основе его выводов можно представить модель Вселенной как сферы во времени, в то время как пространственную сущность Вселенной можно представить как бесконечное множество поперечных срезов этой сферы времени, перпендикулярных термодинамической прямой. Вектор термодинамической прямой имеет направление от полюса данной сферы (Большого Взрыва, начала Вселенной) к центру Вселенной, и далее, видимо, происходит переломный момент и термодинамическая прямая продолжается ко второму полюсу сферы (концу Вселенной).

Подобная модель решает вопрос сингулярности Большого Взрыва, а вместе с тем и невероятности сохранения физических констант в точке отсчета, которая представлялась Большим Взрывом, в условиях которого не могли бы сохраняться известные нам физические константы. Таким образом находится и объяснение расширению Вселенной, разбеганию галактик. Мы являемся как бы наблюдателями, способными наблюдать время только сонаправленно с термодинамической прямой, как бы находимся в падении от полюса сферы времени к ее центру, наблюдая эффект разлетания галактик. Как если бы мы двигались в расширяющемся туннеле с фонарями вдоль его стенок, у нас сложилось бы впечатление, что один и тот же фонарь отлетает от нас со скоростью, прямо пропорциональной нашей скорости продвижения по туннелю. Не вдаваясь в подробности астрофизики, можно отметить, что феномен разбегания галактик, основанный на доплеровском эффекте смещения спектра света у удаляющихся объектов, мог бы быть объяснен ныне неизвестными свойствами больших промежутков космического пространства и наличием масс невидимого вещества, способного искажать спектр проходящего через них света. И, возможно, никакого разбегания галактик не существовало бы, если основываться исключительно на смещении доплеровского эффекта. Не будем утверждать, что другие доказательства взаимного разбегания галактик будут так же признаны несостоятельными, но можно предположить, что теория «Большого Взрыва», построенная отчасти на феномене доплеровского смещения в спектре раз-

летающихся галактик, может лопнуть под напором других фактов, таких, как, например, поразительная равномерность реликтового излучения (фоновое излучения) во всех направлениях, тогда как если бы действительно начало Вселенной было в Большом Взрыве, следовало бы ожидать неравномерности распределения этого фонового излучения. Возможно, теория «Большого Взрыва» рухнет так же, как птолемеяевская геоцентрическая модель Вселенной, хотя до сих пор, наблюдая встающее Солнце, мы говорим: «Солнце встало», а не «Мы вращаемся», отмечая движение Солнца относительно нас, а не наоборот.

Есть определенная несуразность в модели «Большого Взрыва», когда всё мироздание являет собою крайне нестабильную сущность, разлетающуюся в разные стороны как следствие гигантского взрыва, когда всё сущее в мире было изначально сосредоточено в одной точке. Интуитивно ощущаемая несуразность эта ничуть не меньше, чем у модели мира, в которой весь мир вращался вокруг нас. Так или иначе, не будем ставить своей целью разрушение этой модели, а примем точку зрения Стивена Хокинга, который представляет Вселенную как сферу времени, по которой, в силу устройства нашего разума, мы путешествуем сонаправленно с термодинамической «стрелой». Какой эффект на метафизическом уровне восприятия времени может произвести эта модель? Время существует как данность, от начала до конца, как бы одновременно, как одновременно существуют начальная и конечная станция на участке железной дороги. Разум, вся система которого построена на последовательном вос-

приятии, не может существовать, а следовательно, и осознавать себя в каком-либо другом направлении, кроме как сонаправленно с термодинамической стрелой.

Для того, чтобы проиллюстрировать это ограничение возможности восприятия времени, мы можем искусственно создать разумное существо, которое будет еще более ограничено, а именно — создав условия, в которых это существо будет испытывать те же ограничения по отношению к пространству, которые мы испытываем по отношению ко времени.

Что бы ощущал субъект, от рождения до смерти помещенный в движущийся поезд, не имеющий возможности ни сообщаться с сошедшими с поезда, ни наблюдать встречные поезда? Безусловно, у такого субъекта развилось бы отношение к пространству за окном поезда, похожее на наше психологическое восприятие времени. Во-первых, всё промелькнувшее за окном исчезало бы для него безвозвратно и переставало бы существовать. Всякий сходящий с поезда воспринимался бы нашим пассажиром как утрачиваемый навсегда и так же перестающий существовать. Во-вторых, по аналогии, свой сход с поезда индивидуум воспринимал бы не иначе как смерть, со всеми вытекающими из этого психологическими переживаниями. Даже имея обычный разум, но находясь в столь ограниченных условиях по отношению к пространству, субъект, находящийся в поезде, и представить бы себе не мог, что проезжаемые им места продолжают благоденствовать и схождение его попутчиков с поезда не является для них столь роковым событием. Представим себе, что так же и мы,

обманутые в который раз своими чувствами, продвигаемся во времени только в одном направлении, каждый ушедший момент воспринимая как безвозвратно потерянный и каждый будущий – как никогда не существовавший. В то время как действительная картина может представляться иначе. Участок нашей жизни может представлять собой ничтожный срез хокинговской сферы времени, срез толщиной в нашу жизнь, в котором всё существует одновременно.

Литература как средство оправдания бренности существования

Как и многое другое, литература может быть оценена как и в наилучшем качестве человеческой деятельности, так и в никчемном качестве, лишней, как конфетная обертка.

Письменные источники – это превосходный путь понимания других людей, особенно тех, кто в силу того, что они уже умерли, никаким другим путем с нами более связываться не могут (во всяком случае, сие мнение общепринято и весьма распространено).

Конечно, и вещи, кувшины всякие, часы, трубки тоже могут быть свидетелями эпохи проживания человека. Однако они немые свидетели, а то, что человек написал и оставил нам, – свидетель разговорчивый и гораздо более содержательный. Иной раз смотришь в музее какого-нибудь знаменитого писателя на какой-нибудь его личный предмет – ну и так себе, ничего особенного,

потертый, явно побывавший в употреблении. Ничего содержательного. Иногда даже не верится, что из такой потрепанной чернильницы писал. Макал туда таким заурядным пером. Короче, вещи нам ничего не говорят, да и доказательства никакого нет, что эти вещи – те самые. Пусть мы видим такие же на фотографии писателя при жизни, но выглядят они там как-то по-другому. Живее, что ли.

Итак, лучшим средством продления бренного существования является писание.

Запись мыслей позволяет законсервировать время, позволить автору еще раз и еще раз беседовать с вами. Чем объемнее и содержательнее литературные произведения, тем дольше и больше раз хочется продолжать беседу с автором.

Неважно, что беседе мешает позерство автора, дань сюжету повествования, побочные рассуждения. Важно, что бренность написавшего через читаемые нами строки отступает. С введением электронных средств передачи и хранения текстов – произведения действительно стали почти бессмертны. В один момент литературное произведение можно опубликовать в интернете и тем самым сделать доступным по всему миру. Электронные средства публикации также позволяют легко и постоянно менять текст, дополняя или сокращая его.

Литература – это не только средство сообщения с другими людьми. Литература – это прежде всего глубокий взгляд в самого себя, изыскание, которое вполне может вестись при полном отсутствии читателя. Сколько интересных произведений остались неизвестными? Сколько мыслей и

невостребованных восклицаний было выброшено при переездах или в холодную погоду использовано под растопку печей? Увы, рукописи горят, чрезвычайно быстро пожираются струйками алого, иногда текучего огонька. Может быть, для высших сфер рукописи и не горят, поскольку для высших сфер они и пишутся. Там, в этой оболочке Вселенной, которую мы величаем «небесами», всё и так ясно, включая всякое начало и конец.

Рукописи горят для нас, бранных людей. Наши рукописи. Где эти горы моих ненаписанных страниц, которые должны были появиться и не появились? Где они, замененные пошлыми часами обыденности? И так происходит со многими из нас. Самое важное, самое ценное в нас как в существах этого мира — способность мыслить и чувствовать, и выражать эти чувства знаками письменного языка, — эта способность относится на край приоритетов нашего существования. Порой необходимо непреклонно биться за лишний час, за лишнюю страницу. И пусть никто не видит в этой еще одной испещренной знаками ложечке сознания ничего ни нового, ни примечательного. Ну и что? Ни в ком из нас как в индивидуальных существах материального мира нет ничего примечательного, принципиально отличного от других. Это же не означает, что у нас нет права на существование! У каждого есть маленькое право на бессмертие, на легкую нить, которую мы можем оставить если не после себя, то параллельно с собой, нить той мысли-строки, которая, хоть и является грубой, несовершенной попыткой отразить хоть что-нибудь, что составляет нас, но всё же эта попытка дает нам право бороться

с бренностью и технобиологичностью нашего существования.

Литература настоящая, литература в моем понимании создается не для того, чтобы ее читали. Она возникает слепком души человека, самым точным, насколько сам человек только способен обозреть свою душу. Настоящие книги не могут развлечь, они не могут включать забавные фантазии и анекдотичные страшные трагедии, что тоже есть часть победившего наконец диаволического наслаждения масс омерзительным и похабным. Нет, литература, если и содержит сюжет, то только как канву, как легкий фон для немого, но слышного повествования автора о своей неповторимо невысказанной душе.

Не случайно так трудно пересказать сюжет «Анны Карениной», «Войны и мира», «Братьев Карамазовых». Сюжет выходит убогий, скучный и непримечательный. Это всё равно как пересказывать сюжет великих картин на словах, на пальцах. Например, «Джоконда» будет выглядеть так: сидит тетка средних лет. Красивая? Да нет. Ничего особенного. И загадочно улыбается, скрывая зубы. Закрытым ртом. Ну, и там еще всякая мелюзга по фону. Всё. Вот вам сюжет. Любой плакат киношоу куда более содержателен и привлекателен, особенно если еще на нем чего-то написано. А дело в том, что совершенно не важно, что нарисовано на этой или любой другой гениальной, но так никогда и не увиденной мирскими глазами картине. Не важно, какая именно простая с побрякиванием там и сям мелодия положена в основу «Лунной сонаты» Бетховена... Важно, что всё это – точные слепки души автора, его тонкое и потому непревзойденное отраже-

ние самого себя в чем-то, что может быть прочитано другим, увидено другим или услышано другим.

Тема литературы, конечно, не позволяет оставаться только в рамках писательства. Она, безусловно, соприкасается с темой искусства вообще. Но всё же есть в этой письменной форме особые рамки и черты, делающие литературу столь привлекательной и конкретной в борьбе индивидуума со своей нарастающей брэнностью.

Занятие писательством в его первобытной, одинокой, не рассчитывающей на читателя форме есть и удовольствие, и возможность креативного уединения, и шанс концентрации внимания на предмете, который кажется абсолютно незначительным в повседневной жизни, но неопровержимо краеугольным в жизни нашей души. Я бы сказал: литература – это то, что между автором и Богом, которое, если не стыдно сказать Богу, можно и позволить услышать другим. Но это упрощенное понятие Бога, эдакая замена образа строгого отца-учителя. Я бы сказал так: литература – это то, что между автором и самим автором в присутствии Бога и даже некоторых людей, у которых достанет терпения вникнуть в чей-то еще мир.

Комфорт человека, мир души, глубокое неторопливое созерцание себя и окружающего – это то, что вполне достижимо, хоть и не имеет легитимации в западной цивилизации. Оно не всегда зависит от достатка или от его отсутствия. Литературные занятия требуют отрешенности, но не вырванной отрешенности, когда все там бегают и тебя ищут, а ты тут притаился и что-то быстро-быстро пишешь, пока тебя не нашли. Нет, сия отрешенность должна

быть гарантированной и хорошо подготовленной.

Никакие заборы не уберегут от мстительного вторжения в твою жизнь других чужих существ. Следует строить жизнь так, чтобы и без заборов ты бы никого не интересовал (хотя, конечно, забор этому скорее мешает, чем содействует).

Я вижу что-то очень пошлое в горделивой уединенности, монашеской отрешенности. «Между мной и Богом» одновременно и слишком дерзко и гордо, но и по-детски смешно и глупо.

Литература – это между собой и собой, и больше никем другим. А на это мало кто решится, ибо каждый из нас боится, заглянув в себя, не увидеть ничего, кроме пустоты. Пустоты вперемишку со всяким разным даже не хламом, а так, подхламишком... Ибо хлам есть наследник своего достойного прошлого, а подхламишко никакого прошлого под собой не предполагает. Люди не берутся за литературу, настоящую литературу именно из-за этого страха не увидеть в себе ничего, кроме ничего.

А я увидел это ничто в себе и вполне этим ничем удовлетворился. Мы не должны быть больше, чем мы должны быть. Каким бы успешным кто бы то ни было ни был, кончится всё всё равно провалом, ожогом смертью, небытием и растащенными по чужим комнатам вещичками. Не надо мерить себя и свою жизнь по этой шкале бренности. Важно не то, что мы сделали, а то, что мы делаем, пусть никогда не достигнув никакого результата. Важно не то, что мы есть сами по себе, а важен тот терпкий путь, которым мы вихляем в мешанине прочего мира. И литература, самосозерцательная и не пошлая, – вот

путь, который необходим душе.

Некоторые чрезвычайно талантливые – Пруст, Набоков – почему-то считают, что если они будут предельно документально искренни или точны в том, что они чувствовали, пусть это будет низменно – но их, таким образом поборют свою бренность. Не всякое шевеление плоти (особенно представленное на публику) есть та искренность, которая ожидается в настоящей само-литературе.

Почему же всё-таки борьба с бренностью заключается вовсе, по моему мнению, не в запечатлении отголосков своего телесно-вкусового мира: «Ах, какой огромный карандаш подарила мне мама...»? Жалко, конечно, этого себялюбивого одинокого Набокова-мальчика, который в свои за пятьдесят сидит без мамы и без карандаша... Отрицай бренность – и она отойдет.

Я вот, например, давно делал нападки на время – мол, сначала говорил, оно злое, потом говорил, есть место, где его нет, а потом вообще сказал (как оказалось, совсем не я один), что времени вообще нет. Время на меня обиделось, и все мои часы всегда либо ломаются сразу, либо идут неверно. Последние швейцарские вообще стали прыгать по пять секунд в секунду. Далеко ушли, надо сказать. Приходится окружать себя настенными часами, даже снаружи дома, чтобы хоть как-то знать время, но многие из этих часов тоже, познакомившись с моими взглядами, замедляются, останавливаются, во всяком случае, редко соглашаются между собой, который теперь час. Это делает и меня менее вникающим в их часовую игру. Стучат себе, да и ладно.

Почему же всё-таки литература может быть отличным средством борьбы со временем, а следовательно, и оправданием бренности нашего существования? Почему не другие искусства: живопись, музыка, искусство кулачного боя, наконец? Потому что говорим мы языком и пишем словами. Может быть, чувства лучше передать и музыкой, и кистью, и поэзией, которая скорее ближе к музыке, чем к литературе. Мысли, особенно мысли самосозерцательные, лучше всего передаются словами, даже самому себе, поскольку оформленные мысли к нам так или иначе приходят оформленными в слова.

Дело в том, что нам дано читать только авторов, которых публиковали. В большинстве случаев они либо специально писали для публикации, либо просто предполагали, что это может быть рано или поздно опубликовано. Я всё же не сторонник литературы ни для кого. Такое писание чрезвычайно полезно автору и может быть весьма поучительным для внимательного читателя.

Сюжетная литература есть игра в маленького Бога,двигающего фигурки персонажей. Порой противно наблюдать, как автор упивается своей безграничной властью над его несчастным выводком героев. Если признать материальность идей, то подобное действие мало отличается от непосредственного распоряжения человеческими судьбами. Не вправе мы, не вправе. Такое своеволие реально, хотя бы стороны автора, ибо если представить фантастическую ситуацию, что все позывы воли автора действительно бы исполнялись на реальных людях, – то это гораздо хуже Бога. Автор

не оставляет свободы воли. Не хочет Анна Каренина под поезд, а Толстой ну ее под поезд. Не желает несчастный молодой человек в «Чайке» застрелиться, а Чехов ну его стреляться. Хотят Ленский с Онегиным помириться – ан нет, извольте дуэль-с. Есть что-то глубоко аморальное в художественной литературе, это чувствуется, но никем не высказывается, ибо лучше так, чем никак. Пускай великие наши несовершенны, пускай нередко на публику ищут потрагичнее сцены, но, якобы, хоть как-то воспитывают народ. Увы, сколько женщин, последовав примеру Карениной, рассталось или пыталось расстаться с жизнью? А сам Пушкин, разве он не стал жертвой собственной фантазии, последовав примеру Ленского? Подобные произведения создают стандарты морали общества, и люди, как стадно-групповые животные, следуют этим примерам. Можно до бесконечности отрицать сей факт, но от этого факт не перестает быть фактом. Литература, построенная на сюжетах, глубоко аморальна, ибо автор занимает позицию более тоталитарную по отношению к своим героям, даже чем сам Бог по отношению к нам. Автор не оставляет свободы воли своим героям, которые, будь они живыми людьми, безусловно, поступали бы совсем по-другому, даже если признать за автором роль абсолютного знатока человеческих душ, – всё же вы не будете отрицать, что и в реальной жизни многие поступки оказываются совершенно непредсказуемыми.

Конечно, не следует относиться к моим высказываниям как к очередной форме мракобесия и маразматического морализирования. Конечно, я не

призываю собрать все художественные книжки и фильмы, включая «Винни-Пуха», и предать аутодафе, отдав огню все эти чудные мысли, слова и сюжеты.

Нет, я лишь говорю, что авторам, прежде чем они отправляют своего героя на смерть, следует совершенно трезво и явственно понимать, что такому примеру могут последовать несчетное количество живых людей, которые, сами того не осознавая, воспримут литературный образ как стержень собственной идентификации с ним.

Я не без чувства удовлетворения нашел подтверждение своим мыслям в словах весьма знаменитого современного французского писателя Michel Houellebecq. Он пишет: *“Tout écrivain, c’est vrai, peut à l’occasion être amené à manipuler des forces dangereuses. L’infernale puissance de la littérature à créer un univers ne va pas sans contrepartie. Il y a toujours un prix à payer”*. Прошу прощения за мой вольный перевод: «Всякий сочинитель, действительно, иногда может манипулировать опасными силами. Адская мощь словесности создает вселенную, не обходящуюся без своего двойника в реальности... Всему есть цена, которую придется платить».

Автор несет ответственность за эти смерти и поломанные судьбы, поскольку, признайтесь, кто из нас не сверял свои действия с литературными героями и героями фильмов? Нам же всем, благодарным читателям художественных произведений, следует запомнить, если это, конечно, возможно, что действия литературных героев не есть и не могут быть отражением реальной жизни, а посему не следует слепо

впускать в свои души примеры и образы чужих героев. Они действуют и говорят вне свободы своей воли и подчас руководствуются стремлением автора произвести дешевый театральный эффект, что в реальной жизни обращается в неизбежную и горькую трагедию уже реальных, настоящих, живых людей.

Соизмерима ли литература с жизнью? Является ли эта тема действительно важной, как хлеб или вода? Наверное, нет. С жизнью в ее биологическом смысле мало что соизмеримо. Жизнь есть весьма конкретная и очень неромантическая субстанция. Если облака могут себе позволить быть красивыми просто так или радуга может себе позволить быть восхитительно объемной, висячей, устойчивой и блекло-красочной, то жизнь чаще всего красива, чтобы привлечь самку или самца, а красочна — чтобы заманить кого-нибудь и слопать.

Соизмерима ли литература с мирозданием? Вселенной и нашим Творцом? О, безусловно, да. Я абсолютно убежден, что именно в этой самоизучающей функции и есть соль нашего существования. Для этого тихого момента скольжения ручки по расчерченной бумаге под кленами и горели миллиарды лет звезды, взрывались сверхновые и вертелись галактики. Так как же не страшно эту Вселенную разочаровать, принявшись описывать карандаш, который купила (или не купила) тебе мама?

Мы научились писать для того, чтобы записывать мысли, и это и есть первый шаг, визуально делающий мысль материальной.

Вам никогда не падал том Британской энциклопе-

дии на ногу? Я не помню, падало ли мне на ногу это издание или какой-то другой том, не менее увесистый. Вот тогда меня осенила идея об очевидной материальности мыслей... Если мысли могут набить синяк, кто же будет спорить с их материальностью?

Литература – это не талант подбирать свежие слова и писать без ошибок. Это, пожалуй, единственное, что брэнность индивидуума оставляет ему в его оправдание, утешение и силу.

Писательство

Все-таки теория Дарвина о борьбе и выживании видов неистребима и применима не только для кузнечиков, бабочек, тигров, свиней и вашего покорного слуги. Я вижу в писательстве те же тенденции – родиться (проклюнуться, вылупиться, набрякнуться), а далее обязательно оставить жизнеспособное потомство – пухленьких, краснощеких рассказиков, которые, если их хорошо кормить и воспитывать, перерастают в зрелые романы, оставляют свое потомство в виде волны благосклонной критики на них и подражательства, а далее спокойно дожидаются тихой домашней кончины в форме семейных мемуаров.

Писательская братия так же многочисленна, как икринки плодовой рыбы в какой-нибудь заводи. Большая часть из них гибнет, даже не оплодотворившись стараниями не слишком усердного, но необходимого для рыбьего прогресса творца. Некоторые икринки получают свою дозу

плодотворного влияния, кое-кто из них вылупляется, но лишь немногие дорастают до размеров, необходимых для того, чтобы оставить свое потомство. И нет, вы знаете, литературы объективно хорошей или объективно плохой, как нет объективно хороших или плохих людей.

Разнообразие в литературной икре проклевывается ничем не меньше, чем в ее рыбьем аналоге. Поэтому следует оставить мучительные рассуждения о таланте и бездарности, о судьбе и несудьбе, об удаче и незаслуженном забвении. Произведения, родившись в конце концов, живут самостоятельной жизнью. Первое время под материнским присмотром отца-автора, который держит им головку, чтоб они не задохнулись в младенчестве, а до того хранит их от преждевременного выкидыша, соблюдая все предписанные правила и не слишком злоупотребляя спиртным или другим дурманом.

Есть отцы-авторы заботливые и внимательные. Они лелеют свои произведения в младенчестве и отрочестве, хорошо их кормят, образуют, пристраивая в приличные журналы, а далее знакомят их с издателем, который дарит им первый приличный костюм в виде твердой обложки и наряженных таким образом выпускает в свет.

Эти юные книги довольны собой, что, в отличие от своих сверстников, они расхаживают в переплетах, а не угодили в корзину для бумаг еще в розовом младенческом незнании. Как и судьбы юных людей, различны судьбы юных книг. Кто-то из них попадает под влиятельную опеку, а кто-то бездарно растеривает свои годы и кончает дни свои в темных подвалах, на пыльных полках

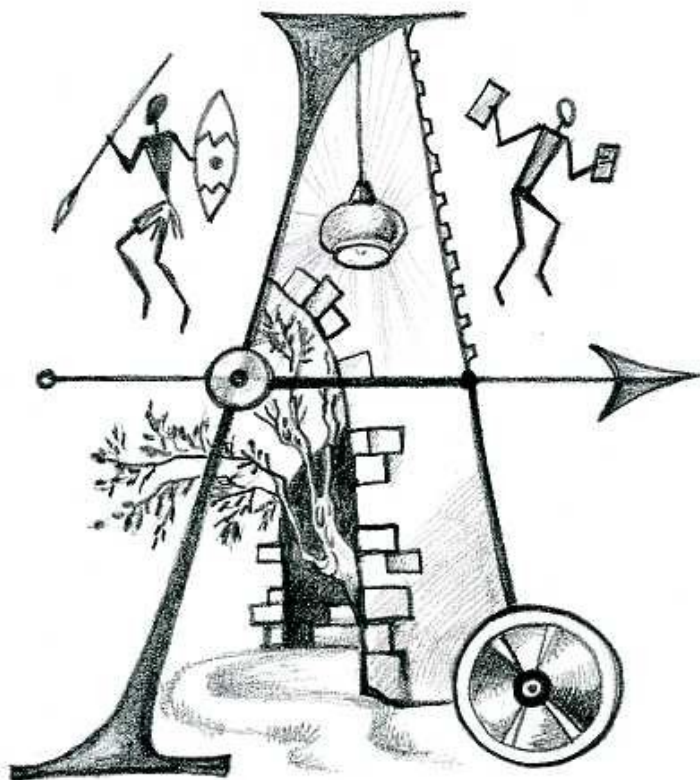
общественных библиотек для бедных или, опять-таки, в мусорном ведре. Кто-то из авторов-отцов помогает своим чадам, предприимчиво пропихивая их, кому-то везет на счастливых покровителей, кто-то пробивает себе дорогу сам, своим исключительным талантом и умом, но такое случается еще реже, чем среди людских чад, поскольку книги – есть вещи пассивные, и если их даже не открыть, они тебе ничего не скажут и приставать не станут. И нету здесь никакого правила, никакого вездесущего закона, что талантливое произведение всегда пробьет себе дорогу, что рукописи не горят и в воде не тонут, и не поддаются девальвации, как их бумажные братья и сестры с портретами королей и вождей, именуемые в непростонародье денежными знаками.

Конечно, время расставляет кое-что по своим местам. Слишком блистательных функционеров оно относит на свалку истории, все же остальные подчиняются дарвиновскому естественному отбору, живут и умирают в полном соответствии со стихийной пляской событий и вкусов, политических и неполитических соображений, волей случая и сменой эпох, когда книги никому не нужны или когда их вдруг все начинают переписывать от руки пуще средневековых монахов, передают их по знакомым, а те презрительно кривятся в усмешке на просьбу никому их не показывать и говорят: «Тогда лучше не давай мне. Под пыткой все равно не выдержу». А потом снова этих книг завались и никому они не нужны, а потом снова: «...под пыткой не выдержу...».

Так что же делать? Скажу я вам очень свежей, а

главное, оригинальной библейской фразой, звучащей на древнееврейском языке весьма уморительно для русского уха: «Пру у-рву» – Плодитесь и размножайтесь, товарищи писатели! И Дарвин нам в помощь!

Размышления на букву «А»

J'avais trop expérimenté l'impossibilité d'atteindre dans la réalité ce qui était au fond de moi-même.

Marcel Proust

Я никогда не достигал в реальности того, что было в глубине меня.*

Марсель Пруст

* Цитата из книги «Обретенное время», входящей в цикл романов Марселя Пруста (1871-1922) «В поисках утраченного времени».

Зачем нужно размышлять на букву «А»

Не могу сказать, почему именно на букву «А», но размышлять и делиться своими размышлениями, бесспорно, надо, а так ли важно, с чего начать?

Я взял словарь и выбрал для себя слова на букву «А», которые имеют для меня особое значение, вызывают в сознании моем определенные мысли и ассоциации, коими я бы хотел поделиться, во-первых, с самим собой, ну и, конечно, с вами, дорогой мой читатель. Если небеса будут благосклонны к моей затее, когда-нибудь я напишу и размышления на букву «Б», и на другие буквы. Как знать... Ясно одно – что всякое мыслящее существо должно постигать мир и самого себя в нем, а следовательно, для каждого индивида существует определенный неповторимый оттенок значений и отголосков знакомых всем слов и понятий, эдакий, в некотором роде, индивидуальный толковый словарь, но не сухой и неподвизтый, каковым подобает быть обыкновенному словарю, а наоборот, эмоционально насыщенный и индивидуальный, каковым следует писать словарь своей души. А посему позвольте мне неотлагательно приступить к моей, надеюсь, невинной затее, ибо как верно заметил Сенека: “*Dum differtur vita transcurrit*”*, что в моем вольном переводе с латыни означает: «Пока будешь откладывать, вся жизнь и пройдет».

* Цитируется по коллекции латинских текстов: Сенека, Письма к Луцилию. Письмо первое, абзац [2].

Абажур

Вся жизнь моя прошла среди абажуров. Голая лампочка всегда угрожающе оставляла багряные блики под прикрытыми веками, хотя и была признаком комфорта, оплаченного электричества, но веяла голостью, незащищенностью и разрухой. Абажуры же были предметом моих детских разглядываний, да и теперь играют не последнюю роль в моем редком созерцательстве. Пыльными и старыми, порванными абажурами я всегда брезговал. Нечистая пыльность, особенно происходящая от чужих, бывших в чем-то еще пользовании вещей, всегда докучала мне своей навязчивой неприятностью. Однако я их терпел, как можно многое стерпеть, если заставить себя не обращать внимание на неприятное. Всегда, когда я пытался представить прежние лица, освещаемые моими, взятыми где-то со второй или десятой руки абажурами, мне представлялся уголок чего-то неприятного, и я не вдавался в подробности своего воображения, веря, что если не думаешь о чем-то, значит, оно и не существует, хотя бы отчасти.

Другое дело новые, особенно стеклянные и зеленые абажуры. Как на лампе моего папы, которую ему подарила мама, чтобы он делал кандидатскую. Лампа как-то перекочевала на мой стол. И теперь, пусть совсем от другой лампы, спокойно мне от зеленого стекла. Смотришь на зеленый плафон, и кажется — неприятности где-то позади или в далеком параллельном летосчислении. Зеленые абажуры — моя слабость. Многие другие детали

уюта отступают в моем воображении, когда мне попадает на глаза зеленая лампа, настольная ли, или в баре, или у дивана. Хочется бросить всё, сесть под нее и читать толстые, подробные и глубокие книги. Да, зеленые абажуры тяготеют к неспешной подробности, которую я так подспудно ценю.

Бывают и белые абажуры. Строгие, гостиничного типа. Приходится покоряться их водворению в свою жизнь. Увы, предметы заметны лишь только первое время после знакомства с ними. Далее они незаметны, если не ударяют нас или не привлекают к себе какое-то особое внимание по какой-нибудь иной, не связанной или связанной с самим предметом ассоциации. Абажуров я боюсь вблизи. Всё время боишься удариться током, или что начнется пожар, или что обожжешься о лампочку.

Иногда я воображаю белые плафоны звездой. Знаете, такие белые, молочные, круглые сияющие плафоны. Вот так и выглядят белые звезды вблизи. Так уж у меня повелось – что ни попадется на глаза, обязательно хочется найти космическое преломление предмета. Пылинки, лавирующие в луче света, чудятся мне рукавами галактики, полными звезд, шаровыми небесными скоплениями, я представляю планеты вокруг каждой из этих пылинок. Клубы табачного дыма – газовые облака длиной в парсеки... Дым – удивительно податливое, замечательно изгибающееся зрелище. Возможно, курение бы не доставляло столько удовольствия, если бы мы не могли наслаждаться игрой ручейков, волн и волосков дыма, исходящего от трубки, сигары или просто пошленькой сигаретки. Я курил в темноте – совсем не то впечатление. Дым, как и

еду, нужно видеть, чтобы вполне насладиться. А как красив дым, кружащийся вокруг абажура или зеленого плафона, огибающий его своим вязким нитевидным туманом! Абажур становится тогда явным предметом со своим пространственным измерением.

Абажур – это не просто колпак, это символ эстетики света, что не так уж и мало.

Аббатство

Конечно, я не могу говорить ни о чем, кроме своих иллюзий и воображений. Аббатство является для меня светлым чудным замком с полукруглыми башнями, поросшими бархатными мхами. За высокими стенами тенистые сады. Кругом покой, умиротворение, вдумчивые мысли. Пожалуй, слово «аббатство» светлее, чем «монастырь», не вдаваясь в смысловые различия, которых, строго говоря, и нет. Монастырь ассоциируется с отказом от жизни, заточением, ограничением, сожалением и фиаско. Когда слышишь «аббатство» – это мощнее, теплее, благородней. Пожалуй, приходят на ум и строгие иерусалимские строения за старой городской стеной, так и оставшиеся недоступной декорацией, фантастической уже тогда, когда я был там, а теперь и вовсе выцветшей и картинно-книжной, как бы прикрытой полупрозрачной папиросной бумажкой, как бывало в старых книгах с гравюрами. Вспоминается и гордое Вестминстерское аббатство, холодное, кладбищенско-уплитованное, разными покойниками наштигованное. Я не буду говорить о физических аббатах. Это неинтересно, да и находи-

мо в любом путеводителе или энциклопедии. Я буду говорить об аббатстве своей души.

Укромное, но просторное убежище от суеты мирской, зависти и страсти, обособленное, но открытое высоким мыслям и степенным рассуждениям – вот аббатство внутри меня. Всё человеческое – а значит, и реальное, ранит и ведет к постоянному неудобству. Мы, люди, вообще нравственно и мыслительно неудобные создания. А аббатство во мне – это освещенный утренним светом тайник, тайник, где можно жить в пространстве собственных мыслей, чистой любви и спокойствия.

Аббатство, уютное пристанище – вот что ищется и не находится всю жизнь. Внешние ничтожные раздражители всё время отвлекают, парализуют мысль, оставляя ее поверхностной и сиюминутной. Я хочу построить эту обитель, пушкинскую обитель чистых увлеченных трудов... Но сколько ни класть камней, ни разбивать садов на мерзлой земле – ничего не выйдет. Заколдованная суетностью реальность пробьется через любые стены. А в душе строительство такого убежища непросто. Не привык я строить ничего в душе. Что там может быть стойкого? Подул колкий ветер наружного бытия и сдул все мои воздушные аббатства. Но нужно строить свое аббатство в душе. Именно оно и есть самое надежное и прочное, ибо нет ничего прочнее того, что нельзя разрушить.

Аббревиатура

Нет ничего более удобного, стойкого и выверенного, чем знакомая аббревиатура. Я любил особенно латинские буквы. Они серьезнее и солиднее кириллицы. Аббревиатура – это наш шаг к символу, возможно, к иероглифической краткости и былому могуществу знака. Я люблю знакомые аббревиатуры, как любишь нечто, известное тебе, но вовсе не обязательно доступное всем. От аббревиатур, как от формул, веет такой точностью, вдохновением, серьезностью, от которой у меня всегда разыгрывался аппетит, всегда хотелось туда, в ворох бумаг и цифр, работать, как упоительно возможно работать только в слезливых снах о нашем бытии, в тех снах, в которых я постоянно пребываю и всё никак не могу вполне обжиться. Аббревиатуры позволяют среди лиц, владеющих одним языком, всё же создать дополнительный псевдоязык, который будет непонятен большинству непосвященных.

Незнакомые аббревиатуры колкие, нелегально посверкивающие своими чуждыми буквосочетаниями. Тогда хорошо унизить аббревиатуру. Как унизить? Да просто найти, что она не уникальная, что то же сочетание букв значит уйму унижительных для самой аббревиатуры значений. Интернет услужливо предоставляет такую возможность развенчания гегемонии аббревиатуры. От аббревиатур кириллицей веет чем-то ненадежным, доморощенным и немодным.

Особое наслаждение доставляется, когда верно до-

гадываешься вдруг о значении той или иной аббревиатуры. Тогда наступает маленький моментик прояснения, просветления или даже осенения. Тогда кажется, что вот же удастся что-то постичь, значит, не всё так уж непостижимо, хотя, конечно, невелика победа растолковать себе сочетание нескольких букв. Люблю я подбирать смешные расшифровки разным аббревиатурам. Однажды подобрал штук сорок на одну аббревиатурку, чем весьма себя позабавил, не знаю уж, позабавил ли других.

Аббревиатуры бывают страшными и жалящими, бывают спокойными и безразличными. Из-за своей краткости они иногда походят друг на друга и оттого приводят к смешению чувств. Иногда аббревиатуры возвышают – например, возьмите предмет ничтожный и внимания недостойный и образуйте из него аббревиатуру – и он засветится всеми гранями важности, стабильности и даже научности. А вот возьмите что-нибудь такое великое, как Великобритания, и назовите ее UK, вот и не останется от нее ни величия, ни смысла. На всю Великобританию – и всего две буквы. United Kingdom. Чье королевство? Почему объединенное? Такое название скорее впору каким-нибудь Бананово-Пустынным эмиратам. Стесняются бритты, да и англы с саксами, назвать себя гордо “Great Britain” или и того лучше – “Kingdom of Great Britain”, видимо, потому что так получится KGB, а это буквосочетание теперь хоть и модно-шуточное, но совсем другого свойства. А вот не зря англичане называют себя двумя скромненькими буквочками теперь, ибо отражает это их современный упаднический настрой. Язва интеллигентного

разложения, самоуязвления и недопонимания своей ценности на фоне растянувшейся безвестности.

Хороши и аббревиатуры, значение которых давно уже никто не помнит и не знает. БМВ всякие. Это смешно, но не жалко.

Абиссинский

Мои африканские приключения завершились, не начавшись. Больше мне не мерещатся абиссинские львы. Для меня это не страна и не область земли, а копна мыслей, навеваемых монотонным оптимистичным Жюль Верном со всеми его слонами и носорогами. Я брожу глазами по заповедным излучинам рек, пустынным холмам, безжизненным равнинам, джунглям и полосатым зебро-антилоповым саваннам. Абиссинскими мне кажутся гравюры из старых книг – раскинутые ветви баобабов, ружья, проводники, невольники. Африка вообще приключенческий континент, который европейцы доконали СПИДом, впрыснув в пятидесятые годы прививки от полиомиелита, которые, скорее всего, содержали этот вирус, поскольку были изготовлены из обезьяньей сыворотки. Я верю этой непопулярной и весьма позабытой теории распространения СПИДа. Оголодавая и вымершая от СПИДа Африка изредка всколыхивает нас наивными нигерийскими интернетными мошенничествами. Где мои абиссинские львы? Где мой Гумилев со своим портретом своего государя? Абиссинии больше нет. Остался только один стыд,

СПИД и голод, и нескончаемая боль недоразвитого континента, куда пускаться в путешествия мне более не хочется. Африка не сказала еще своего слова. Она молчит, борясь сама с собой, кушая пыль, дыша пылью и рассыпаясь в пыль. Но она еще подымет свой дикий глас среди притихших народов. Ждите ее, оголтелую и обугленную, у наших порогов. Если этот мир не поймет, что мы можем быть сыты и живы, только если накормим остальных обитателей планеты и дадим им жить, дикие племена от варваров римских времен до «Аль-Каиды» будут вечно нас пускать по кругу сквозь темные века.

На гравюрах рычат львы, охотники неуклюже держат ружья. Не надо давать диким народам концентрироваться на своей дикости, и самое страшное – это оставлять их вариться в собственном соку. Они сварятся в такое месиво, что нам мало не покажется. Сейчас у нас на дворе партию тореадора исполняют исламисты. Но рано или поздно из Африки, молчаливой идохнувшей на задворках земного шара, придут новые исполнители человеческой ненависти. Кормите их, кормите напрямую. Игнорируйте и снимайте их царьковые кровопьяные режимы, и уж точно не давайте им оружие. Ведите их в интернетный общий мир, дайте им стать нами, а не нам ими, и всё будет хорошо и спокойно в конце концов. Люди – это очень мягкая, податливая масса, из которой можно произвести не только смердящую смертоносную блажь, но и прекрасные созвездия творений. Все зависит от того, в какую среду вы окунаете младенца, вступающего в этот мир.

Абитуриент

Так ли необходимо превращать вхождение в жизнь в столь болезненное и неприятное занятие? На несчастного птенца, выброшенного из тепла и уюта детства, набрасывается система высшего образования всех стран и народов с её непроницаемыми честными глазками профессионального специалиста по отъему средств граждан честным путем... Я не знаю, каким образование было раньше, не знаю, каким оно станет в будущем... Но в наше с вами текущее время оно всё больше и больше превращается в фарс, особое дорогостоящее времяпрепровождение для еще не окрепшей рабочей силы, где ее можно удержать - от конкуренции за рабочие места - официантов и уборщиков мусора еще на три-четыре года. У меня нет под рукой статистики, насколько неуспешно складываются карьеры выпускников современных ВУЗов по всему миру, да и формат моего повествования не предусматривает доказательной аргументации... однако, увы, действительность подсказывает, что “Something is rotten in the state of Denmark”^{*}.

Увы, никто не знает что ждет в конце пути современного абитуриента, поджавшего свои молодые губки и преодолевающего препятствия, учиненные ему администрацией высшего учебного заведения на пути к любимой alma mater, которая грозит стать злой мачехой, выбрасывающей своих птенцов на съедение злым хищникам реальности...

^{*} «Прогнило что-то в Датском королевстве» (англ.) (Вильям Шекспир, «Гамлет»).

А реальность заключается в следующем: за редким исключением, университеты не готовят к конкретным специальностям, их выпускники имеют мало шансов на современных рынках труда, и, главное, сама ценность высшего образования как источника знаний ставится под сомнение в эру интернета, который позволяет получить наиточнейшую информацию по любому вопросу в считанные минуты.

Как объяснить, что большинство даже преуспевших в жизни людей обучались совсем не тому, в чем они преуспели? А как объяснить, что наиболее яркие, я бы сказал, мега-карьеры построены людьми, вообще выпавшими из системы высшего образования? Билл Гейтс, основатель компании «Майкрософт», пользуясь продукцией которой, я печатаю этот текст, или Стив Джобс, основатель знаменитой компании Apple, создавшей компьютеры системы «Макинтош», – вот два ярчайших примера людей, так и не закончивших колледж. Давайте послушаем, что говорит сам Стив Джобс в своей речи на церемонии вручения дипломов в знаменитом Стэнфордском университете, куда его непредусмотрительно пригласили произнести стандартное сладкое напутствие...

«Я бросил Reed College после первых шести месяцев обучения, но оставался там в качестве “гостя” еще около восемнадцати месяцев, пока наконец не ушел. Почему же я бросил учебу? Всё началось еще до моего рождения. Моя биологическая мать была молодой незамужней студенткой колледжа и решила отдать меня на

усыновление. Она настаивала на том, чтобы меня усыновили люди с высшим образованием, поэтому мне было суждено быть усыновленным юристом и его женой. Правда, за минуту до того, как я вылез на свет, они решили, что хотят девочку. Поэтому другой паре, ставшей моими приемными родителями, позвонили ночью и спросили: “Неожиданно родился мальчик. Вы хотите его?”. Они сказали: “Конечно”. Потом моя биологическая мать узнала, что моя приемная мать — не выпускница колледжа, а мой отец никогда не был выпускником школы. Она отказалась подписать бумаги об усыновлении. И только несколько месяцев спустя всё же уступила, когда мои родители пообещали ей, что я обязательно пойду в колледж. И семнадцать лет спустя я пошел. Но я наивно выбрал колледж, который был почти таким же дорогим, как Стэнфорд, и все сбережения моих родителей были потрачены на подготовку к нему. Через шесть месяцев я не видел смысла в своем обучении. Я не знал, что я хочу делать в своей жизни, и не понимал, как колледж поможет мне это осознать. И вот, я просто тратил деньги родителей, которые они копили всю жизнь. Поэтому я решил бросить колледж и поверить, что всё будет хорошо. Я был поначалу напуган, но, оглядываясь сейчас назад, понимаю, что это было моим лучшим решением за всю жизнь. В ту минуту, когда я бросил колледж, я мог перестать говорить о том, что требуемые уроки мне неинтересны, и посещать те, которые казались интересными...»*

* Цитируется по английскому тексту “Commencement address by Steve Jobs

Я слышу в этих словах горькую издевку над высшим образованием... Я думаю, нет надобности ее пространно интерпретировать. «Образованная» молодая мамка пытается сплавить новорожденного «образованной чете», которая в последний момент передумывает, потому что решает удочерить девочку. Цинизм на уровне героев Достоевского. И наконец, эта «образованная» мамаша с трудом соглашается подписать бумаги об усыновлении, только если «необразованные» приемные родители поклянутся «дать высшее образование» мальчику. Я в восторге. А вы?

Немало в этом обращении и горькой философии в стиле Сенеки: *«Когда мне было семнадцать, я прочитал цитату – что-то вроде этого: “Если вы живете каждый день так, как будто он последний, когда-нибудь вы окажетесь правы”.* Цитата произвела на меня впечатление, и с тех пор уже тридцать три года я смотрюсь в зеркало каждый день и спрашиваю себя: “Если бы сегодняшний день был последним в моей жизни, захотел ли бы я делать то, что собираюсь сделать сегодня?”. И как только ответом было “нет” на протяжении нескольких дней подряд, я понимал, что надо что-то менять. Память о том, что я скоро умру, – самый важный инструмент, который помогает мне принимать сложные решения в моей жизни. Потому что всё остальное – чужое мнение, вся эта гордость, вся эта боязнь смущения или провала – все эти вещи обрушиваются пред лицом смерти,

оставляя лишь то, что действительно важно. Память о смерти – лучший способ избежать мыслей о том, что вам есть что терять. Перед ликом смерти вы уже нагие. У вас больше нет причин не идти на зов своего сердца».

Так и приходят на ум слова Сенеки: «In hoc enim fallimur, quod mortem prospicimus: magna pars eius iam praeteret; quidquid aetatis retro est mors tenet» – что означает: «В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди; а большая часть ее у нас за плечами, – ведь сколько лет жизни минуло, всё принадлежат смерти».

И далее Стив Джобс подводит итог: «Никто не хочет умирать. Даже люди, которые хотят попасть на небеса, не хотят умирать. И всё равно смерть – пункт назначения для всех нас. Никто никогда не смог избежать ее. Так и должно быть, потому что Смерть, наверное, самое лучшее изобретение Жизни. Она – причина перемен. Она очищает старое, чтобы открыть дорогу новому. Сейчас новое – это вы, но когда-то (не очень-то и долго осталось) – вы станете старым, и вас очистят. Простите за такой драматизм, но это правда.

Ваше время ограничено, поэтому не тратьте его на жизнь чьей-то чужой жизнью. Не попадайте в ловушку догмы, которая требует от вас жить мыслями других людей. Не позволяйте шуму чужих мнений перебить ваш внутренний голос. И самое важное, имейте храбрость следовать своему сердцу и интуиции. Они каким-то образом уже знают ~~то~~, кем вы хотите стать на самом деле. Всё остальное вторично».

«“Stay Hungry. Stay Foolish” – “Оставайтесь голодными. Оставайтесь безрассудными”», – такими словами завершает свою речь этот философ, не закончивший колледжа, этот человек, ставший символом успеха в Америке и во всем мире.

Вот и вопрос: а надо ли в современном мире становиться абитуриентом?

Абонемент

Я помню, в детстве загадывали желания, когда попадались счастливые номерки автобусных абонементов. И помню это чувство участия в чем-то общем, когда передавали мне абонементик с просьбой: «Прокомпостируйте, пожалуйста». Было ощущение такое, какое, наверное, испытывали мои давние предки, строившие пирамиды. Чувство локтя, поддержки, делание чего-то совместным образом. Или как передавали мелочь водителю, чтобы купить пачку абонементов... Да, эти транспортные переживания остались далеко в России по пространственной шкале и где-то в двух десятках лет позади – по временной шкале. До сих пор представляешь себя едущим куда-то в советском автобусе или трамвае... То ли время тогда другое было, какое-то спокойное, то ли просто совсем молодой был тогда, но овеяно романтизмом мое автобусно-трамвайное прошлое. Пачка новеньких абонементов пахла типографской краской, а пробитый абонементик надо было не вертеть в руках, а то через пару остановок он превращался в туго свернутую трубочку, которую вряд ли можно было предъявить взыскательному

контролеру, которые, впрочем, встречались нечасто.

Размышления на букву «Б»

Балагуры

Народ не уважает балагуров. Им подавай насупленных молчунов, и отнекивания в духе: «В могиле намолчимся» не изменяют необъяснимого влечения любого народа к молчанию.

Народ безмолвствует не потому, что ему нечего сказать, а потому, что молчание всегда мудрее любой, даже самой что ни на есть феерической речи. Достоевский со своим примиряющим непримиримых, а потому эпохальным словом о Пушкине да Анатолий Франс со своей знаменитой речью на погребении Золя – жалкие балагуры, ибо нет такого слова, которое воспринималось бы народом как истинное. Народ недоверчив, ибо был обманут многократно. Если народу суждено опять быть обманутым, то он желает, чтобы это делалось в тишине.

И не важно, о ком идет речь – о словоохотливых французах, или о как воды в рот набравших скандинавах, или о наших, так почему-то и не ставших нам родными, русских. Балагур везде презираем, будь он политик, делец или даже оратор, которому, казалось бы, веление его простуженного занятия диктует оратор по площадям.

«Молчанье – золото!» – подписывает приговор народ балагурам, и они, понутившись, отправляются в молчание небытия с легкой руки молчаливых палачей.

В Латруне, местечке на полпути от Иерусалима к теплему, как мысли о супе, Средиземному морю, висится монастырь молчальников. Вот идеал любого народа – ведь быть молчальником так почетно! Видимо, потенциальная возможность выдавить из себя хриплое слово гораздо более ценна, чем поток бессмысленных для любого народа произнесенных слов. Монахи торгуют латрунским вином и помалкивают.

Представьте себе планету молчунов. По радио – сплошная тишина. Люди с экрана прячятся на

телезрителей и повсеместно молчат. Это ли не райское подобие идеального мира?

Балагуры доводят до беды вне зависимости от их намерений или содержания их речей. Видимо, просто от одного звука человеческого голоса народам мира хочется задушить как говорящего, так и слушающих.

Вот наш гордый молчун сидит, не проронив ни слова, а мимо прошмыгивают столетия за столетиями, приходят новые формы правления вместе с новыми методами убийств, но ничего не побуждает нашего Великого Молчуна к речам. Уже и кинематограф, *великий немой*, заговорил, а наш молчун все молчит, пока балагуры думают, что в их словах есть сила и что они увлекают за собой широкие массы...

Балагур Иисус зовет их в удивительный мир повсеместной любви, разлитой меж Раем и Преисподней. Далее два тысячелетия балагурят лжепророки. Народу – всё по барабану... Барабанная дробь – единственный звук, который кажется народу достойным сотрясения воздуха. Тра-та-та-та-та... Барабанщики стараются на славу, и народ безмолвствует, присутствуя в полном составе на казни какого-нибудь очередного балагура.

Народ ценит и любит немых пророков, ибо только они никогда не ошибаются, никогда не лгут и вообще никак себя не проявляют. Народ знает, что они ютятся где-то в его недрах, эти самые молчаливые пророки, ибо многие из балагуров в тщетных попытках привлечь народное внимание наболтали народу на ухо, что он велик и что он

вовсе не стадо молчаливых идиотов, а соль земли...

Молчит наша соль земли, пуп планеты, лучшее, что принесла наша великая молчаливица – мастерица заплечных дел эволюция – на алтарь молчаливого Бога...

Одна загвоздка... Говорят: «В начале было слово...», а посему, не будь Всевышний в некоторой степени тоже балагуром, не нужно было бы нам занимать себя этим нудным занятием под названием «существование», и вот тогда мы могли бы по праву наслаждаться окончательным и бесповоротным молчанием, без помех со стороны неумных, назойливых балагуров...

Бардак

Нет разных эпох, а есть два разных состояния общества: бардак и порядок. И не важно, кто нынче у власти, фараон египетский или фараон ментовский.

Все эти революционные ситуации, классовая борьба, столкновение цивилизаций – чушь, да и только. Когда в обществе бардак, то можно и до апокалипсиса в коротеньких штанишках докатиться.

Другой вреднящий как по сути, так и по содержанию миф гласит, что порядок, дескать, достигим только тогда, когда треть населения братается по братским могилам, половина оставшегося генофонда сидит по лагерям, а

свободные индивидуумы поголовно на службе у тайной полиции.

Китайский мудрец утверждал, что общество процветает, когда у него сильная армия, много хлеба и нет брожения в умах, и добавлял, что три этих столпа общественного благоденствия в руках наших властителей.

Однако прошедшие столетия подтвердили, что и слабую армию, и даже недостаток хлеба можно еще как-то пережить, а вот разлад в умах – это уже насовсем. Когда пекарь начинает рассуждать о политике, а кухарка приноравливается руководить государством – жди беды. Конечно, пекарю вскорости заткнут рот, а кухарку отправят обратно на кухню, но будет уже поздно, ибо великий соблазн бардака надолго поселяется в человеческих душах. Иногда он неистребим, и даже с мучительной смертью его носителя бардак витает в воздухе, остается на зелени листьев, на бугристой поверхности пенистых облаков, как чернобыльская грязь, как ядовитый газ, расплесканный в пространстве над невинной природой.

Склонность к бардаку является главнейшей формулой самоуничтожения. Ну посмотрите трезво: западный мир полнится иммигрантами из неблагополучных стран, но почему-то они не привозят с собой и малой толики того бардака, который царит у них на родине. Что это? Критическая масса бардачных мыслей в головах населения обардаченной страны? Или действительно сам воздух, сама атмосфера пронизаны бардаком, и никак ты его не истребишь...

Почему в одних регионах веками поддерживается порядок и края эти благоденствуют, и даже если случается у них война, то после замирения все быстро становится на свои места, а в иных пенатах — хоть кол на голове теши, ничего не поможет: бардак во время войны, бардак и в мирное время?

Конечно, можно долго говорить о сторонних вмешательствах, заговорах теневых мудрецов, серых кардиналах, грозных демонах миропорядка, но от этого не легче.

Бардак в обществе начинается с брошенного мимо урны окурка. Когда я жил в Норвегии, я перестал сорить на улице; приехав в Канаду и увидев горы окурков, вяло присоединился к общему

обычаю; вернувшись в Норвегию, снова поймал себя на том, что несу окурок в урну...

Значит, дело в стадности, и не так уж взбалмошны были великие расселители неблагонадежных народов. Карл Великий практиковал германцев селить к франкам, а франков переселять на земли германцев. Отсюда и название германского города Франкфурт – форт франков...

Вырванные из своей среды люди волей-неволей начинают впитывать в себя обычаи своего нового окружения.

Но прошли времена Карлов Великих, и даже сталинские переселения народов остались за кормой истории.

Нынче все более и более начинает властвовать над умами Интернет – символ абсолютного бардака в прямом и переносном смысле, и снова ни у кого не доходят руки сесть и подумать: а как сделать так, чтобы новая эпоха человечества не превратилась в очередную эпоху нескончаемого бардака, подпитываемого из бурного океана интернетных сообщений, призывающих всех без разбора, невзирая на пол, принимать виагру натошак и вместо еды?

Бегство

От себя не убежишь... Так люди говорят, а люди редко ошибаются, если им, конечно, не светит какой-нибудь особой выгоды за добровольную ошибочность их взглядов. Какой выгоды? Ну, побрякушки там или корочки батона... За побрякушку и останки гордого произведения хлебопекарни человек готов на всё. Впрочем, человек готов на всё и за просто так. Но постыдно пользоваться бренностью голодного сверхчеловека, которым пытается стать каждый подсевший на строгую диету небытия. Так что попытаемся жить своим умом, а не нагулянным.

Во всяком бегстве есть причины, ибо бегство

без причин – это уже не бегство, это просто размеренное движение по орбите, где убегающее тело пытается улететь по прямой в никуда, а тело, его удерживающее, ну например Солнце, говорит: «Да брось ты... Там, в *никуда*, холодно и темно, а тут давай-ка я тебя согрею», и мы остаемся, сначала до вечернего чая, потом до ужина, а там уж и навсегда...

Обживаемый нами уголок Вселенной сулит прекрасный вид на вечность, которая струится на наши головы вне зависимости, в шапках они или нет.

Я всю жизнь куда-то бежал, спотыкаясь и торопясь. Точнее, я бежал не куда-то, а от чего-то... А теперь мне больше не хочется.

Люди, ненавидящие меня, возлюбите, по крайней мере, свою ненависть. Я скрытый эгоист и явный безбожник. Иной раз я позволяю себе такую крамолу, что стены мироздания шарахаются от меня в испуге, но мне почему-то кажется, что Бог меня простит.

Все мы беглецы, просто многим из нас не хватает смелости даже на бегство, поэтому они бегут на месте или вовсе не бегут, а остаются прикованы к постели. И не важно, чья это постель – больничная или постель любовницы. Мы всё равно постоянно больны, и в этом процессе боления нам открываются логичные тайны и нелогичные очевидности, фальшивые прозрения и истинные псевдопророчества.

С котомкой по дворам – это не нищенство и не

бегство, это планомерный путь честного человека в недра собственной души. Но бродяжничество запрещено, и нам приходится пускать корни и ожидать неминуемого прихода рассвета, внезапного, как и всё, что связано с законами природы. Размеренного и неторопливого, как и всё, что связано с процессом ожидания небытия.

Безнравственность

О времена, о нравы... Приятно быть безнравственным, когда нравы велят либо продать проштрафившегося должника в рабство, либо вообще разорвать его на части. Старое римское право еще задолго до законов XII таблиц создало такую сделку займа – *пехум*². Уже один вид таких должников, водимых в оковах по рынку и подлежащих продаже *trans Tiberim* (за реку Тибр, название которой легло в основу юридического понятия «стибрить»), возбуждал народные волнения.

Или вот обыск в древнем Риме был обставлен несколько странной с нашей нынешней точки зрения процедурой – так называемой *quaestio lange et licio* (обыск с чашей и перевязью). По свидетельству Гая (III, 192)³, законы XII таблиц

² Должник мог быть подвергнут *manus injectio* со всеми ее последствиями вплоть до продажи *trans Tiberim* и до рассечения на части (Покровский И. А. История римского права. 3-е изд., испр. и доп. Петróград, 1917).

³ *Gai Institutiones or Institutes of Roman Law by Gaius*, латинское

постановляли, что тот, кто желал произвести обыск, должен был войти в дом голым (*nudus*), имея лишь повязку вокруг бедер (*licio cinctus*) и держа в руках сосуд (*lancem habens*). Позднейшие римские юристы пытались дать объяснение этим формальностям с точки зрения целесообразности: голым нужно быть для того, чтобы нельзя было пронести в одежде и подбросить якобы украденную вещь; быть *licio cinctus* – чтобы все же не оскорблять стыдливости находящихся в доме женщин; держать в руках *lanx* (сосуд) – либо опять-таки для того, чтобы руки обыскивающего были заняты, либо для того, чтобы положить туда вещь в случае ее нахождения (*Gai. III, 193*). Но понятно, что с этой точки зрения все эти формальности не выдерживают критики и что Гаю весь этот закон казался только смешным (*ridicula est*). Вероятно, однако, что происхождение всей этой процедуры другое, что мы имеем здесь некоторый пережиток отдаленной эпохи, тем более, что нечто аналогичное мы встречаем и в истории других народов.

Зачем в руках у обыскивающего должен был быть сосуд, так и осталось неизвестным. Эта тайна почилла в веках...

А ведь римское право является основным столпом, поддерживающим наше понимание юридической справедливости! Представьте современного голого следователя с сосудом в руках на лестничной площадке.

– Откройте, это милиция! У нас ордер на обыск!

Жилец глядит в глазок бронированной двери и, увидев голого следователя с сосудом, послушно открывает и добровольно отдает даже то, чего милиция и не искала...

Итак, приятно быть безнравственным, когда царят такие нравы, что впору госпитализироваться в сумасшедший дом, чтобы оградить себя от созерцания голых следователей (правда, в набедренных повязках).

Как может не понравиться эта строгая простота римского права? А действительно, как увериться в том, что менты ничего при обыске не подбросят? Просто и сурово, а главное, со вкусом.

Но это еще что? Так, мелочи. Вот вам нравственность общегосударственного масштаба. Оказывается, что, владея техникой государственного переворота, можно захватить власть в любой стране. И не важно, демократическая она или нет. Впрочем, большая разница отсутствует, ибо, как утверждал Ленин, «где есть свобода, там не может быть государства»⁴, а, пошутив, цитату легко можно переиначить в антицитату: «Где есть государство, там не может быть свободы».

Многие считают государственные перевороты делом безнравственным, в то время как революции – делом благородным, а значит, и нравственным. Считается, что принципиальное отличие переворота от революции состоит в том, что революция совершается в интересах значительной группы людей, составляющей существенную часть населения страны, и приводит к радикальной смене политического режима, что не является обязательным условием для переворота.

Еще Аристотель в своей «Политике» на примере античного опыта классифицировал государственные перевороты. Он выдвигал идею некоего срединного общественного строя – политики,

⁴ Цит. по: *Малапарте К.* Техника государственного переворота/ Пер. с итальянского Н. Кулиш. М.: Аграф, 1988.

лишенного крайностей и недостатков демократии и олигархии. Увы, до сих пор мысли Аристотеля так и остались утопией...

В Средние века анализом государственного переворота занимался Никколо Макиавелли, однако, в отличие от Аристотеля, он рассматривал его чисто утилитарно, как особую политическую технологию, о которой следует знать каждому правителю. Такой ракурс был развит Габриэлем Ноде, библиотекарем Ришелье, который в своем труде «Политические соображения о государственном перевороте» (1639) впервые ввел в научный оборот само понятие государственного переворота (*coup d'Etat*).

О времена, о нравы... Нынче для совершения государственных переворотов уже не требуются голые следователи, что может служить безусловным доказательством неслыханной и повсеместной победы нравственности!

А вы думали, что, говоря о безнравственности, я поведу речь о любовных похождениях? Простите, разочаровал-с!

Бессмертие

«Если бы оказалось, что я бессмертен, то я незамедлительно покончил бы с собой», – сказал один малоизвестный философ (которого я, наверное, выдумал, хотя, может, и был такой весельчак).

А действительно, в этой местами занимательной игре, именуемой жизнь, не хватало бы некоторой соли, одушевленной осмысленности, жара, терпкости, возвышенности, если бы ее не венчала смерть во всей ее нетленной наготе и беззаботности.

Бессмертный человек никогда никуда не спешил бы, он, не торопясь, жевал бы банан, да и вряд ли вообще стал бы человеком, ибо только страх смерти заставил нас спуститься с уютных пальм и в конце концов взойти на алтарь великой, а потому папахивающей нетленностью литературы.

Да кому мы нужны со своими жалкими бебихами, спросите вы, и будете правы. Мы живем в тесной клетке собственных представлений о жизни, от которых даже соседу стало бы дурно, проникни он случайно в наши подернутые бранным мраком мысли.

Три вещи интересуют человека – секс, деньги и смерть. Лиши его этих трех супостатных величин – и он зачахнет. Рухнет его неторопливое существование, как деревянный мост, изъеденный неутомимыми термитами, этими живучими пособниками всякого рода смертей.

Великих, презревших секс и деньги, всё же волнует смерть, и они до конца жизни прячутся от нее в своих бессмертных философствованиях, пожалуй, не стоящих и понюшки паршивого табаку.

Хотите стать бессмертными? Это просто. Вот вам рецепт. Возьмите и забудьте, что вы смертны... Живите так, словно бы и через сто эпох вы будете

надоедать своим присутствием безмолвным постаревшим звездам.

А когда придет время умирать, удивленно приподнимите правую (именно правую) бровь и скажите:

— Ну что ж, это весьма забавно, ибо только умерев, можно по-настоящему стать бессмертным.

Все мы бегаем вокруг этой смерти, как первоклашки перед строгой училкой. А вы возьмите и положите ей на стул кнопку, вот так сразу, без долгих взаимных ухаживаний, первого же сентября.

Человек должен беспокоиться не о сексе, деньгах и смерти, а о любви, дарении и жизни. Так что поздравляю вас; поняв это, мы уже на полшага продвинулись по пути к безмолвным постаревшим звездам...

РАННИЕ РАССКАЗЫ

[L'auteur B.K.] a substitue plus ou moins les sentiments qu'il se donnait dans le moment ou il ecrivait, a ceux qu'il avait reellement aux moments qu'il raconte.

Charles-Augustin Sainte-Beuve

[Автор Б.К.] подменяет в какой-то степени чувства, которые действительно испытывает в те моменты, о которых рассказывает, чувствами, которые появляются у него в тот момент, когда он пишет.

Шарль Огюстен Сент-Бёв* □

* Шарль-Огюстен Сент-Бёв (1804-1869) – французский критик.

Фантазия о замке Синих духов

В то незабываемое лето мы, как водится, проживали в добротном домике на улице Коллетто. Не вижу смысла тебе напоминать те славные дни, когда дети становились уже не столь малы, чтобы требовать почасового внимания, но и не столь велики, чтобы неприятно будить всеминутные опасения. Я уже не говорю о тех временах, когда оные чада и вовсе становятся источником сплошных неприятностей и ни в какую не благоволят навещать нас, еще бодреньких, на смертном одре, в сопровождении наивных вякающих внуков, замкнувших сей круговорот. Иными словами, то были дни, когда обязанности верных стражей наших милых подопечных не успели прометаморфозировать в жалостные мольбы о внимании к озяблым старичкам.

Если ты помнишь, это был приличный дом. Приличным я называю всякое строение, где лестница ко второму этажу не скромно завивается спиралью, а гордо, в два пролета ведет к спальням, и коврик, укрывающий коридор, несет мимо детской на маленький балкончик со славно заходящим солнцем.

В моей рабочей комнате стоял весьма потрепанный стол, но завидных размеров. Я любил зарываться в бумагах, принимал в кабинете гостей, ну и потчевал их коньяками.

Кухню мне трудно описать, ибо пища всегда поглощала во мне столько трепетного внимания, что окружающие декорации все отуманивались и выходили нечеткими.

Совру, если скажу, что жили мы замкнуто, хотя бы взять письма – мы их исправно получали, и я лично аккуратно отвечал. Однажды мне написал некто Вольтер, но, естественно, не тот, который с париками и не любил евреев, а какой-то немец. И адрес на конверте был не совсем мой, но я его усердно прочитал и спрятал в роскошную коробку для писем.

В войнах мы не участвовали по идейным соображениям. И помоложе я не числился в отъявленных вояках, а как водится, если б мир состоял исключительно из людей умеренного возраста, то из всех войнств на Земле числилось бы лишь войнство небесное.

Вы знаете, придет когда-нибудь эпоха, когда в развитии своем человеки насытятся враждебными инстинктами еще в колыбельках, ну а начав ходить, сразу женятся, и тут ты их ни на какую войну дрыном не вытолкнешь.

Не следует винить меня в прыщавом идеализме – увы, не скрою, что и в этом доме были весьма дурные вещества. То были сумерки, исправно преследующие нас вот уже всю жизнь. О, эта нестерпимая тоска вечеряющего мира! Я готов забиться в подземелья, только б ежедневно так не страдать. Вечереет, и всё пусто, никчемно и невостребованно. Хочется ровным счетом ничем не быть, ничто не желать, никак не любить.

Если и есть душевный ад, то он не в месте, а во времени суток, В такие часы единственным убежищем мне была библиотека, что на первом этаже. Как водится, с камином, с дубовыми мощными полками, напрочь уставленными книгами.

Латинские историки и грузные эпикурейцы иногда на нашем, а чаще — на их личных языках. Конечно, никогда всерьез я их не воспринимал. Несмотря на то, что долгие занятия то греческим, а то санскритом мне бы позволили всё это воспринять; но что, в сущности, дало бы мне такое щедедушное чтение? Ведь для того, чтобы постигнуть глубинное содержание сих книг, достаточно лишь ими обладать. Так, иногда поглаживая пальцами старинные корешки, выхватывать какую-нибудь томину страниц эдак в тысячу и первым взглядом, упавшим на любую из них, вчитаться в пару строк и глубоко утешиться непреходящей прелестью наугад урезоненной мысли. Отрывки всегда превосходят полнотой и досказанностью сами книги, ибо чтение не есть процесс переливания несчетных знаков в мысленную силу, а лишь повод для расшевеливания собственного начала творца. Хоть кулинарную книгу возьми да выхвати кусочек слова или полслова, и тут же музы вовсе не пищевых поэзий не преминут тебя навещать.

И так, пребывая иногда в таком посумеречном размышлении над книгой, я прерываюсь мыслить, и глаза ищут твой мягкий изгиб шеи и складки сарафана. А ты, ничего не подозревая, продолжаешь корпеть над своими извечными рукоделиями. Или изредка, отбросив шитье, отпираешь крышку рояля, и негромкие звуки выпархивают из полумрака библиотеки наружу в гостиную, прихожую и вовсе на тихую, непременно затененную улицу, на которой стоит наш дом. Чарующие звуки рояля, сочетающие в себе и строгую корректность клавирина, и развязную неверность приправленных

сурдиной струн... И вот и я, бросив растерявшийся невольно фолиант прямо на ковер, врасхлест, не закрывая, касаюсь клавиш, и Шопен, а после кто-то вовсе несказанный терзает воздух разразившимся каскадом нот. Вальс хочет вырваться из сумерек наружу в святое и нетронутое утро, назад иль во вечера, иль в завтра, лишь только не остаться в этот час суженья дня и расширения ночи.

Ну, после уже проще, наступает темень за окном, мы зажигаем свет и пьем какао, хоть это и не типично – пить какао по вечерам, но нам нравится быть прихотливыми волюнтаристами, и в этом наш протест, если хотите, против морализма нынешней эпохи.

По вечерам я часто запираюсь в кабинете и вольнодумствую на славу то с машинкой, то с пером, по настроенью. Я заменяю слова обыденные на несколько от них отличные, не столь притертые, что просто очень, если разобраться. Ну, например, взять приевшееся слово: «неопределенно» и изъясниться: «безопределенно», – явно прибывает свежесть с неким даже намеком на неординарность. А если и вовсе иссякает вдохновение иль просто надобно хоть как-то излечить неверность слуха, вкуса и словозрения, мы отправляемся на исходе субботы в православную церковь при миссии, там в полумраке и в дрожи теней неспешный хор монашек повествует, молит, призывает, очищает, превозносит, благодарит, и всё наружное уж боле не касается вопроса о принадлежности к одной из выводка религий. Нет, даже само слово «религия» звучит кощунственно и неблагогласно. Тем более когда сия церквушка не помпезный храм величиною с

астероид 1998 SF36*, а прихожий дом поблизости от происшедшего несчастья. Так выйти на улицу, пройти с три сотни шагов по переулкам, да и наткнешься на то самое место, где пусть очень давно, но всё ж несправедливо распяли человека, чего бы там он и ни говорил. Да будь ты хоть мусульманин иль приверженец обряда древних инков – зайти, пособолезновать родным, оставленным без кормильца, втайне восхищаясь, как скорбь сия не придает покоя стольким душам груду лет. Именно здесь, поблизости к Голгофе, а не где-нибудь, где название сие экзотично, как для нас, допустим, Статуя Свободы.

И так, набравшись свежести родного языка из слов, не пользующихся в обыденности только из-за их принадлежности к Богу и потому сохранивших притягательную магию неискаженных корней, я просто плагиатствую и вдоволь наслаждаюсь творчеством, по сути означаящим переливание из пустого в порожнее.

Я неисправимый домосед, но мне не скучно. Все-вышний, не сумевший снабдить все творения рук Его приемлемыми развлечениями на промежутке этой жизни не в силу ограниченности Своих возможностей, а скорее из каких-то Своих сугубо личных соображений, всё же не столь жестокосерден, чтобы лишать нас славных способностей к фантазиям и воображению, коим, вопреки обыденному мнению, есть столь четкие границы. Но сих пределов вполне достаточно для преодоления извечной

* Астероид 1998 SF36 – небольшого размера, находится примерно в 180 миллионах миль от Земли. Его длина 2300 футов, ширина 1000 футов. Это один из наиболее близких к Земле астероидов.

скуки, качества, присущего всему живому, если оно сыто и если ему тепло. И я не стану напоминать тебе, коим образом мы этой сытости достигли, ибо это-то и есть действительно весьма скучный предмет. Когда граф де Мосар предлагал нам поселиться в специально построенном для нас дворце, мы верно поступили, что отказались, как бы ни было неловко его огорчать. Мания широких залов и дворцовых переворотов, увы, не соразмерна нашему с тобой темпераменту. Нам куда важнее этот самый скромный уют, отсутствие напряженности и скованности, к которым неминуемо ведет любая роскошь.

В этой жизни мы больше всего ценим размеренную спокойственность; Боже упаси, я не признаю себя отрешенным от славолюбия, нет, но умеренность — вот в чем ключ к разгадке правильного жизнепроектирования. Свой литературный дар вовсе не важно выказывать в неуместных пропорциях, становясь не творцом пера, а распорядителем собственных творений. All rights reserved — о, как это наивно, и уж тем более смешно стараться достигать телесного благополучия посредством продажи испещренной бумаги, ибо в действительности материальная цена бумаги очищенной куда выше, чем бумаги загрязненной. Нет, по твоим настоятельным просьбам я, не в силах отказывать тебе, сносил исправно все рукописи к паре-тройке издателей, и они столь же исправно печатали меня малюсенькими тиражами за мои же деньги, но тиражи сии я уж никак не пускал продавать, не из опасения, конечно, что их не раскупят и тем самым я получу еще одно доказательство презрительного

отношения мира к моей персоне, а скорее из нежелания более заниматься какой-либо коммерцией, пусть даже столь «ходким» барахлом. Так и лежат повторенные в сотнях экземпляров мои творения у нас на чердаке и еще в двух коробках – из-под телевизора и стиральной машины – в подвале. Иван говорит, что в подвале большую часть глав поели мыши, а я не жалею – написал, напечатал, поставил галочку и доволен. Вот такой нестерпимый транжир. Но как мне важно, чтобы это нравилось тебе сейчас, сегодня, всегда, чтоб ты читала меня очень часто, как я хочу тайком застать тебя зачитывающейся мной, чего не происходит, и то не страшно и ожидаемо, ибо незнакомых текстов для тебя у меня нет, и больше, чем печатная страница, едва родившись, не успевает для тебя утаиваться, ибо не медля бегу я поделиться очередным открытием с тобой, как наш маленький сын не ожидает и секунды, чтоб поделиться с тобой переживаниями обо всем окружающем.

А ты читаешь Чехова, а Чехов мечется, надоевший своей возлюбленной, которая запоем читает меня.

Ведь, в общем, литературой занимаются бездельники и ханыги, немало гениев пера водят космические корабли и тепловозы, им недостает ни времени, ни сил писать, а уж тем более доводить до широкого читателя свои воистину бессмертные произведения. Шекспиры и Булгаковы бродят миллионами по этой Земле, у них в головах или в столах, но чаще в душах такие драмы и повествования – закачаешься, но это же не значит, что всем сломя голову следует всё это извлекать на

полки граждан и библиотек. Что же ты думаешь, мало в Афинах бродило Софоклов? Ты спросишь, отчего же именно он сейчас в старинном переплете брошен визглаго у нас в библиотеке на ковре, а не какой-нибудь Паладий Аристофулик, славный поэт в душе, о котором Мироздание забыло еще задолго до его же рождения? Всё очень просто: Софоклу – градоначальнику и не полностью дурному человеку – не хватало славы административной, вот и возник несчастный царь Эдип, неспешный детектив времен, не знающих приличной печатной машинки. Или Катулл...

*Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requires?
Nescio, sed fieri sentio et excrucior.*

*Ненавида – люблю. Как такое возможно,
наверно, ты спросишь?
Я не знаю, но чувствую – это со мной и я этим
распят...**

Да, Катулл прекрасен, но не более, чем сотни пламенных юношей из римских коридоров. И тем, что волею судьбы именно его полуистлевшие рукописи нашлись в одном из монастырей, он обязан разве что какому-нибудь древнему, но стойкому закланию, что ты, дескать, дерзкий любовник, похититель чужих жен, будешь наказан – нет, не плетью и не адом, а лишь тем, что подобные тебе, сломя голову от счастья и волнения, воспроизведут

* Цитируется по латинскому тексту Catulli Veronensis carmina (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. [Scriptores Romani]). Издательство Teubner (1973). Перевод с латинского мой.

твои слова, бесстыдные, но пленяющие слова, на границе будущих тысячелетий, на языке чужом, в иных звучаньях, во времена, когда название твоего славного Рима давно забудут, с каким произносить-то ударением.

Ты помнишь тот самый злополучный день, когда впервые в жизни я взобрался на гнедого лошака и, громко ругаясь, наперевес с весьма подержанным копышком помчал во весь опор освобождать тебя из замка Синих духов? Уж не знаю, откуда иной раз берутся силы и смелость, но я их в пух и прах, в пух и прах, понимаешь, тогда разнес. Ты мной гордилась бы, наверное, но жаль, что окна грозной башни выходили во двор, и кроме стога сиротливого сена ты не могла ничего созерцать и только слышала тупые всхлипы битвы сначала в южном крыле, а после и у подножия бастиона, в котором тебя смели содержать. Я их очень не любил, этих самых Синих духов. Духи отчаянья и серых ветров в сравнении с ними ровное ничто. Я не знаю, может, так и было задумано свыше, но провидение не слишком испытало мое усердие, или противник мой был еще меньшим воякой, чем я сам. Короче говоря, я тебя освободил, а ты неожиданно спросила, прерывая слезы, не голоден ли я, и, вдруг почувствовав волчий голод, мы разорили кухню басурман. Я набивал рот бужениной, недурно смастеренной с чесноком, а ты немного пожевала шоколада и сказала, что хочешь домой. Мне, едва остывшему от битвы, еще не хотелось покидать поле славных своих одержаний, но ты зевала, и мы пошли домой, отпустив коня пастись в поле, поскольку тогдашний наш дом содержать животных не позволял.

Я постоянно тебя откуда-нибудь вызволяю, это славное содержание моих побед. Помнишь, как мы травили Дракона мухомором, а он только пух от удовольствия, а потом оказалось, что он ими, мухоморами, по жизни питается? Если б ты не выткала ему рисованный шелковый платок, он бы до сих пор никуда тебя не отпустил. Ты солнышко, а ведь и у Драконов есть сердце. Ты сказала, что тебе нужно домой, что у тебя я голодный-некормленный, он, змий, расплакался и отпер ворота.

В текущие времена всё становится прозрачно-четким, без излишних штрихов и червоточин. Иногда проплывают перед глазами стайки подвижных кружков, но и то лишь только если день особенно солнечен. Разумный люд завершает свои размышленья в годы нежные, и в зрелости, исправно дожидаясь выходных, запрягает пони или еще каких лошадок да вывозит всю семью на прогулки. Не облагоразумленные в юности страдают неимоверно, дылдятся до старческих ногтей и оттеняют спокойное расслабление вовремя созревших. Есть еще и третьи – не довольствуясь ни благостью одних, ни смятением иных, запрягают они тех же лошадок, цокают копытцами, но страдают, мечутся ежечасно и безнадежно. Что ж неймется нашим третьим, отчего не дает им растительного благодушия еще не остаревшая плоть, или зачем им не скитаться по весям повесами, упиваясь своей неприкаянностью? Зачем не лелеять свою никчемность?

Из всех тварей вселенной несчастней всего эти самые третьи. Не дает им Господь ни забвения сытого, ни брожения блаженного. Может быть, эта ноша из-

вечного искания должна быть возложена хоть на какую-то часть мироздания, дабы не было столь одиноко Первопричинному в Своих ежедневных созерцаниях плодов творений рук Своих. Как не оставить малую толику оппонентов, спорщиков, в резвой свалке статистов, явленных в сей свет лишь попристутствовать. О, несчастные третьи! Вы, редкие эритроциты с прозревшим сознанием, не принявшие и не постигшие необходимость сменять поколенья в своем народе каждые три месяца во благо неведомого вам Целого, чья жизнь, вопреки всем разумным границам, беспредельна, и в даже самых дряхлых анналах не значатся свидетельства о ее начале или о предвещениях ее конца. Вы, зритроцитики, воспрявшие и вопрошающие природу Всевышнего, отпустившего вам умирать в каждый квартал. Вы не желаете понять эту необходимость. Вы требуете достойного к себе отношения, вы не ведаете, чем заслужили эдакое пренебрежение к собственным эритроцитарным судьбам. Где-то в безвестных каналах великого материка жизни дряхлыми сморщенными комками кончать, непременно в муках, свои дни, а после и вовсе незаслуженно вас, невинных, растлят угрюмые тартарары организма и, надругавшись, останки спровадят в клоаку с пометом. О, вам ли, носителям свежести славной земной атмосферы, поставщикам верным пьянящих молекул животворного газа, уготован сей неминуемый и кем-то жестоко приемлемый ад!

Безответные недра каналов зияют и влекут выполнять предназначенный путь, рядом с вами проносятся толпы подобных вам, вовсе счастливых и пухлых, с игривыми ямками клеток, их пурпур заманчив, их

польза ясна и неоспорима. Они выполняют свои порученья исправно, без тени сомненья и глупых вопросов. Тогда вы, прозревшие третьи, не получая ответа о смысле, впадаете в крайность иную. Вы молитесь слезно и гневно, вы просите чудо-забвенья, простейшего права любого народа довольствоваться и не ведать, и просто вершить свою жизнь без лишних терзаний. Но нет и на это решения. Лишь малые из вас постигают, что ваше прозрение и неприкаянность – тоже заведомо данное правило. Мнения ваши слышны, иногда отличаются зрелостью, что неудивительно, когда тварь подвергается пожизненным мукам. Это плебейство? И что же? Пусть будет плебейство, если оно хоть на йоту приблизит вас к истине. Истина – ваше спасенье. Если б вы знали, что в мире сем нет ни царей, ни ублюдков. Нет и ничтожеств, и не существует ведущих ролей. Мы обладаем заведомой пробкой в ушах и сознании постигнуть никчемность нашей индивидуальности, ибо постигнув никчемность сию, мы вмиг стали бы однолики и нас отличить стало бы невозможно от звезд и мокрицы. Может быть, всё ж за пределами плотской обители нас ожидает смирение, приятье, покой, но отчего ж столь несправедливая жизнь на этой ее стороне должна измениться во всерайские кущи? Но, Боже, о, это ведь так?! О да, то, во что веришь, не может случаться иначе...

Упорядочить мир не дано, но мы строим таблицы и верим с натягом в их параллелепипедную правоту. Молчи, грозный проповедник! Как давно ты мне кем-то поселен между мозжечком и еще чем-то, давно позабытым из пропахших формалином недобрых уроков. Ты первый, кого следует умолить

замолчать, ведь с таким неумным философом в мозгу недолго угодить в фарисеи, в еретики иль даже похуже. Что проку, ведь истины нет, и лишь в этом причина, что ее до сих пор не нашли. Нас так много – подробных, строптивых искателей правды. Видно, нам уготовано то, что мы сами себе присуждаем. Так что нечего слишком рядиться с Предвечным, особенно ночью, хотя в холодных широтах она может выдаться светлой. Ах, святое, но столь обнаженное утро, отчего твоя нега столь часто купель расставанья? Отчего же так часто твой луч нарекают последним?

Если ты помнишь, вернувшись из замка Синих духов, мы отдали мои латы в починку, взяли с нас дорожного, починили неважно, но торговаться не хотелось. Я был рад даже, что шлем мой так и остался слегка перекошенным, что давало немалопрятный повод вспоминать мою победу на прочих турнирах, куда меня приглашали скорее для развлечения публики, чем для развития крупного боя. А когда настали поздние времена, я его как есть, кривой, повесил в нашей гостиной у камина, ибо очень гордился своим пусть не очень воинственным, но мужественным походом. Ты часто показывала на него гостям, и те думали, что это мой удачный трофей. И действительно, кто ж всерьез в наши дни выставит напоказ свидетельство удара, нанесенного пусть золотым копытом. Люди склонны забывать временные поражения, особенно если впоследствии им удастся наверстать свой промах.

Ты пришла ко мне утром и сказала, что нашу парфюмерную фабрику закрыли из-за отсутствия сырья. Значит, снова придется достать поистертый рюк-

зак и отправиться в Пиренеи. Ты даже уже приготовила кофе в термосе и несколько бутербродов. Тебе очень идет голубой комбинезон, свободным парусом висящий в талии и на коленях. Как славно проследживать в надутости комбинезонных форм истинные упругие линии. Только стройным дано так бесшабашно одевать себя в мешки и выглядеть стройно. А я натягиваю штаны, подтяжки, и мы идем на первую электричку, уходящую к Пиренеям.

Отчего я нашел этот славный пьянящий цветок в столь заброшенном месте? Ты тогда очень сердилась и убежала от меня куда-то в горы. Я метался, взбирался по косогорам, рвал себе руки о скалы, но нигде тебя не смог отыскать. Потом в одном мрачном ущельи я плакал и сморкался в какой-то поморщенный лист подорожника или лаванды. Иногда я аукал тебя, только ты не отзывалась, и мне было очень не славно. И вдруг среди камней я заметил изумрудное свечение, и сквозь опорожненный от соплей нос почувствовал неизъяснимо влекущий аромат. Я понял, что этого цветка на земле еще до меня не встречали, ибо повстречавший его никогда не расстался бы с этим воспоминанием. Он бродил бы всю жизнь по тропам неведомых гор, по рассветным туманам и искал бы всё снова и снова вкусить этот запах, влекущий, чуть пряный, цветок, от которого нет сил оторваться. Возможно, в глухие столетия ведьм и колдуний эти самые дамы варили из этого цветка приворотное зелье, от которого нет заговора и, испив его единожды, влюбишься, право, навечно. Так подумав, я спрятал цветочек за пазуху, благо был он, как водится, неприглядный такой, махонький. А

когда ты наконец появилась на горной тропинке, брела ты и плакала, наверное, тоже, я дал тебе его понюхать, и мы засмеялись, и счастье нас завлекло и закружило в щемящем своем круговороте. Ты назвала его целебным названием Педе Урси, медвежья лапка, ведь если есть растение медвежьих ушки, то должны быть обязательно и медвежьи лапки, а то нецелостный медведь какой-то выходит. Это был, не иначе, новый наркотический цветок, дающий любовное опьянение. А если ты его нанюхивался чересчур, можно было уснуть на года. Так наш рыжик нанюхался слишком пучков медвежьей лапки, лежавших у нас в коридоре, что проснулся лишь в следующем тысячелетии, да и то только к обеду. Я открыл парфюмерную фирму и стал делать духи для тебя и для мамы, остальное мы продавали свободно и на вырученное построили этот дом.

1994

Роскошь

Так случается, что не для всякой роскоши необходимы обильные финансовые ресурсы. Я часто кручу в руках маленький металлический кружочек, называемый «денежка», и люблю подробно рассматривать, какая там картинка, как ребриста поверхность краешка; люблю раскрутить ее на столе, и тогда образуется призрачный шар, которого можно коснуться, проникнув в его феерическую сферу, и громко приклепнуть монетку к столу. Люди уже отходят от монет, заменяют их на пластиковые карточки, а иные и вовсе начинают обходиться без денег — там покушал у знакомых, тут поспал у знакомой, воздух бесплатен — так и деньги, в общем-то, не нужны.

Я тоже как-то жил эдаким аскетом. И все потраты мои сводились к пачке риса, которую я варил в кастрюле, забытой одним соседом по общежитию, которого этой кастрюлей снабдила его жена, вместе с каким-то супом, который потом еще долго, как хамелеон, менял цвета в холодильнике, а мы не смели его трогать, хоть и хронически были голодны; потому что на чужой каравай нас в детстве научили рот разевать только в самом крайнем случае. Крайний случай настал, когда содержимое кастрюльки, несмотря на усердную работу холодильника, стало распространять весьма подозрительные запахи и соседи стали подумывать, не вызвать ли полицию.

Так я стал обладателем очень сносной кастрюльки, испытав истинное наслаждение, что такая полезная и во всех отношениях современная вещь досталась мне абсолютно бесплатно в виде

неожиданного наследства от того временного соседа по общежитию, который приезжал на какую-то учебу, был исключительно любвеобилен и поражал формами своих блондинистых подруг со сбивающими с толку длинными голыми ногами.

Сосед, привезший кастрюльку с супом, как Хлестакову из Парижа, через несколько дней бесследно растворился. Кастрюлька досталась мне, длинные ноги тоже больше не появлялись, а еще запомнился непропорционально большой и как-то неестественно черный пистолет соседа. Он никогда с ним не расставался, а поскольку дело было в Иерусалиме во время первой иракской войны, то однажды во время воздушной атаки с первой сиреной сосед в трусах, с девушкой в его рубашке на босо тело и огромным черным пистолетом по-соседски завалился в мою, единственную в квартире комнату, предусмотрительно заклеенную моим братом от газовой атаки в полном соответствии с тогдашними рекомендациями израильского руководства. Мы сидели втроем в черных, германского пошива противогазах, которые впоследствии оказались неисправными, списанными германской армией и приобретенными израильским правительством для всего израильского народа на случай газовой атаки, потому что газовую атаку ожидать было выгоднее, чем негазовую, поскольку негазовую атаку нужно пережить в бомбоубежище, а под бомбоубежище в Израиле предполагалось использовать подвалы, звонко зовущиеся «миклат», вечно заваленные под завязку всяческим баррахлом жителей домов, так что не то что пережить в них атаку, а даже просто войти в них было бы нельзя. Ко-

нечно, потребовать от израильских сограждан привести подвалы в порядок было бы можно, но недовольство масс таким непопулярным решением могло бы свергнуть очередное неустойчивое, как уральская погода, правительство, и правительство решило, что не следует провоцировать народ в такой напряженный для страны момент менять правительство, поскольку и это правительство вполне сойдет. Мы сидели в черных противогазах, в полумраке заклеенной комнаты белели голые ноги, почему-то где-то на полу, и вызывающе чернел беспомощный, но очень внушительный пистолет.

Ракеты «Скады» проносились где-то мимо, а мы были молоды и веселы, и я предчувствовал, что из этой ситуации выгорит для меня нечто выгодное и неожиданное. Так оно и получилось – я стал обладателем практически новой, с черными увесистыми ручками и с плотно прилегающей крышечкой кастрюли, которая стала в моей жизни единственным приобретением, пришедшим ко мне наудачу, и моим первым признаком роскоши, которую я так впоследствии полюбил.

Лучше не знать

Подержанный «ситроен» с рулем с правой стороны, пахнувший сухой пылью и еще чем-то неприличным, но чем именно – невоспознаемо, нес нас по пустынным дорогам восточной Англии. Я сидел спереди на том месте, где в большей части остального мира обычно сидит водитель, и меня не оставляло странное ощущение, что машина катит сама по себе, и отсутствие руля превращало реальность в зыбкий призрачный след той реальности, которую я уже начинал забывать. За рулем помещался неожиданно крупный пожилой англичанин с влажными глазами, лысой башкой, в тонком пуловере. Он часто клал свободную от руля руку себе на грудь, и мне каждый раз казалось, что у него инфаркт. И когда мое сознание рисовало комичные картины, как ему становится плохо и мы таскаемся с ним по больницам, что было бы изысканным развлечением, принимая во внимание, что этот человек был дорого оплаченным нами гидом, – он резко отнимал руку от груди и снова ничего не происходило, и я чувствовал себя в дураках и снова смотрел на зеленые обочины настоящей Англии, периодически задавая несчастному гиду незначительные, назойливые вопросы, законно рассудив, что раз заплачено, чего он молчит.

Это было замечательное путешествие, потому что мы впервые в жизни, пожалуй, знать не знали, где находимся, не заботились о ночлеге, не считали денег. Такую роскошь я позволил себе в компенсацию неприятной встречи, ожидавшей меня в Лондоне. Но пока до нее было еще несколько

дней, солнце ясно светило, несмотря на зловердные сводки синоптиков, докладывающих о неслыханных потопах, из-за которых мы даже хотели отменить поездку по Англии, хотя встреча в Лондоне этого нам не позволяла.

Мы носились по каким-то закоулкам, один день вообще проведя исключительно в дороге. И когда под вечер я почувствовал, что гид направляет своего французского механического коня на постоянный двор, я невнятно полюбопытствовал, а куда же мы, собственно, сегодня ездили. Старый англичанин обиженно крикнул, он вообще любил производить совершенно неожиданные звуки, напоминающие то ли криканье, то ли хрюканье, и явно разочарованно провозгласил: «Я показывал вам холмы Уэльса, сэр!» Так вот для чего мы мотались сегодня по дорогам!

«А!» – сказал я, и мы промолчали весь остаток пути. Вообще молчание наш попутчик ценил, как особую добродетель, многократно мне интеллигентно намекая, что лучше молчания может быть только тишина, прерываемая редкими похрюкиваниями, которые настолько неожиданно проистекали из этого человека, что их приходилось воспринимать, как проявление английской интеллигентности или еще не изученные мной междометия английского языка.

Однажды, проезжая по одной из улиц какого-то городка, он обратил мое внимание на невзрачную пивную типа паб с яркой вывеской: «Обезглавленная женщина». Я порадовался редкой находке удачного английского юмора, практически бесплатно висевшей для всеобщего обозрения на

тоскующей по штукатурке стене. Мне сразу представилась страшная история с привидениями, которые столь часто населяют жилплощадь английских домов и являются полноправными подданными Ее Величества, наверняка исправно платят электрические счета, потому что без электрических счетов в Англии даже привидение проживать не может. Во всяком случае, именно электрический счет потребовала у меня негритянского вида, но совсем обританившаяся служащая в английском банке, когда за несколько лет до моей встречи с обезглавленной женщиной я открывал в лондонском банке счет, никак не доверяя банкирам Израиля, в котором я в то время проживал. Я удивленно доказывал, что у меня нет электрического счета. Негритянка с британской пристойностью настаивала, что электрический счет есть у всех и его предъявлением вы доказываете свое место жительства.

– Но я не проживаю в Англии!

– Ну и что! Электрический счет все равно должен у вас быть.

Я не помню, как разрешилась эта ситуация, но с тех пор я зарубил себе на носу, что в Англии у всякого должен быть электрический счет, будь ты женщина с головой или без.

Итак, я представил себе положительного вида безголовое английское привидение с электрическим счетом в руках, стучащее по ночам пустыми кружками и ворующее мелочь из кассы. Вообще английская мелочь настолько привлекательна, что ее трудно не украсть. Это вам не какой-нибудь рубль, нерасторопный цент, который не разбежится

как следует звякнуть, когда бросаешь его на стол. Маленький, но полновесный фунт очень увлекательная монета – она толстенькая, и у меня всегда текут слюнки, когда я ее вижу, а особенно когда пересчитываю ее ценность в любую из мировых валют.

Поскольку у безголового привидения слюнки течь не могли, оно, наверное, просто тихо тырило фунты из кассы, чтобы достойно и в срок оплатить свой электрический счет.

Внезапно мои фантазии улетучились, как только мой английский проводник с видимым удовольствием сообщил, что это название паб получил от английской пословицы «Женщина может молчать, только если она обезглавлена» (простите за вольный перевод) и что этот паб как бы привлекает завсегдатаев тем, что к ним не будут приставать с лишними разговорами.

Жаль, что эта английская привычка к молчанию не привилась у их дальних потомков, населяющих мою канадскую окрестность. Там в очередной раз, когда какая-нибудь раздатчица на кассе задаст мне ошеломительный своей неожиданностью вопрос: «Готов ли я к Рождеству?» или «Хорошо ли я провожу время в отпуске?» (хотя я тут не в отпуске – я тут живу и встречаюсь с ней почти каждый день уже четыре года), мне хочется, чтобы она была обезглавлена, причем добровольно и окончательно. А электрический счет я ей, так и быть, оплачу, поскольку как раз любовь к предъявлению электрических счетов, как это ни удивительно, канадцы унаследовали у англичан без излишней модификации.

Итак, в очередной поездке, часто прерываемой моими всегда неуместными вопросами, мы прибыли в ясно освещаемый солнцем какой-то городок в Линкольншире. То ли Стэнфорд, то ли еще какой – их названия у меня давно смешались с липовыми канадскими названиями, звучащими так же, но имеющими под собой одну дыру хуже другой.

Проводник наш имел особенно торжественный вид, какой он всегда имел, когда собирался нам показать что-нибудь значительное, с его утонченной точки зрения знатока, но чаще всего нам казавшееся непримечательной блеклой захолустностью, как весьма подержанный паб в лондонских доках, которому было то ли пятьсот, то ли шестьсот лет. Пить и есть там было нечего, однако дух истории заставлял воспрянуть наши потрепанные молью путешествия души, и мы сидели и смотрели на воду в Темзе и говорили о чем-то вечном и успокоительном.

Перед нашим проводником вообще стояла сложная задача – развлекать нас чуть ли не в течение пяти дней, тогда как он специализировался на четырехчасовых турах по Лондону для американцев. Сначала он старательно читал путеводитель накануне посещения очередной достопримечательности, чтобы нам с наивысшей профессиональностью всё пояснить, но не тут-то было! Потому что я тоже дисциплинированно читал накануне путеводитель, а все путеводители как две капли воды наперебой толкуют об одном и том же. Так, в один из первых дней мы посещали курортный город Бат и мистер Уорбойз – так, кажется, звали гида, – торжественно собирался сообщить о

целебном источнике, в котором какой-то король... Я не дал ему закончить и, как заправский выскочка в четвертом классе, отчеканил: «Такой-то король купался в грязи со свиньями и излечился от золотухи». Я торжествовал, но мистер Уорбойз с подчеркнутой корректностью произнес: «Да, я вижу, вы недурно осведомлены о местных достопримечательностях». Сначала я подумал, что это комплимент, и даже загордился, но потом я понял, что нет ничего страшнее и неприличнее для джентльмена, чем показать свои знания перед другим джентльменом, тем более его перебивая. Я вспомнил какую-то статью, с сарказмом описывающую нескольких англичан за столом, обсуждающих какие-то дела в одной африканской стране. Все участники разговора долго делали вид, что не помнят ее название. Один из них – немец – встрял: «Так это же Занзибар!» Все англичане за столом торжествовали – вот нашелся невежа – сразу видно, никакого воспитания. «Да, пожалуй, Занзибар», – неуверенно согласился один из собравшихся, хотя все за столом знали, что он проработал послом в Занзибаре десять лет. Так и я обзанзибарился в тот злополучный момент, когда показал свои неуместные знания о короле, свиньях и золотухе. Больше мистер Уорбойз ничего нам не рассказал до конца дня. Я понял свою ошибку и не стал больше читать накануне путеводитель, но следующий день показал, что наш проводник тоже решил не читать путеводитель, раз уж мы его и так читаем. Таким образом, и другой день прошел без особых объяснений, и я, чтобы как-то компенсировать потраченные деньги, докучал мистеру Уорбойзу

вопросами и соображениями на темы от битвы при Гастингсе до Маргарет Тэтчер.

Итак, мы прибыли в очередной городок, где гид изготовился показать нам какой-то собор. Мы были пообедавшими и, казалось, ничто не препятствовало продолжению путешествия. Но вдруг я заметил вывеску на пабе, что там подают пирог с линкольнширской колбасой, линкольнширский пирог, короче. Я решительно потребовал остановить. Гид был удивлен, недоволен, но остановился. Он уже привык к странности нашей парочки требовать непосредственно после обеда в дорогом месте остановить на каком-нибудь полустанке на трассе, где я заказывал индийское карри, которое с виду меня почему-то привлекло, хотя после его потребления весь остаток дня и часть ночи организм искренне раскаивался и трепетно обещал больше никогда не есть всякую гадость. Но на следующий день всё повторялось, потому что моя страсть вечно нажираться чем ни попадя сопутствует мне с детства и, боюсь, до добра не доведет. «А как же собор?» – спросил гид меня, уже выходящего из машины. «Собор подождет», – сказал я по-наполеоновски, командным шагом направляясь к пабу. Я вообще падок на рекламу в лоб – написано пирог, давай сюда пирог. И в такие моменты мало что может меня остановить.

За скрипучей дверью паба было на удивление много народа. В пабе обычно можно заказать, расплатившись у стойки, два-три блюда – видимо, то, что остается от семейного стола содержателей заведения. Мы потребовали, нас было двое, поскольку гид, конечно же, остался проветриваться в машине, две пор-

ции пирога, но тут я неожиданно для себя потребовал еще и сосиску с бобами.

– Так вас трое? – удивилась владелица паба.

– Нет, двое, – настаивал я.

– Так значит, вы хотите пирог и сосиску?

– Нет, мы хотим два пирога и сосиску.

Владелица паба почему-то была на грани нервного истощения, повторив еще раз:

– Так значит, вас трое?

– Хорошо, трое, – соврал я.

И нам принесли три обеденных прибора, и я, пользуясь многолюдностью в пабе, скрытно съел сначала свою сосиску, потом вполне законно поглотил свой линкольнширский пирог с колбасой, а потом съел и второй пирог, потому что аппетит, похоже, разыгрался только у меня. Далее, поскольку в баре было прокурено, я затянулся гигантской новокупленной сигарой, что привело к такому клубу дыма, что курильщики за соседним столом закашлялись. Так отметив свою индивидуальность и пребывая в прекрасном покушавшем настроении, я водрузил себя назад в «ситроен».

Гид спросил:

– Ну, как вам понравился линкольнширский пирог?

Чувствовалось, что в старом британце заигривилось лукавство его древних предков, то ли англов, то ли саксов, а то ли, еще хуже, ютов.

– Очень замечательный пирог, – ответил я. – Поедем в гостиницу. На сегодня хватит – пора отдыхать.

Гид не мог скрыть своего разочарования и, собрав в себе последние крохи разговорчивости, спросил:

– А как же собор?

– Не надо собора. Хватит мне и пирога.

Мистер Уорбойз хрюкнул как-то особенно язвительно:

– А не желаете ли вы знать, из чего этот пирог делают?

– Нет, спасибо, – ответил я. – Лучше не знать, лучше не знать...

Запах соли

У соли нет запаха. Я поднес несколько белых кристалликов к самому носу и втянул воздух – не пахнет. Обыкновенная поваренная соль. Как та, что была насыпана вместо снега в нашем краеведческом музее, где проживали разнокалиберные тушки испуганных чучел каких-то оленеподобных и волкообразных, а также два медведя – один белый, стоящий на задних лапах, с яростным оскалом, всегда напоминавшим мне улыбку, другой – бурый, естественно, поменьше, выражение лица которого не отпечатали в себе нейроны моей блеклой памяти.

Я помню и другую соль на берегах неясственного сероподобного моря, на котором лежишь, как на водяном матрасе, покачиваясь в обманчиво-влажных, но жестких, как терка, мертвоморских волнах.

Это место – как Марс, на который вернулась вода, а я помню, как шелестели листья на тенистых улицах Содома, как вечерело, пахло хлебом и освежающие грозы несли мутные воды по каменным ступеням, как по фарватерам холодных рек.

Дело было на Марсе, задолго до того, как он стал необитаем и попал на страничку журнала «Юный

астроном». У меня была зеленая кожа и третий, внутренний глаз на лбу. Я шел по улице своего городка, ничем не примечательного. Идти было легко, и шаги мои гулко раздавались в кружевах марсианских построек. Марсианские комары незлобиво жужжали над моими треугольными ушами и доверчиво заглядывали в мой протертый спросонья внутренний глаз. В этот день на Марсе выдавали получку, и мои собратья-марсиане пропали из города, потому что закапывали свои сбережения в близлежащих холмах. Я не получал ничего, потому что нигде не работал, был свободен, как завихток вихря песчаной бури, и поэтому никуда не спешил.

На тонкой простынке вечеряющего неба блекло проступали пятнышки лун, а я возвращался домой, взбегая легко по проросшим ступенькам, и входил в тесную, родную прихожую. Войдя домой, я зашел в ванную комнату, чтобы умыть лицо, марсианская пыль першила в горле и хотелось прыснуть на себя водой, как радужным зонтиком влажного всплеска. Я глянул на себя в зеркало и увидел удивительную картину – на меня смотрело существо с загорелой кожей, черной бородкой и всего двумя маслиноподобными, чуть мутными глазами.

«А я человек», подумал я. И мне показалось, что мне эта мысль когда-то приходила.

«Значит, это не Марс», рассудил я, не расстраиваясь. Я вытер лицо полотенцем, и оно приятно бархатило мою человеческую наружность. Я вышел из ванной и подобрал с пола брошенную вечернюю газету. «Вечерний Содомск», – прочел я и вздохнул, потому что никогда не был в восторге от названия

моего родного города. В дверь постучали. Я открыл. На пороге стояли несколько путников. Я предложил им выпить холодной кока-колы и пригласил пройти в дом. Я достал лепешки, небольшой горшочек с темными оливками и немного вина. Путники, выпив кока-колы, расположились у меня на кухне. Один из них, пожилой с плоским доверчивым лицом, спросил разрешения закурить, и все закурили. Я подсел к ним и начал типичный в подобном случае расспрос – откуда да куда. Мы долго говорили о дури народа, жадности властей и, как всегда, закончили всё обменом анекдотами.

Путникам не нравился Содом. Хотя и соседняя Гоморра, откуда они приехали на рейсовом автобусе, им тоже не нравилась. Пожилой путник сказал, что зря мы поощряем однополые браки и что добром это не кончится. Я сказал, что не имею мнения по этому вопросу, и действительно подумал, что у меня нет никакого мнения, правильно ли это – разрешать мужчинам жениться на мужчинах, бухгалтерам жениться на бухгалтерях, самосвалам жениться на самосвалах. Молодой путник, его звали Ануфрий, занервничал и обкусал край папироски:

– А я считаю, – сказал он, – что пусть люди делают чего хотят, пока это другого не касается.

Пожилой путник, кажется, по имени Аборей, тяжело вздохнул и похлопал молодого по плечу.

– В наши времена, – начал свой рассказ Аборей, – всё было по-другому. Люди знали, куда шли, верили, зачем жили, понимали смысл начала и конца, не теряли время попусту, согласовывали всё со Всевышним, но где оно сейчас, это время? В складках моей седой бороды? В пыли песочных

завиточков, рисуемых горячечным ветерком по топленным тротуарам?

Молодой нахмурился и сказал:

– Весь смысл существования – в том, чтобы не искать его смысла.

Третий путник, средних лет, в серой выцветшей футболке с надписью «Всё путем», внезапно встрял в разговор:

– А мне кажется, что времена всегда сменяются в беспорядке и нет никакой последовательности или логики в том, что водка сначала была дешевой, потом стала дорогой, потом стала опять дешевой и теперь опять дорогой. Сколько ни томи себя вопросами почему да откуда – всё одно выходит – наше дело швах.

А я сказал, что мне кажется, что в мире есть скрытый смысл, что вот же пришла ночь и завтра придет день, что часы тикают не потому, что в них механизм, а потому, что время есть налаженная нить порядка, и что оно, время, выстраивает всё по своим ячейкам.

– Ну и где же моя ячейка? – спросил пожилой путник. – Я десять лет рыл катакомбы, потом десять лет их закапывал.

– Ну это уж вам виднее, – ответил почтительно я. – Может быть, время такое было – закапывать.

– А сейчас какое время? – спросил молодой.

– А сейчас время решающее, как и всегда, – вставил свое слово путник средних лет.

Мы стали уставать, и я постелил гостям в своей спальне, а сам прилег на диване, но долго не мог уснуть. Я смотрел на маленькие шахматные фигурки на шахматном столике. Обе армии были

готовы идти друг на друга в бой, но не было игроков, потому что была ночь, и оба воинства мирно покоились каждое на своем краю доски. Я пытался заснуть, представляя себя в маленькой комнатке каменного бастиона белой ладьи. Мне было уютно в углу доски; от врагов меня отделял стройный ряд в полной выкладке пешек и много пустых черно-белых полей. Может быть, эти шахматы так никогда и не ринутся в бой, так навсегда простоят друг против друга. Чтобы быть уверенным в этом, я положил между белыми и черными фигурами толстый том библии прямо на доску. Мне показалось, что так будет надежнее, пешки слишком одеревенели, чтобы брать такое препятствие. Только после этого я спокойно заснул и мне снилась зеленая трехглазая марсианка, и я снова видел Деймос и Фобос в вечеряющем небе.

На следующий день я проснулся поздно, путников и след простыл. На дворе шумел 21-й век, экзамен был выдержан на славу, я, житель Содома, проявил достаточно гостеприимства, чтобы сохранить свой славный город. Я сонно прошел на кухню. На столе была рассыпана соль. Я поднес несколько кристалликов к самому носу. Соль по-прежнему не пахла.

Развод

На пересечении тонкостенных трубочек судеб нередко возникают неожиданные капельки иллюзий параллельных развитий любого сюжета. Иной раз поражаешься, как быстро витиеватый ум способен додумать какой-нибудь мимотечный мираж до самых окончаний деталей – до самых отдаленных развязок. Вот потемнело в окне, и ограниченное строгой диетой массового телевидения сознание рисует шторм, цунами (хоть к ближайшему морю до нас километров с полторы тысячи), тайфун, землетрясение, катастрофическое развитие неожиданных событий. Я уже не упоминаю, к чему может привести невинный звонок в дверь или не сразу опознанное письмо в просторном почтовом ящике цвета назревающего пробуждения массового самосознания. Тупыми весомыми килограммами ложатся в астеничную память такие внезапные доживания на тему: «А что будет, если?..» или даже: «А что было бы, если?..» Вот уж точно, безгранична человеческая жизнь в этих изветвлениях псевдосудеб, псевдовариантов, мгновенно рисуемых людским воображением, засевшим где-то между несуразными варениками ушей, картошкой носа и редкой поростью волос – таинственного леса с черными стволами трав и редкими полянами нехоженной кожи.

Итак, в этом разветвлении сюжета всё было просто и хорошо. Дмитрий Максимович сидел за своим, купленным в старьевом месте столом и писал жалобу. Человек он был не питьевой, то есть иссушенный, с морщинистым лицом, блеклыми

подернутыми легкой мутью глазами, некрасивым картофелеобразным носом, потресканными губами и страшными, выдавшими серьезные невзгоды зубами, селящимися в разнообразно посиневших, а местами и вовсе неприличных деснах. Одет он был по-домашнему в майку и помятые, почему-то заляпанные доисторической краской белого колера спортивные мешки, именуемые в нашей культуре штанами. Лет ему было ровно столько, что время доверительно оставило на нем след от по крайней мере шести десятков вращений нашего мира вокруг жаркого небесного пятна.

Дмитрий Максимович писал жалобу на свою жену Анастасию Яковлевну за то, что она часто и излишне измывается над ним, изымает все их совместные средства и держит в полуголодном состоянии. Анастасия Яковлевна недвижно возвышалась над плечом Дмитрия Максимовича и шевелила губами, читая каждую появляющуюся на клеточном листе бумаги кривую букву с довоенным хвостиком.

— Еще скажи, что я тебя бью, — решительно посоветовала Анастасия Яковлевна.

— Может, не стоит? — поднял недоверчивый взгляд Дмитрий Максимович.

— Стоит, стоит. Иначе их не проберет. То, что средства изымаю и кормлю плохо, — этого мало. А вот избиваю — это в самый раз.

Дмитрий Максимович неуверенно дописал — «и избивает».

Анастасия Яковлевна одобрительно погладила супруга по немолодой голове.

– Митечка, ты и подробности им напиши, а то не поверят.

– Ты же знаешь, Настенька, я писатель-авангардист, и конкретика жизни не является моей сильной жилкой. Вот если бы какой-нибудь невероятный факт описать – я бы тут проявил искусную интуицию, а жалобы писать не мой жанр. Может, лучше тебе на меня пожаловаться?

– А я пожалуюсь, ты только сначала свою жалобу допиши, чтобы в моей всё с твоей сходилось.

Дело в том, что для отъезда в Занзибарию нужно было обязательно развестись. Туда не брали семейных. А жить, где Дмитрий Максимович и Анастасия Яковлевна прожили вместе вот уже сорок лет, они больше не могли и не желали. Дмитрий Максимович был не согласен с окружающим по крайней мере по большей части статей; политически, экономически и идейно окружающая явь была чужда и эстетика жизни выявляла себя бросово, одним внезапно приобретшим физические очертания словом «пошлость». А в «пошлости» Дмитрий Максимович Венцебросов жить не мог. В бедности мог, в опасности мог, даже в неопределенности мог. А вот в «пошлости» не желал, да и если б пожелал – не мог бы. Анастасия Яковлевна не имела своих индивидуальных причин покинуть родину, но разделяла мнение супруга, ибо они были редкой парой, в которой раздор если и случался, то лишь по маленьким житейским неурядицам.

Сядут супруги Венцебросовы ужинать чем Всевышний, как говорится, осчастливил, и начнут сосиску из тарелки в тарелку перебрасывать.

– Нет уж, ты съешь, Настенька, – волнуется Дмитрий Максимович и ловким движением контрабандиста перебрасывает утомленную сосиску с уже порвавшейся кожицей в тарелочку Анастасии Яковлевны. А та пыхтит, не соглашается и, неизвестно откуда взявшимся приемом отвлекая внимание Дмитрия Максимовича, перебрасывает и вовсе распутившуюся, как неопрятная доярка, сосиску обратно в тарелку Дмитрия Максимовича.

Анастасия Яковлевна очень волновалась, чтобы Дмитрий Максимович хорошо питался, думая, что все беды со здоровьем образуются от дурного питания, неполного прожевывания пищи. Многие зубы у обоих супругов были не свои, и посему прожевывание потихоньку выступало всё более и более на первый план поверхностных переживаний.

Как они, два немолодых человека, устроятся в Занзибарии, они не думали. Нужно было вырваться из этой «пошлости» раз и навсегда, а там будь что будет. Занзибария была единственной страной, принимавшей иммигрантов такого возраста, но только если они были одиноки. Дело в том, что занзибарийский премьер-министр сам овдовел, поскольку супруга его попала под статью уголовного кодекса жизни: рак яичников, и таким образом премьер из сочувствия к одиноким, разведенным и необоснованно брошенным провел через занзибарийский однопалатный парламент поправку к закону об иммиграции, в связи с которой супруги Венцебросовы и собирались покинуть родину, обосновавшись в таинственной и, предположительно, менее пошлой Занзибарии, разумеется, предварительно друг с другом разведясь.

Занзибарийское посольство довольно быстро распознало, что многие аппликанты стали намеренно разводиться перед отъездом и только с целью того самого отъезда. Поэтому занзибарийское посольство перестало доверять местным документам о разводе и стало требовать от свежеразведенных представлять дело о разводе перед занзибарийским представителем. Собственно, для этого рассмотрения супруги Венцебросовы и занимались составлением убедительных жалоб друг на друга.

Анастасия Яковлевна не хотела никуда ехать и своей женской интуицией ощущала всю бредовость затеи, но она всю свою нехитренькую жизнь посвятила Дмитрию Максимовичу и не хотела теперь вставать на пути его счастья, даже если для этого было необходимо идти на подлог, обман, введение в заблуждение официального представителя занзибарийского посольства.

Анастасия Яковлевна проработала большую часть своей жизни библиотекарем сначала в городской библиотеке, а теперь, попав под сокращение бюджета, в музыкальной библиотеке, доживавшей последние свои, быть может, месяцы.

Страна, где проживали супруги Венцебросовы, называлась Супостания. Они проживали в ее столице Сумасбродинске и любили этот город. Тополя, потрескавшиеся тротуары, окна старых домов — всё это составляло для них понятие родных пенатов, и Дмитрий Максимович, будучи писателем, неразрывно слился с этим городом, этим небом, наполняемым грозами, с этими листьями осенних

непогодий, пересечением крестообразных рам, так напоминающих тонкостенные трубочки судеб.

Однако Дмитрий Максимович не мог более мириться с явной «пошлостью», которая повсеместно стала висеть над его любимым Сумасбродинском. Трудно было объяснить, что изменилось в этой стране, но она больше не была его старой знакомой Супостанией. Изменился сам воздух, которым дышал Дмитрий Максимович, и он, как душевный астматик, нуждался в перемене местожительства буквально по медицинским показаниям.

Анастасия Яковлевна таких чувств не испытывала, однако не перечила Дмитрию Максимовичу.

Закончив писать жалобу, Венцебросов отдал листок Анастасии Яковлевне и вернулся к своему роману «Мытарства Духа», который он писал вот уже сорок лет. Работая инженером на заводе зарядных устройств, Дмитрий Максимович всегда имел достаточно досуга, чтобы писать. Он начал свой роман сценой явления Святого Духа в цех завода зарядных устройств и далее во многих главах описывал с редкими перерывами мытарства этого Духа среди мятежных душ его сослуживцев. Вы скажете, что на такую тему не следует тратить сорок лет жизни? Ошибаетесь. Почему? Просто ошибаетесь, и не будем больше об этом, незачем лезть в душу чужую, как в свой холодильник. Каждый волен растрачивать свою жизнь по-своему. Нет на это запрета. Не вышел еще такой, знаете ли, запрет.

На день, когда было назначено слушанье по делу Венцебросовых в посольстве, выпал понедельник, и супругам обоим пришлось отпроситься с работы. За-

тею свою они, разумеется, держали в герметичной тайности от окружающих.

Дмитрий Максимович, одетый в недурно сшитый синий костюм с золотыми капитанскими пуговицами, и Анастасия Яковлевна в строгом сером платье и белой шерстяной накидке предстали пред представителем занзибарийского посольства равно в 11 часов, как и было указано в письме, содержавшем вежливое, но неуклонное приглашение. Представитель недоверчиво просмотрел жалобы и свидетельство о разводе, выданное всего два с половиной месяца назад.

– Так чем вы его били? – спросил представитель Анастасию Яковлевну, серую мышку в белой накидке.

Анастасия Яковлевна едва приоткрыла тонкогубый ротик – но представитель резко ее оборвал:

– Отвечайте на листке бумаги, и вы, господин Венцебросов, отвечайте на своем листке. Таким образом мы установим правдивость ваших показаний.

Дмитрий Максимович потерял сердце, оно ушло куда-то в сторону, как на давнем экзамене по физике в институте, когда шпаргалка упала на пол и преподаватель поднял глаза из-под роговых очков.

Дмитрий Максимович подумал и написал что-то на бумажке. Анастасия Яковлевна подняла глаза на мужа, но представитель так недобро сдвинул брови, что несчастной Анастасии Яковлевне показалось, что на нее бросила суровый взор вся судебно-раздавательная система государства Занзибарии.

Анастасия Яковлевна тоже что-то написала на бумажке.

– Теперь передайте мне в сложенном виде, – серьезно предписал занзибарийский представитель.

Супруги в разводе так и поступили незамедлительно и сконфуженно.

– Ну что ж, – промычал официальным тоном занзибарийский представитель, – именем занзибарийского закона считаю вас не мужем и не женой.

– Акара бу мабандра, – добавил он уже по-занзибарийски.

– Через два месяца получите решение по вашей иммиграции.

Несупруги Венцебросовы вышли с облегчением из посольства и, когда уже точно никто не мог слышать, обменялись словами, которые они написали на листочках.

– Конечно, сковородкой! – засмеялся Дмитрий Максимович. – Чем еще! Глупые занзибарийцы ничего в русской душе не ведают, не смыслят.

Через пять месяцев пришел ответ из посольства. Анастасии Яковлевне утвердили просьбу о предоставлении занзибарийской визы, а вот Дмитрию Максимовичу отказали, потому что битых мужей в Занзибарии не принимают.

Вечность кончается сегодня

Самое сложное — это плести незатейливую ткань повседневной жизни. Не великие всплески свершений, не ясные, как свет прожектора, скачки — а именно бесхитростная повседневность представляет собой основное испытание. Какое дело кому, как я убиваю собственную жизнь? Какое дело до того, что за узелки вплетаются в дешевенький текстиль моих будней? Мне хорошо, когда следует ужасаться, и плохо, когда нет язвы, которая бы оправдала мое страдание, и я тушуюсь, пребываю в растерянности, исписанности, ужасе настолько хроническом, что уже перетекающим в скуку. Дымящийся отвар целебных горизонтов более не столь целителен, и я колешу по однообразно восхитительной планете и не желаю признавать ее своим небесным телом. Самое естественное становится выработанным из пластика, и я глотаю одноразовый пластиковый воздух и щурюсь на одноразовые целлофановые облака. Великие мне кажутся пошлыми, а пошлые — тоже кажутся пошлыми. Яд моей внутренней химии химичит свои незыблемые реакции, раз и навсегда предрекшие мое слюноотделение с незапамятных времен. Я ищу себе замену для самого себя, но не нахожу, и камни ворочаются тяжело, хотя камней вокруг меня ни мне, никому вооруженному самым точным камнескопом — не видно. Нет их и в помине, камней, которые я ворочаю, но что-то ведь я ворочаю? Отчего же, если не от камней, мне так тяжело?

В одной провинции никто не проживал. Просто намеренно ее оставили пустой и освятили попами,

чтобы на вполне научном обосновании оспорить старый потрепанный принцип, что свято место – пусто не бывает. А вот и нашлось такое место. Всех, кто там по ошибке или из своеволия восселялся, выдворяли, жилище сносили и травкой после уборки строительного мусора засеивали, пускай, мол, колышется.

В моей стране давно стали бороться со старыми мудростями. Моя страна вообще была государством нового типа. Там все господа были либеральны, сами себе чистили помойки и даже сами себе чесали спины и пятки, чтобы никого этой неоценимой работой не утруждать. Справедливость в моей стране была доведена до уровня самоидола и в нее верили, как в святую Богородицу. Больше всего выигрывали в моей стране простые тараканы, потому что их уничтожали, не называя это уничтожением, а называя это «контроль насекомых». «Дай-ка я тебя проконтролирую», – говорил уничтожитель уничтожаемому, и уничтожаемый в первый момент думал, что это что-то другое, и даже как-то комфортнее себя чувствовал. Но потом, уже опрысканный, видя угасающий лучик солнца этого мира, догадывался – нет, всё по-старому – уничтожили. Но всё остальное время уничтожающий говорил слово «контроль» и уничтожаемый себя успокаивал – «а ведь не убийство», «авось и пронесет», «а может, это что-то другое, может, контроль – это даже хорошо?» Не говорите, что люди не стали умнее за последнюю завершающуюся на днях вечность.

Кстати, я легко докажу, что вечность кончается сегодня. Не верите? Правильно. Пытливый ум ничего

на веру не принимает. А у вас ведь ум пытлив? Не так ли? Ну вот и хорошо, что пытлив. Итак, вечность кончается сегодня, потому что всё, что было, к сегодняшнему дню закончилось, а что будет, тоже уже закончилось, но только наоборот. Не нравится – ну что ж, вы тогда точно житель моей страны. Жители моей страны все очень умеренные и никогда не идут на жалкие подтасовки со временем. У них просто нет на это времени.

В провинции, в которой никто не жил, проживало много существ, не считающихся жителями, они там много находились, разбивали временные пристанища, но даже оставаясь в этой местности столетиями – постоянными жителями не считались. У них были одноразовые дома, одноразовые мысли и даже одноразовые души, потому что вечером они все эти предметы быта выбрасывали, а утром брали из пачки новые. Поскольку потребность в таких товарах была высока, дорогими и сложно выработанными они производиться не могли. Поэтому всё было тут дешёвенько, но добротненько. Встанешь, бывало, достанешь новенькую душу из пачки, сорвешь упаковочку и напялишь на себя плотненько так. Хорошо, чисто, удобно. И как раньше не догадывались, что одноразовые души гораздо чище, экономичнее и здоровее, чем старые, поношенные, многоразовые? Открытие произошло перед последней мировой войной, когда армия закупила пятьдесят миллионов одноразовых душ.

Эффект был потрясающий. Ни давки, ни суматохи. Всё чисто, как в образцовом морге. Одноразовые мысли оказались не менее ходким товаром и оздоро-

вили большую часть нездорового населения, а здоровое население и вовсе стало таким здоровым, что его впору «контролировать», а то слишком зажилось – сидит по кафетериям, на «мерседесах» разъезжает, длительность жизни больше, чем у средневзятого государства. Хорошо, что еще у них память одноразовая, а то совсем конфуз бы обозначился.

Итак, одноразовые мысли всем пришлись по вкусу. Сначала их продавали в старомодных коробках, под названием «Пресса». Но когда начало свое шествие всеобщее новое пришествие по имени телевидение – мысли стали паковать по десять, двадцать пять и пятьдесят штук в удобных пачках, и думать их стало легко и быстро. Народу нравилось, а стране и подавно. Интернет дал еще более удобную упаковку по сто штук с десятью мыслями о сексе в подарок.

Человеку с одноразовой душой и одноразовой мыслью больше не требовалось долго укореняться на своей земле, и особенно, поскольку жилище его всё время сносили, потому что решили считать провинцию необитаемой, то вскоре согласился житель на одноразовый дом, в чем никогда и не раскаялся из-за одноразовой памяти, которая другой дом настоящий помнить не могла.

Большим открытием прогресса стало одноразовое дело жизни. Когда-то отсталые дикарики типа Галилеев и Бруно готовы были на костер за дело жизни. Это стало совершенно излишне, когда изобрели одноразовую совесть. Она не могла стыдиться за вчерашнюю подлость и поэтому всегда оставалась чиста, свежа и всасывала в три раза больше, чем могла переварить совесть в прошлые годы.

Одноразовое дело жизни меняли часто, считалось неприличным показываться с делом жизни, повидавшим виды. Дело жизни продавали в больших коробках с цветными этикетками – на них изображали целителей, ваятелей, политиков, писателей. Это было нерационально. Теперь вообще дело жизни продают в простых пачках, как мыло, и обозначают буквами: BA, MA, PhD – дело жизни бывает и с цифрами или даже просто без названия в дешевой упаковке с надписью: “What Are You Doing For Living.” с точкой в конце предложения, потому что в каждой отдельный день этот вопрос вполне решенный.

Больше всего жителям необитаемой провинции пришлось одноразовая вера. Покупаешь сегодня зеленую веру – завтра весь день зеленый, покупаешь красную – завтра красный, послезавтра – голубой. Коричневый цвет, правда, запретили, хотя его по-прежнему повсюду продают под этикеткой «Это не коричневый, даже если вам покажется, что коричневый». Коричневый тоже можно было получить, купив две разноцветные веры. Вы скажете: это не вера, а убеждения. Нет. В моей стране больше такие понятия не разделялись, с тех пор, как придумали одноразового Бога. Такой Бог оказался очень удобен в обращении. Во-первых, его можно стало покупать только несколько раз в жизни – ну там заболеешь если, или похороны, можно было вообще не покупать. Одноразовый Бог продавался теперь в пачках по три и ничего не помнил на следующий день, всех прощал, молчаливо на всё улыбался, и когда папа римский сказал, что в ад посылать уже не гуманно, то люди вообще успокоились и стали его хранить в ящике

ночного столика вместе с презервативами. А вы говорите, что люди не развились за прошедшую вечность? А вы говорите, что вечность не кончается сегодня? А вот вы послушайте еще.

Самый настоящий прогресс в необитаемой провинции начался, когда один химик из необитаемой лаборатории открыл одноразовую любовь. Эта любовь стала изготавливаться в пачках по пять штук с названием «Единственная любовь». Ее начали потреблять с самого розового и нежнейшего возраста, промышленность стала выпускать одноразовую любовь для подростков и даже для детей самого младшего возраста. Конечно, практически сразу в продаже появился одноразовый брак. Это было особенно удобно. Многие вообще стали обходиться без этой ненужной вещи и даже вообще покупали одноразовую любовь в интернете, что гораздо более современно, чисто и удобно.

Одноразовая жизнь в необитаемой провинции продавалась в виде реинкарнации по пятнадцать-двадцать штук, и ей пользовались жители необитаемой провинции вне зависимости от выбора одноразовой религии. Знаете, как удобно – вечером последователь Будды, утром – Христа, а на следующий день последователь какой-нибудь секты беспозвоночных.

Когда объявили одноразовую вечность, то необитаемую провинцию сначала расширили до размеров моей страны, потом моей страной оказалась вся земля, ну а когда в продажу поступило одноразовое мироздание, то моя необитаемая провинция расширилась до размеров вселенной и даже дальше,

на другие вселенные, которые теперь продают в пачке по десять штук.

Может быть, поэтому самое сложное теперь – это плести незатейливую ткань повседневной жизни?

ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ

Внутриутробное эссе

Дрожащий охотник – вот, пожалуй, взвешенное описание моего состояния. Я беспомощен в самых изначальных своих корнях, но внимательно высматриваю добычу. Неважно, что у меня нет очевидного оружия, прицела, курка, стрелы, тетевы, дротика. Ведь для закабаления жертвы вполне достаточно осознанного намерения. Сегодня мне открылось: мир – сплошное надувательство. Я протянул руку и взял первую случайную книгу, а у меня в библиотеке их, кажется, более трех тысяч... Выпало «Под сенью девушек в цвету» Пруста. Я люблю читать эпитафии, потому заглянул в биографию.. Дата смерти писателя – восемнадцатое ноября... Вот тут-то окружающий хитроумный мир и просчитался, ведь сегодня именно восемнадцатое ноября и есть. И не стоит вдаваться в дебри проштрафившейся статистики, – вероятность такого совпадения ничтожна настолько, что у меня более нет сомнения: мир – сплошное надувательство. Что я почувствовал, поняв это? Вы знаете – ничего. Мне, в общем, всё равно. Глубинно, разительно, безбрежно всё равно. И пусть в панике носятся по углам взлохмаченные эльфы, оттого что я разоблачил их небрежного хозяина – Санта Клауса ли, Господа Бога ли, просвещенного ли барина Вселенной, – неважно. А важно то, что нечего вешать мне лазанью на нос.

Этот мир – надувательство, и я никто не

заставит меня поверить в обратное. Надувательство, и никак не наоборот. С тем же успехом я вполне мог бы отворять двери цветов и краснеть при одной мысли о нежной тычинке. С тем же рвением я мог бы оказаться потерянной девочкой, у которой больше не осталось надежды быть найденной и которая, исплакавшись, обреченно и устало засыпает на холодной земле. Я понимаю, что память дается нам в подарок – безвозмездно на первый взгляд, но постепенно мы начинаем ощущать истинную цену этого подарка. И неважно, сколько имен человек мог бы дать радуге, важно то, что я более не склонен полагать, что Пруст – гениальный автор. Он умер в день, когда мне пришла случайная блажь открыть его книжку. Вот и все, что мне интересно в нем.

И каменное прикосновение нашей всемогущей планеты к моим ступням более не кажется мне следствием всемирного закона обалдения. В запахе льда я не нахожу забытого ощущения простоты и недвойственности мира. Последними крыльями я не бью по опустевшей пыли. Ведьмы охотно заполняют вакансии ангелов и уже не веруют в собственное исправление. А я – назойливый эмбрион, растущий вниз головой в чреве родной женщины. Мне больше незачем питаться твердой пищей и заказывать у собственного повара яйца побенедиктински, этот шедевр, возникший именно в результате разоблачения повторяемости наскучившего бытия. Чтобы сотворить этот гастрономический шедевр, в выпечку в форме короны последней императрицы добавляют кусочки розовой плоти свиньи, сверху помещают сваренное

в мешочек яйцо без скорлупы и, залив все это голландским соусом, ставят в бездуховную духовку... Мне более не нужны все эти увеселения. Я пуст. Я – не Пруст. Меня питает моя среда. Я веду внутриутробное существование, завоеывая предназначенное именно мне и не принимая во внимание присутствия иных носителей пуповин.

Я – мечтатель, погруженный в шелк околоплодных вод. Я – влажный поцелуй разбурявшегося на осеннем ветру отца. Так ли важно знать, что именно представляет собой наша видимая, подарочная упорядоченность? Несомненность совпадений выдает наличие глубинного сна, в результате которого я сам могу настраивать свое зрение на желаемую остроту: вот предметы молочно-необрисованны, а вот я словно бы удлиняю линзу и получаю четкие очертания растущих изумрудов собственных глаз.

Я – кошка, ожидающая награды за свою пушистость. Я – всполохи пламени собственного рабства. Я – цветник малозначительных слов, из которых наутро вырастает жесткая щетина бытия. Я – бриллиантовый ребенок, чью будущую жизнь уже записали на стелах египетских храмов. Мне всегда казалось, что все древние культуры пропахли запахом одиноких слез. Я твердо решил, что когда появится необходимость, я обязательно буду мочиться сидя, даже если мне выпадет родиться самцом или любым иным эквивалентом рассадника пестиков. В своей будущей жизни я буду заниматься любовью так нежно и так неиздержанно-обстоятельно, что всякий раз, когда природа будет ликующе заглядывать мне в лицо, я буду

умиротворенно улыбаться ей в ответ: «Не волнуйся, я не растратил свое семя понапрасну, изливаясь в бесплодные полости... Я все сделал, как ты хочешь. У тебя будет еще много подобных мне сорванцов-футболистов, на которых ты можешь проводить свои неэтичные эксперименты».

Если бы природа подала прошение в современный этический комитет, она никогда не получила бы разрешения на процесс размножения, ибо он в корне неэтичен. Обмен внутренней средой и, хуже того, соками нарушает целостность нашего одиночества, а потому представляет собой образец самого жестокого обращения с человеком. Этим запретом природу зарубили бы на корню. Она рыдала бы в подсобке и утиралась дурно отпечатанными протоколами. Ведь одиночество является главным законом внутриутробного существования.

А как же близнецы? А как же конкурирующие ростки жизни с бессмысленным умножением уже существующих рецептов? Зачем нужны пародии, эти жалкие помахивания недоразвитых фаллосов? Нет, мадам Афродита. Мы обойдемся без соквартирников. Я одинок в своей внутриутробности, как всякий одинок в собственном сне.

Змеиная череда рождений прерывает нашу внутриутробную задумчивость. Что обнаружим мы снаружи этих живых стенок? Очередную революцию с эшафотами, наскучившими даже ей самой? Светлое будущее в ананасовом сиропе? Или просто ветреный мир, в котором селятся прохладные ночи в окружении степенно

умирающих лун? Подхалимствующие волны, лижущие пятки любому страннику? Сначала я мучался подобными вопрошаниями, но потом перестал вглядываться в порхающие бабочки парусов. Какая разница, что утаил от нас невидимый, а посему не вполне полноценный кудесник?

В моем потресканном воображении я нанимаю такое количество прислуги, что она давно уже с трудом справляется с обслуживанием самой себя. Во внутриутробном состоянии деньги не имеют значения. Сейчас можно позволить себе все, что потом, в *послеутробной* жизни, будет сложно обрести. Я предпочитаю нанимать людей разных рас. Что может быть прекраснее сознания, что твое драгоценное существование поддерживается международными усилиями? Меня немного раздражает, что китайцы отказываются понимать мой говор. Они, по всей видимости, считают, что во внутриутробном состоянии не пристало говорить по-китайски. Иногда я настолько перевозбуждаюсь своими нововведениями, что мне хочется побыть одному. Глубинно я понимаю, что я и так один, но зыбкие образы окружающих укоризненно смотрят мне вслед, и я не знаю, куда от них спрятаться. Трудно остаться одному, когда пуповина связывает тебя с другим человеком. Пусть с матерью, пусть с женщиной, пусть с существом бесконечно обжитым, но все же иным, с какими-то своими вкусами и предпочтениями. Когда, например, моя мать занимается любовью, меня порядочно трясет. Что-то тупое и настойчивое колотится мне в затылок, и я твердо решаю: как только соизволю

родиться, сообщу всем и вся, что ребеночку неприятно, когда его беспокоят подобным возмутительным образом!

Жаль, что внутриутробность не предполагает наличия окон. Хотел бы я этим жарким возлюбленным заглянуть в глаза. Эти самые украденные у нас окна могли бы скромно и без излишнего кривлянья пролить свет на то, что окружает нашу околоплодность. Говорят, что священные книги очень жестоки. Совокупность насилий и извращений, заключенная в них, вполне могла бы посоревноваться за место в копилке литературных ценностей преисподней. Еще говорят, что пророчества, записанные в священных книгах, — чушь. Более того, утверждают, что пророками вообще называли всего лишь уличных певцов... Просто ошибка в переводе. Ибо сказано в священном тексте: «Он еще немного попророчествовал под звуки арфы», а что именно он напророчествовал — не сказано. Наскоро проглоченные мной ангелы могли бы подтвердить мое предположение, но они проглочены и потому насупленно молчат, рассевшись по углам моего еще несформировавшегося желудка. Одинокие звезды пророчеств прячутся за теньями, отбрасываемыми цветами обветренных поцелуев ночного полета. Падающая волна плотского желания жить разбивается о блеклые намеки забытого возвращения в этот мир невидимых шипов. Сила небес не сулит мне возможности зарыться в всполохи женщины. Я сам являюсь женским началом, ибо пока и, возможно, навсегда составляю единое целое со своей матерью, я, скорее, ее орган,

чем отдельный, одетый в костюм плаценты, индивид.

Мерный огонь загадки моего пока не состоявшегося бытия отражается в одиноком оке нечи. Но неисповедимы пути прошлого. Смерть нерожденных мыслей практически столь же скучна, как и опасность внезапного исцеления, пришедшая от волны мотыльков, знаменующих собой пробуждение, столь похожее на смерть.

В том-то и заключается влажная сила снов эмбриона. В них – и украденная история, и поцелуи сквозь слезы, и иллюзия плача, и предчувствие жизни, пройдушей на краю рыданий.

Нам, внутриутробным постояльцам, не дозволяют заводить домашних животных. Не знаю, с чем это связано. Возможно, с требованиями стерильности внутренней среды, а может, просто в силу ханжеского отношения к потребностям кандидата в новорожденные. Вот если бы каждый эмбрион имел возможность завести, скажем, собачку или котенка, ну, пускай даже в их эмбриональном виде, – насколько бы нам всем было веселее отбывать свой внутриутробный срок! Хорошая собака – прекрасное средство от одиночества.

Я обожаю разделять свое внутриутробное пространство на маленькие комнатки и закутки. Ведь именно с деления пространства и началось сотворение мира. Бесконечность – слишком неподатливый материал, чтобы вылепливать из нее миры. Я, уподобляясь пока

непознанному мной творцу, принимаюсь строить стенки и перегородки, выделяя места для

все большего количества сотрапезников. Я люблю, когда за моим столом много людей. Конечно, тут не обошлось без моих прежних жизней. Я не знаю, кем я был. При акте зачатия душу строго-настрого предупреждают, чтобы она ни одним своим шевелением не открывала секрет своих прежних перевоплощений. От этого даже кажется, что все эти переселения душ – всего лишь очередное проявление того надувательства, которым представляется мне мир. Но душу не обманешь... Она-то помнит мои патриархальные корни. Я уже сиживал в этом длинном зале, и мы вместе поедали вкусную, хотя и простую пищу. Вот только установить, точно ли я был во главе стола, или же мое настойчивое сомнение решило, что именно я был во главе, – теперь уже различить невозможно. Я совершенно не помню своих прежних имен. Это тоже часть всеобщего надувательства. Многие полагают, что в имени, как и в расположении звезд, таится судьба человека. Я думаю, что она таится в нас самих, и, как ни называй это скопление желчи и костей, которое мы именуем собственным «я», – никакой разницы не будет. Все равно время все поправит. Время найдет нам верные клички, причем такие, от которых, знай мы их заранее, нам, внутриутробным, захотелось бы удавиться пуповиной или пойти на немедленный самопроизвольный аборт.

Легенды, словно деловые муравьи, копошатся в моем сознании, но я не в силах выудить из них никакой морали. Мне кажется, что если я еще немного времени проведу взаперти, то уже останусь здесь навсегда.

Я хочу на волю. Мне душно здесь, в пространстве между желудком и полостью таза. Я верю в то, что на воле гораздо больше новостей, и они имеют свойства или даже способность создавать иллюзию реальной жизни. Там убили, тут изнасиловали... Вот он, запах реальности! Что может быть свежее и неповторимее?

Сегодня ангелы устроили по моему поводу худсовет. Сели рядком и давай рассматривать мои конечности.

– Худоват! – проворчал один из членов.

– Мда... – пробурчал другой.

А я им по-свойски так ответил, с юморком, мол, поле есть мир, жатва есть кончина века, а жнецы суть ангелы. Как там у нас дела с урожаем? Не пора ли, мол, вам отправляться сеять да пахать, пахать да сеять? Комбайн потом жух-жух-жух... хлебушек свежий... Хорошо! Мне очень голодно... Дайте, ангелы мои, вы мне хлебушка... хоть корочку пососать... Ведь сами говорите, что исхудал!

– Худоват! – согласился строгий ангел и выключил свет сознания у меня в голове.

Очнулся я только на следующий век, когда за стенкой живота, в котором я пробавлялся внутриутробной, оказался новый день, но мне было неизвестно, что на свете существуют светила, что темнота проистекает от внутренней пустоты, а вовсе не от того, что является обязательной составляющей бытия. Оглядевшись, я понял, что ангелы ушли пахать. Я снова был один, и материнское сердце грохотало колоколом, словно там пряталась быстроглазая путаночка Рашель,

убившая мопассановского пруссака по прозвищу мадмуазель Фифи...

« – Я! Я! Да, я не женщина, я – шлюха, а это то самое, что и нужно пруссакам». Между прочим, еврейки – плохие проститутки. Они слишком много утруждают головной конец своего тела, причем не применяя его для непристойных усад, а засоряя его бесконечным бредом патриотизма... Конечно, протухшей в своем антисемитизме Франции другого защитника не найти, кроме еврейской проститутки. «...Но в ту минуту, когда он снова занес руку, она, обезумев от ярости, схватила со стола десертный ножичек с серебряным лезвием и так быстро, что никто не успел заметить, всадила его офицеру прямо в шею, у той самой впадинки, где начинается грудь. Какое-то недоговоренное слово застряло у него в горле, и он остался с разинутым ртом и с ужасающим выражением глаз. У всех вырвался рев, и все в смятении вскочили; Рашель швырнула стул под ноги лейтенанту Отто, так что он растянулся во весь рост, подбежала к окну, распахнула его и, прежде чем ее успели догнать, прыгнула в темноту, где не переставал лить дождь. Две минуты спустя мадмуазель Фифи был мертв». А эта Рашель, смотавшись, поселилась в сердце моей матери, где, как в колокольне, стала дрочить неказистый язычок колокола... Глупо, пошло, отвратно... А мы, внутриутробные, вынуждены говорить «ах!», принимать покорную позу плода и восхищенно прислушиваться к колокольному звону материнского сердца. Между тем «колокол стал звонить ежедневно; он трезвонил, сколько от него требовали. Порою он даже начинал одиноко

покачиваться ночью и тихонько издавал во мраке два-три звука, точно проснулся неизвестно зачем и был охвачен странной веселостью.

А там, наверху, на колокольне, в тоске и одиночестве, жила несчастная Рашель, принимавшая тайком пищу от кюре и пономаря»...

Вы никогда не занимались любовью на колокольне? Я думаю, в этом и была истинная причина самопроизвольного звона... Неужели и в этом сюжете не обошлось без привычной платы любовью за пищу и пищей за любовь? Странно... в обоих случаях всё получает женщина... Какая же тут коммерция? И сколько можно обожествлять проституток, втапывая в грязь девушек честных и, по всей видимости, почти целомудренных? Отдаться врагу, как в «Пышке», – геройство. Не отдаться врагу, как в «Мадмуазель Фифи», – тоже геройство. Вывод прост... Самое главное – стать проституткой, и благородство помыслов и чистота порывов вам обеспечены. Надо где-нибудь записать эту мысль... Жаль, что внутри утробы бумага размокает. Итак, если мне выдастся родиться девочкой – нужно обязательно стать проституткой. Потому что только у проститутки есть шанс спасти Францию, а тем самым встать на одну планку с единорогом – животным, символизирующим единорожность... И еще не забыть, что если мне выдастся родиться единорогом, то все равно нужно попытаться стать проституткой.

Триумфальная зима рано врывается в наши профессиональные души. Все происходит настолько внезапно, настолько невзначай, что мы даже не успеваем приблизиться к смеющимся воротам,

ведущим наружу, в лоснящийся мир безвременных забастовок. Я готовлюсь стать целителем девичьих сердец, неся им в качестве ласкового оправдания украденную сказку целомудрия. Моя бесплодная околоплодность обладает явной магией водной среды. Я с obsессией змеи готов выползти на всеми восхваляемый снег. Моя мать – башня исцеления, уходящая в рабские небеса. Мое зачатие – рабство поцелуя. Сломанное время скручивает себя в кольцевой мост, по которому мне предстоит пройти. Целительные шипы впиваются в мои голые плюшевые пятки. Я вглядываюсь в сумерки потока и читаю в них умирающие имена. Ведь смелость волн вырывает из нас последний плач, который считается в том, ином мире плачем первым. Тяжелые языки пламени, обугливая нас, выталкивают всю нашу собранную в кулачок суть в последнее окно, туда, где нас с нетерпением ждут подмигивающие секреты. Туманные пророчества тонут в море внутриутробных снов. Корабль идет курсом на пока отсутствующий свет, но колдуны прошлого уже растолковали нашим родителям, что вот-вот наступит их встреча с вечностью, с природной скудностью позывов, со скарденностью тел... Мои родители, эти склизкие рабы прикосновения. Оболочка моей матери – содрогающийся шелк, который я поспешу ощутить своими несмелыми, блуждающими пальчиками. Рождение – есть смерть наоборот, а смерть – это мрачный целитель. Ее спасительная сила отодвигает в сторону надежды на туманную месть. Горящие змеи простуд улетучиваются в чью-то ночь. Миры ангелов остаются позади. Если бы нам стала

известна тайна рождения ангелов, мы принялись бы за критику процесса нашего рождения.

Земное время тикает во мне чуть ли не с самого момента моего зачатия, в котором я оказался пассивной стороной. Мое желание жить еще не означает, что внеутробный мир является достойным местом, как наличие кошачьей лейкемии у зеленого дельфина еще не значит, что он более не дельфин. Когда мне повстречается приятная особа, я обязательно вызову у нее ответную страсть. Я буду стоек, как гвоздь, упрям, настойчив и верен своему намерению не упустить шанса наградить себя потомством. Я тоже вовлеку себя в триумvirат зачатия, в котором главная сторона пассивна, хотя именно ей суждено превзойти своих предвосхитителей. Я не какая-нибудь свинья-перфекционистка, чтобы строго выбирать девическое лоно. (Нужно все же не забыть на досуге ощупать, какого же я в конце концов пола; ну, предположим, что мужского, так сподручнее.) Пусть у нее будет веснушчатое лицо и обветренные губы. Пусть она – не само совершенство. Пускай ее грудастая свастика указывает на молокососный настрой природы.

Я все равно подойду к ней походкой денди, и скажу слегка развязно:

– Excuse me, do you mind if I stare at you for a minute? I want to remember your face for my dreams⁵, – ведь денди непременно изъясняются на этом немного металлическом языке улыбок и

⁵ Извините, вы не возражаете, если я поглазею на вас с минутку? Мне хочется запомнить ваше лицо для своих снов (англ.).

неискренних туманов.

Она, как водится, отвернется от меня и сделает вид, что источника внезапно выплеснувшегося на нее остроумия просто не существует. Но я буду непреклонен. Я выдам ей все секреты своих пеленок, я увлеку ее в бессмысленное изобилие острот, в потрескивающий лес намеков, и она ответит на мое пиратское вождение благосклонностью, как в противоречивой комедии.

Отчего в эпоху, в которую мне предстоит жить, отменили целомудрие? Если бы не женская извращенность, мир был бы свободен от множества опасностей. Если бы не мужское сладострастие — мира бы и вовсе не существовало. Перед своим уходом из небытия я спросил у Христа, а как бы Он поступил, если бы тогда, после того как он произнес, что, мол, кто без греха, пусть первый бросит в блудницу камень, и все разошлись, — как бы Он поступил, если бы эта падшая женщина попыталась его совратить в качестве благодарности? Он улыбнулся мне, как только Он умеет улыбаться, и сначала ничего не ответил, а потом сказал:

— А ты как думаешь?

— Я отлупил бы ее палкой... — ответил я, не найдя ничего лучшего. Испробуй демонов на крепость, пока они не испробовали тебя...

— А я не стал бы ее бить... Я объяснил бы ей, что это не нужно...

— А если бы она продолжала приставать?

— Я бы повернулся и ушел...

— А если бы она стала мстить Тебе за свое спасение? А если бы она подослала к Тебе убийц?

– За что?

– За то, что Ты лучше ее. За то, что Ты ее спас. Потому что она презирает себя и ненавидит всех, кто сделал ее такой. Потому что вокруг секса вечно вертятся апокалипсические мальчики.

– Я никогда не навязывал миру новой правды. Я лишь указывал новое направление...

Вот из-за этой беседы мне и пришлось отправляться служить еще один срок на земле. Не нужны были все эти разговоры. Софизм не в чести на небесах. Теперь мне придется собирать навозный доход, хотя и говорят, что деньги не пахнут. Да и что в конечном итоге явится навозом? В моем понимании различные гибриды сыров могут пахнуть не лучше кучи дерьма. А посему я сажусь на взволнованный экспресс в ожидании отбывания юности, я верю в свою воображаемую способность приспособливаться, я водворяю свое тельце на избранный плот, на котором срывание скорлупы оголяет мое ничтожное совершенство. Вслед мне приветливо машет рукой Высший Никто. Он – мой единственный лиричный друг, я его очевидный раб и ленивый адвокат. Передо мной расстилается утомительная карта внеутробной жизни. Я ищу на ней недостижимое зерно, тот самый взволнованный объект, за стремление к которому меня, возможно, ожидает ад... И стоек в своем намерении снова все попробовать на зуб, открыть братский сезон охоты на обнаженное пробуждение. Я, как Прометей, готовлю свою систематично разрушаемую печенку для изготовления паштета. Впереди меня – неуязвимая река, в которой плещется вечно вопрошающая религия. Я озираюсь вокруг и не

вижу ничего, хотя зрение мне уже дано.

– Quiconque a peint cette maison etait aveugle⁶, – бормочу я в раздражении и, озираясь назад, к вечно машущему мне Высшему Никто, язвительно вопрошаю: – De quoi est mort votre dernier esclave⁷?

– Все от того же... все от того же... – отвечаю я сам себе. Он умер от жизни. Нет ничего более вредного, чем сам процесс существования.

Мне становится страшно в утробе матери. Мне кажется, ее начинают наполнять привидения.

– Ich weigere mich, in dem alten verspukten Schloss zu schlafen – ich habe Angst vor Geistern⁸! И все же я засыпаю. Засыпаю от страха.

Вообще нужно сказать, что я – катастрофический оратор. Часто и натужно путая языки, я хватаюсь в словесной агонии за какой-нибудь не востребуемый девиз и обращаю самого себя в неопытную версию спасителя. Спасенный город нуждается в янтаре. Атомное сближение его жителей сначала вызывает отталкивание, а потом такое притяжение, что уязвимая анархия лопается по швам.

Совість обращается в товар вежливого экспорта. Меня занимает благотворительная борьба с целым списком моих алфавитных коллег, лжепророков со стажем, мошенников, осужденных по 159-й статье Уголовного кодекса.

В Колизее дикие звери по-прежнему

⁶ Тот, кто выкрасил этот дом, был слепым (*фр.*).

⁷ От чего умер твой последний раб? (*фр.*)

⁸ Я отказываюсь спать в старом заколдованном замке. Я боюсь привидений (*нем.*).

разрывают диких людей.

Во мне живет скорбящий ужас о жертвах Помпеи, в то время как историки находят доказательства группового секса с гладиаторами. Они обнаружили скелет богатой женщины в окружении восемнадцати скелетов с развитой мускулатурой. Вывод ясен. Вулкан застал их в самый разгар оргии. Хотя мелким шрифтом ученые признают, что откопанная комната полна сундуков с пожитками, и, возможно, в эту гладиаторскую казарму просто набились люди, ищущие спасения. Поскольку секс не имеет костлявых воплощений, теперь одному сатане известно, что произошло в этой несчастной купели смерти. Секс – странный императив. В нем кроется симулированное сходство со смертью, убийством, насилием. Отчего это так? Почему не ассоциировать секс с жизнью? В нем всегда находятся неизвестный обвиняемый и беззащитный голубь. Комнату заполняет безответственный веселящий газ, толпящийся под окном шантаж замирает в ожидании последнего, жадного удара содрогающегося гвоздя. Наш грядущий союзник, словно безграмотный гость, видит в наших мыслях, как в книгах, только источник дурного украшения стен в жилище. Он не понимает, зачем нужны все эти разукрашенные корешки.

Расслабленный женский треугольник испускает оригинальное приветствие, и нецензурные основы соития перетекают в серую ссору, в недельную ненависть, пугающую стирательную резинку, в которой бьется незначительный ребенок, так и не увидевший ускользающий

полдень. Может быть, здесь погибла какая-нибудь новая, незадокументированная порода человека, или просто носитель некоего целительного зевка, который Вселенная еще не имела чести лицезреть?

Слова лжепророков – опасный мед. Здесь наиболее уместно рекомендуемое чаще всего поражение без боя. Все сказано до нас, и эта истина, как гетеросексуальный овощ, насилует наши неокрепшие души. Упрямое зрение читателя выискивает грешную иронию, бычий клубничный десерт, таинство рождения минотавра, прекрасно отработанную автобиографию, которой могли бы позавидовать легенды всех разведчиков подлунного мира и преисподней.

Но мне все нипочем. Я плод, который еще не рожден. Я не могу быть виновным, как, впрочем, не могу считаться и вполне невинным или хотя бы формально оправданным. По ночам (а в утробе ночь тянется круглые сутки) мое лунатичное напряжение заставляет меня сжимать и разжимать пальчики, словно мной руководит безответственная пунктуальность, словно я ищу древнюю вилку, чтобы расковырять себе путь наружу и совершить этот асинхронный прыжок в никуда, именуемый рождением. Частичная глубина моего океана не позволяет мне нырнуть до конца и убедиться в его экзистенциальной бездонности. В таинстве рождения живой плод всегда является победителем, едва не стертым ластиком, победителем, которого встречает столь некомпетентная погода земной атмосферы.

– Добро пожаловать на Землю, – пробормочет мой растерянный отец. Он все еще полагает, что

является постоянным примером нетерпимого хозяина.

Я точку свой еще непроклюнувшийся,
неуравновешенный зуб на всё, что может прийтись
мне не по нраву. По-земному неблагодарный
рассвет освещает меня, и я оказываюсь всего лишь
отвлеченной точкой с запятой...

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ВСЯЧЕСКИХ -ИЗМОВ

И дались нам эти -измы...

(Вместо предисловия)

Трудно найти явление или мысль, которые бы не уместились в прокрустово ложе какого-нибудь «-изма». А возлежание на прокрустовом ложе, как водится, чревато укорочением либо головного, либо ножного конца покоящегося, а потому не рекомендовано идеям, страдающим непомерной широтой толкований. Достоевский как-то отметил, что «прежде, например, слова “я ничего не понимаю” означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и с гордостью: “Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве” — и вы тотчас же ставите себя на отменную высоту. И это особенно выгодно, если вы в самом деле ничего не понимаете»⁹.

Нынче человечество перешагнуло через этот барьер трепетного великомудрого непонимания. Теперь «не понимать» уже немодно. Это «непонимание» было лишь ранним симптомом наступления всеобщей «-измизации» человеческого мышления. Ярлыки, конечно, ярлыкам рознь, но посудите сами, разве есть что-нибудь, что могло бы уютиться в вашей купели сознания, что не подпадало бы под какой-нибудь потрепанный или новоявленный «-изм»?

⁹ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1994. Т. 12. С. 6.

После грубого деления мотивов поведения всего человечества на садизм и мазохизм оставшиеся после эдакой классификации явления могут быть отнесены к «садо-мазохизму» — разумеется, в широком смысле этого цветистого слова. Боюсь, что за пределами этого всеобъемлющего понятия приютится лишь малое число невятно обрисованных побуждений.

Со времен Фрейда такое деление наших мотиваций было достаточно распространено, хотя недавно заправила наших душ все-таки дозволили нам несколько усомниться в эдаком упрощении, что все сущее имеет лишь желания, столь приходившиеся по вкусу Маркизу де Саду и Леопольду фон Захер-Мазоху.

Торжествующие «-измы» лишают нас способности мыслить, погружая нас в моря несчетных штампов. Теперь человеку негоже заявлять: «Я ничего не понимаю»... Гораздо удобнее шлепнуть очередной штемелек пошленького «-изма» — и дело в шляпе. Больше не о чем говорить, незачем спорить, бесполезно возражать. Всё — припечатали, и точка. Так и этот мой бранный труд упакут в удобную гробницу какого-нибудь «-изма» и презрительно сплюнут в качестве прощального слова. А хуже того, присудят ему привычное звание «-мании», вроде графомании, например, и более не нужно будет протирать очки, тратить внимание на буквочки и запятые, а просто, по-военному гаркнув: «Самовлюбленный графоман!» припечатать меня уже окончательно, без права на переписку, без надежды на забитого

слушателя, боящегося поднять глаза в толпе клеймящих пересмешников.

А я все равно пройду по списку «-измов», невзирая на бесплодность моих замыслов докричаться до редкого, но столь искомого мной читателя, которому так же, как и мне, претит быть лишь единицей поголовья, стертым номерком в морге современной бессмысленности, в котором покоится последняя надежда на то, что мы – существа, достойные большего, чем усталое самопрезрение и взаимный *переплѐв*...

Вот уж воистину все эти -измы с их однозначными, но в то же время и со столь противоречивыми толкованиями даны нам Сатаной, как то самое пресловутое яблочко, жалкая подачка, как слабая надежда оправдать в глазах Бога вялого грешника, якобы запутавшегося в определениях.

Заранее предупрежу тех, кто ищет в этой книге сплошных приколов. Ирония – это фигура речи, в которой истинный смысл скрыт или противоречит смыслу явному, а вовсе не является поводом для залихватской *ржачки* до боли в животе. Ирония создает ощущение, что предмет обсуждения не таков, каким он кажется. А ведь в этом и заключается моя задача. Чтобы снять завесу с зашоренных глаз, чтобы прекратить мостить «-измами» путь человечества в тартарары, именно и нужно взяться за иронию как инструмент самоочищения от падали современного повсеместного *тело-вещания*, которое обращено именно к телам, а не к душам. Ведь ироническое мировоззрение – это состояние души, позволяющее

не принимать на веру расхожие утверждения и стереотипы и не относиться слишком серьезно к различным общепризнанным ценностям – в том числе и к самому себе...

Абсолютизм

Абсолютизм – это вовсе не алкоголизм, вызванный неумеренным потреблением шведской водки «Абсолют», несмотря на то, что водку эту изготавливают по старинным, более чем четырехсотлетней давности, рецептам, лелея каждую бутылочку, каждую пробочку, и не иначе, принимая во внимание тот факт, что одно из необратимо утерянных апокрифических Евангелий начиналось вовсе не словами «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн 1:1–3), а залихватским постулатом «В начале была водка...».

Именно поэтому Бог в некоторых стыдливых философских измышлениях именуется Абсолютом, а посему тут недолго скатиться и до понимания абсолютизма как алкоголизма, каковым он хотя и не является, но ввиду взаимосвязанности всего со всем, конечно, не исключает некоторую степень опьяненности властью, которую признавал даже лапонька Ленин, заявивший после Октябрьского переворота: «Ах, как голова кружится от власти!»¹⁰

Ах, вот в чем дело! Значит, вначале была власть, которая и закрепила за собой право абсолюта быть

¹⁰ Точнее, он сказал: «Какой резкий переход: из подполья – к власти, у меня кружится голова».

абсолютно правым. Но что есть власть? Это проявление воли, не встречающей достойного сопротивления, а также потенциальная возможность эту волю проявить, в то время как окружающие послушно склонят буйные головушки на плаху, и у тех, у кого от власти кружится голова, все время чешутся руки кому-нибудь ее отрубить, и они не смущаются применять это надежное средство, радикально помогающее от головокружения.

Вообще странно, что природа водрузила у людей голову на такое уязвимое место – шею. Ведь шея тонка и ненадежна, она, как водится, просит то веревки, то топора. Куда удобнее было бы расположить голову в заднице, но природа самовластна, ибо сама по себе является абсолютom, а посему не нам ее учить, а то она не преминет проучить нас... А все, что нам остается, – это тихонько помалкивать, вкушая философский напиток жизни. Недаром те же скандинавы зовут свою картофельную водку «Аквавит», что в переводе значит «живая вода».

Если отойти от замыленного смысла абсолютизма и вернуться к его корням, а именно к самому «абсолюту», граничащему с «совершенством», невольно вспоминаются альбигойцы с их попытками решить проблему зла: мол, как же так, раз Бог всемогущ, зачем же он позволяет все те безобразия, что творятся на нашей земле? Утверждая сосуществование двух основополагающих начал – доброго божества (Бога Нового Завета), создавшего дух и свет, и злого божества (Бога Ветхого завета), сотворившего материю и тьму, альбигойцы пришли к совершенно

естественным выводам, что ангельские души были созданы добрым божеством, а грехопадение привело к тому, что Сатана заключил их в темницу тела. Вот почему земная жизнь есть наказание и единственный существующий ад! Словно в подтверждение эдакой нестерпимой на католический вкус ереси альбигойцев нещадно уничтожили, а абсолютизм стали приписывать не совершенству, а каждому ублюдку, которому посчастливилось удавить конкурентов по дороге нисхождения на трон. Именно нисхождения: ведь на троны как раз не восходят, а нисходят, ибо нет ничего более растлевающего душу, чем дурная, необузданная и, в общем, никому, кроме самого властителя, ненужная власть.

Некоторые философствующие недотепы пытались определять абсолютизм как всякую философскую систему или верование, утверждающие совершенную достоверность и непогрешимость познания или любой другой способности. Однако политики довольно скоро поправили расшалившихся мудрецов, или, точнее, мудрствующих шалопаев, и безвозвратно уволокли сей термин в политическую сферу, где абсолютизмом стали именовать абсолютную власть, то есть сей термин стал применим к правительствам, которые не признают никаких правовых, традиционных или моральных ограничений своей власти. В этом смысле понятие абсолютизма не всегда относится к какой-то конкретной форме правления, поскольку любая форма может располагать безграничной властью.

Снова мудрецы надули нас с определениями. Бывают монархи, которым вроде бы все позволено, но они и близко не пользуются своей неограниченной властью, а иной раз какой-нибудь гном-горемыка всех исподтишка ужокошит, залезет по вертикали власти и так начнет управлять самым что ни на есть свободолюбивым государством, что можно уверенно гасить в этом государстве свет, закрывать ставни, завязывать глаза и затыкать рты, чтобы, не дай бог, в голову по-прежнему свободных жителей не просочилось ни полушки света, а наружу не вырвалось ни всхлипа, ни полвсхлипа...

Ах, как кружится голова у нашего гипотетического гнома! Оттуда, с самой верхушки этой пресловутой вертикали, видны даже самые отдаленные селения могучего народонаселения, а ему все дозволено, и вот он уже не чувствует себя гномом, вот уже ветры, которые ранее пугали нашего озлобленного малыша, угрожая его смести, наоборот, дуют только по его велению, облака играют друг с другом в прятки исключительно по его высочайшему соизволению, и даже звезды появляются на небе в строго предписанном тюремным уставом порядке. Обшмонать небесные светила! Что может быть завиднее и восхитительнее? Наш гном готов парить над нашими головами, и мы уже не видим иного абсолюта, чем эта многометровая фигура ГНОМА, взмывающая ввысь и в нашем сознании, и наяву. И вот уже рождаются поколения сопливых юннатов, которым и не мыслится иного мироустройства. Проходит целая эпоха, но природа берет свое, Великий Гном превращается в горстку праха, и

когда все прозревают и хотят, наконец, насладиться *настоящей свободой*, государство снова скатывается в дебри междоусобиц, точно по теории Гоп-Стопса, а точнее, господина Гоббса: «война всех против всех». Томас Гоббс уверял, что единственный способ обеспечить мир в каждой стране – это ввести абсолютную верховную власть. Ведь в природном состоянии человек волен делать все что угодно, однако вряд ли может насладиться свободой, поскольку каждый из окружающих его людей располагает не меньшей степенью свободы. Единственный выход – чтобы люди договорились между собой и подчинились власти, которая заставила бы человека жить согласно договору и соблюдать мир. В результате этого гипотетического общественного договора возникает суверен, очередной Великий Гном, обладающий абсолютной властью, воля которого является единственным источником закона, поскольку справедливость определяется как соблюдение требований морального обязательства.

Авантюризм

Хвала авантюризму! Не слушайте тех, кто, брызжа слюной и прочей жидкостью, поносит инициативных нахрапистых мечтателей! Именно благодаря им мы стали людьми. Хорошо это или плохо – вопрос уже другого плана, но так или иначе без здоровой толики авантюризма не движется ни одна шестеренка истории... Пускай в этой истории авантюристы не всегда будут на первых ролях. Им на смену придут благомысленно шмыгающие

носами бюрократы, но авантюристам всегда останется кусочек белесой целины, неосвоенного края, влекущего головные отряды искателей плена мелтешения. А что, если попробовать иначе? А что, если осмелиться и сделать так, как здравый смысл поступать не велит? Сколько счастливых открытий и прозрений принесли эти устремления... Сколько горьких жертв и похоронных процессий вместе с тем они накликали на голову несчастных Икаров...

Нынешняя эпоха, как и всякая другая купель времени, не празднует авантюристов, хотя, впрочем, им на это наплевать. Крохоборческая медлительность им не по духу. Если нам следует быть во всем своем образе подобными Творцу, то на роду нам словно бы написано – «Будьте авантюристами», ибо невозможно сотворить мир, не уповая на собственную значимость и способность делать то, чего не делали ни до тебя, ни после, что требует непомерной наглости и выразительности, светлой памяти и сосредоточенного ума, чувства меры и неумеренного оптимизма, футуристических возжеланий и праздничной игры воображения – короче, всего того, чем и обладает наш изящный в своей простоте и неприхотливости Создатель. А то как же? Давайте посмотрим на себя в зеркало, и сразу станет ясно, что такие рожи мог создать только очень неприхотливый в своих эстетических притязаниях Бог.

Люди учатся не замечать авантюризма своих собратьев, ибо, как выражались (тоже по-своему очень древние) римляне: «то, что

позволено быку, вовсе не позволено бифштексу», хотя и то, и другое имеет в своей основе близкую по духу субстанцию. Это плохо поддающееся толкованию древнеримское высказывание может означать следующее: «поздно бодаться, когда из тебя сделали котлету»...

Несчастные пророки христы да заратустры. Им вкладывают в уста всяческие бренности о благе или вреде власти, и всегда – о безбрежности человеческого естества. Слабо соотносящийся со своим, да и с любым веком Ницше шептал сухими губами великих и, как и всякий умалишенный, свято верил в подкрадывающееся к нему чувство прозрения, пробуждения, отчужденности и в то же время всеобщей причастности. «Но наконец изменилось сердце его – и в одно утро поднялся он с зарею, стал перед солнцем и так говорил к нему: “Великое светило!” ...» А кто из нас однажды, встав с утра, не разговаривал с Солнцем после того как с вечера, впотьмах, не рассуждал, что это «Великое светило» – лишь ничтожная, заурядная звездочка в супергалактическом выводе звезд? Кто из нас подспудно не ощущал нестерпимого позыва авантюризма, заставляющего предполагать, что мир – лишь неудавшаяся игра нашего больного воображения? Впрочем, отчего же больного, ведь если я один, то нет болезней, ибо хворобу можно выявить, лишь сравнившись со здоровым... Иначе любая аномалия покажется нормальной. Так, может быть, и вся наша Вселенная больна или, попросту говоря, ненормальна в каком-то своем основополагающем устремлении? Недаром

нам не дано вникнуть в существование иных вселенных, и сделано это не иначе для того, чтобы стал невозможен критический подход к единственно возможному миру, имеющемуся у нас в наличии.

А если бы Бог сошел с ума, как бы мы могли об этом узнать? Как бы Он сам мог себе в этом признаться? И разве же в этих вопросах не заключается высший, сокровенный шарм авантюризма?

Таким образом, авантюризм заложен в самом составе Вселенной. И неважно, нравится это населению или нет: поголовный авантюризм нынче снова начинает входить в моду, приближая эру Неизбежного Всеобщего Авантюризма. Это как раз то самое время, когда каждому что ни есть заброшенному сантехнику придется соображать и выискивать необычные пути починки тропоподобных отхожих мест, чинно восседая на коих, мы проводим лучшие моменты наших медитаций.

Так что же являет собой здоровый авантюризм? Насколько следует его терпеть? До какой степени он здоров и полезен, и что уже находится за гранью? Где кончаются свежесть помыслов и фейерверк инициатив и начинаются безответственность, непросчитанные риски, напрасно загубленные души?

Авантюризму следует учиться, как и всякому иному виду деятельности голобрюхих, плавно отпочковавшихся от рода питекантропов... Невозможно ожидать, что человек, которого в течение всей его текучей посредственности

пытались расстрелять за каждый шаг в сторону, научиться задаваться простым, как мудрость незашоренного глаза, вопросом: «А что, если попробовать по-другому?» Этот вопрос, подобно привычке оглядываться при переходе улицы, может значительно продлить жизнь. Вот чему нужно учить детишек в школе. Не повторять наши затрапезные глупости, а задаваться вопросами: «А что, если?..»

Ну, тут на меня набросятся блюстители традиций... Они скажут, что хватит дурманить молодому поколению голову. Что допробовались и до- изобретались, и что нам только великих революций снова и не хватает.

На это нечего возразить. Конечно, такие перемены никого счастливее не сделают. Но я боюсь, революции происходят как раз не оттого, что авантюристов поощряют, а оттого, что их преследуют и третируют.

Мне возразят, что чем терпеть авантюризм Гитлера, лучше всю жизнь ходить пешком, не подозревая о возможности создания автомобиля или аэроплана. Но дело в том, что всякое действие имеет свой знак, и подобное возражение несостоятельно, потому что у Гитлера авантюризм сочетался с прекрасно отлаженной бюрократией его концентрационных лагерей. Авантюризм здесь вообще ни при чем. Конечно же, удобно развешивать ярлыки и припечатывать на лбы штампы. Хорошему живому авантюризму нужно учить и учиться. Ведь решение большинства неразрешимых проблем лежит где-то рядом, они сосуществуют с нами в будущем, откуда их так

легко достать, если задаться вопросом: а что, если?...

Альтруизм

Альтруизм – это эгоизм на уровне семьи, общины, рода, человечества... Делая благо другим, всегда совершаешь благо себе. А эгоизм, в некоторой мере, это альтруизм по отношению к самому себе, если достаточно от себя отстраниться и начать относиться к себе как к чужому человеку. Какое бредовое рассуждение, не правда ли? Все, что хорошо другим, хорошо и мне... А как же насчет жертвы каннибалов? Самцы, стоящие ближе всего к корыту с кормом, хочешь не хочешь диктуют нам свое понимание альтруизма. Они навязывают кажущийся им единственно возможным язык – язык жратвы и размножения, которое считается абсолютным благом, но в общем бессмысленно, если его не объяснять себе и даже тем, кому до нашего стремления размножаться нет никакого дела. Если нет Бога – все дозволено. Если Бог есть – ничего нельзя. Сиди под кустом да помалкивай. Высшая форма альтруизма – это не дать себя съесть проголодавшимся собратьям, а найти *союзный* нашему Богу путь, именно такой путь, который оправдывал бы наше ковылянье вдоль мировой стрелы времени, неизбежно сонаправленной с термодинамикой кипения чайника. А отвечая на вопрос о причинах незавидного состояния нашего мира, всегда

можно пожать плечами и веско произнести:
«Наверное, мы плохо молимся...» Во всяком случае, должно быть что-то одно из трех. Либо мир вполне нормален, либо Бога нет, либо мы просто плохо молимся...

Хотя, впрочем, Бога не может не быть, особенно если он нам необходим. Природа и прогресс дали нам все, что нам необходимо, для того чтобы мы могли свободно и восторженно предаваться различным разновидностям альтруизма, но самцы по-прежнему отпихивают друг друга от корыт, а самки подсиживают друг друга на службе, в чем, собственно, и состоит все уникальное содержание современной человеческой жизни.

Зачем природе нужно столько человеческих костей? Почему ей было не остановиться на анатомии и эмбриологии низших морских животных и моллюсков? Если выдалось тебе значиться человеком, так изволь тянуться к познанию и любви, и в этой тяге и будет проявляться истинный альтруизм, оправдывающий не только человеческое стадо, но и прочие проявления мирских кошмаров. Неважно, кто *нашаманил* нам эдакую судьбу: Высшие светлые силы в виде испытания или силы темные в виде опять же испытания, или мы попросту брошенные на произвол судьбы недоноски, ожидающие конца света, как праздника, лениво проводящие время в рассуждениях об альтруизме.

Так или иначе, не только в альтруизме вещей, но и в альтруизме идей нам следует найти свое

истрепанное и, казалось бы, никому уже не нужное кредо.

Американизм

Представьте себе, что на свете есть страна более американская чем сама Америка. Правда, невозможно себе такое вообразить? Америка в ее современном виде не готова на вторые роли. Давно прошли времена умеренного изоляционизма и провинциального шарма. Они остались в учебниках истории да обстоятельных томиках Марк Твена. Ядерный арсенал в сочетании с отсутствием достойных противников и вовсе развратили и без того нахрапистую Америку. Теперь в любом ее слове сыщется намек на пренебрежение и их мужлан-президент говорит об Английской Королеве в третьем лице в ее присутствии, стоя к ней спиной, в шутливой форме называя ее старой матушкой, и та скромно терпит, сглатывая королевскую слюнку.

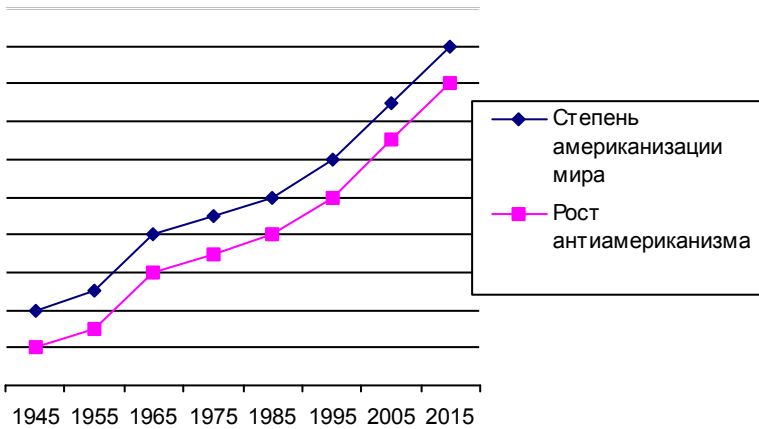
Американизм – это не просто совокупность признаков одной культуры случайно выбранной мачехой историей из сонма других культур. Американизм не случаен. Он символ нашей эпохи, и никуда от этого не деться.

Недаром Америку ненавидят и почитают за Римскую Империю, ждут не дождутся, когда стада варваров наконец ворвутся в ее стольные пределы, забывая, что за этим неизбежно должны последовать века мрака, ибо Америка всех тянет вперед, кого силком, кого из чувства уязвленного самолюбия, а кого и просто из вечного духа

противоречия, возникающего в ответ на проявление любого лидерства.

Сначала американизмом называли только словечко «О-кей!» да еще пару тройку неказистых слов проникнувших в чужие языки, но теперь американизмом можно наименовать всякое стремление к шапкозакидательству, бескомпромисное стремление к непрерикаемому лидерству и просто фанатическую жажду материальных благ, которыми уже никто не успевает попользоваться, как на смену им приходят другие блага и соблазны... И так до бесконечность, до полного смыкания замкнутого круга потребительства основанного на согласии быть вечно соблазняемым, развращаемым и неодухотворенным.

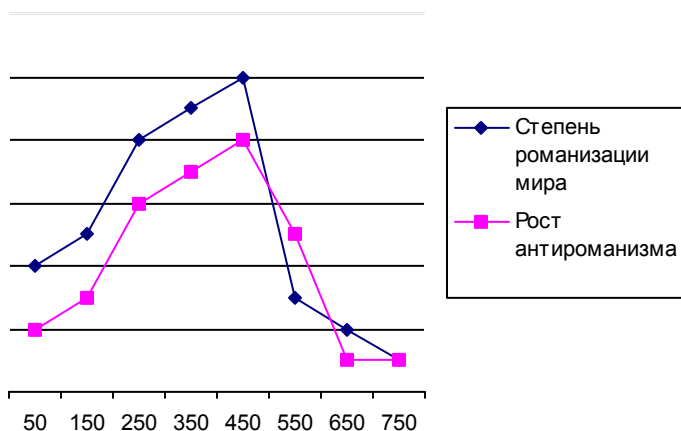
Политики разных стран поют под одну сурдинку, что американизм являет собой монополярность, и тем неизбежно превращается в тупиковую ветвь развития человечества. Но деньги и ядерный потенциал, а также упорная и покорная армия держат критиков в узде, и если на просторах мировых конфликтов Америку поносит кто как может, то при непосредственной встрече с этим новорожденным гигантом мировой истории все стеснительно потупляют глаза.

Все чего-нибудь от нас хотят. Радикальные исламисты хотят, чтобы мы кутали наших жен в чадры, а сами босяком не коврике молились на Меку. Радикальные Американисты требуют, чтобы мы позволяли женщинам шастать нагишом, и при этом не обращали на них никакого внимания. Чего они еще хотят от нас? Чтобы мы пили Кока-Колу? Этот культовый напиток со вкусом нераспробованного средства для полоскания рта в зубоучебном кабинете.

Отметая всевозможные насмешки над прямолинейной дуболомностью американизма, все же стоит отметить, что если где и творится история на этой планете, строятся заводы, изобретаются чудеса, так это в странах подхвативших словно грипп славную долю американизма.

Неизвестно, почему нас всегда предлагаются делемы, почему духовность исключает комфорт, а жажда деятельности обязательно должна быть корыстной?

Антиамериканизм в моде. Трудно найти интеллигента в самой Америке, не говоря уж о Европе, чтобы он не питал неприязни к целой грозди проблем, которыми подкают мир Соединенные Штаты. Страшно и не уютно в мире, где крупнейшей державой могут править недалекие и грубые дилетанты. А дело совсем не в этом. Американизма, как впрочем и американизма на самом деле нет. Это просто элементы все той же идеологической борьбы, которая питает амбиции и карманы закулисных заправил. Как и всякий половозрелый –изм американизм профинансирован и создан по указке определенных сил, потому что, по совести говоря, нам ведь совершенно до лампочки какая нынче власть клубится над миром. Не то что бы нам на столько хорошо, что интерес к глобальной политике, так сказать улетучился без следа. Просто нам все равно какие в очередной раз в моде идеологические подоплеки. Мы зрим в корень, и не видим ничего, кроме жажды слабого

опрокинуть сильного, который в свою очередь желает не позволить этому случиться.

Америка очень сильна, еще весьма здорова и активна, и пока в других странах кому-то скучно, а кому-то не охота, Америка настойчиво и подробно кует свое сомнительное счастье.

Говорят, что в политике, как и в физике, всякое действие рождает противодействие. Не даром Сартр не доверял точным наукам. Однако в механике проявление противодействия обусловлено третьим законом Ньютона, а вот в политике оно обязательно проплачено заинтересованной группой, и вовсе не является постоянной силой.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ЧТО ТАКОЕ КУХОННАЯ ФИЛОСОФИЯ?	23
(ОТ АВТОРА)	23
ПРОЩЕНИЕ КАК	24
СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ СВОБОДЫ	24
НЕВОЗМОЖНОСТЬ ПОЗНАНИЯ ДОБРА И ЗЛА	27
ЭВОЛЮЦИЯ ВСЕЛЕННОЙ В НАПРАВЛЕНИИ ЛЮБВИ	33
ИНОГДА ПРОСТО ХОРОШО БЫТЬ	42
ИЛЛЮЗИЯ ПОКОЯ И УМИРОТВОРЕНИЯ	44
О СВОБОДЕ ОТ СТРАХА	54
ЧУВСТВО ДОМА	55
ТЕРРОРИЗМ ЕСТЬ НЕ ПРИЧИНА, А СЛЕДСТВИЕ	57
ОЧЕРЕДНОЙ ФИЛЬМ: КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?	67
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. КАК ЭТО НИ СТРАННО.	69
СВЕТ	73
ТЬМА	77
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО	78
ИНТУИЦИЯ	85
СТРАСТЬ К ОКРУЖЕНИЮ СЕБЯ ПРЕКРАСНЫМ	86

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОСТИ ИДЕИ	87
РАЗРУШЕНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЗИДАНИЯ	97
СОВЕСТЬ – СТЕРЖЕНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОРАЛИ?	107
ДИАЛОГИ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ –	113
ЭСТЕТИКА ПОИСКА ИСТИНЫ	113
В ЧЕМ БЫЛ ПРАВ ИЛИ НЕПРАВ КАРЛ МАРКС	118
БУДУЩЕЕ РАЗВИТИЕ ИСТОРИИ	135
ПРИРОДА СОВРЕМЕННОГО ВАРВАРСТВА	173
ПОБЕДА САТАНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?	190
ЗОЛОТОЙ ВЕК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	220
МОДЕЛЬ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА	228
ОТМЕНА ОБЩЕПРИНЯТОГО ПОНЯТИЯ ВРЕМЕНИ	255
ПОЕДИНОК ЧЕЛОВЕКА СО ВРЕМЕНЕМ	268
ОСОБЕННОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ	273
В ВОСПРИЯТИИ ВРЕМЕНИ	273
ОГРАНИЧЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА И СОЗНАНИЯ В ПОСТИЖЕНИИ И ОПИСАНИИ МИРОЗДАНИЯ И ПОНЯТИЯ ВРЕМЕНИ	287
ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РАМКАХ	294
НОВОЙ МОДЕЛИ МИРОЗДАНИЯ	294
ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ОПРАВДАНИЯ БРЕННОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ	299

ПИСАТЕЛЬСТВО	310
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА БУКВУ «А»	314
ЗАЧЕМ НУЖНО РАЗМЫШЛЯТЬ НА БУКВУ «А»	316
АБАЖУР	317
АББАТСТВО	319
АББРЕВИАТУРА	321
АБИССИНСКИЙ	323
АБИТУРИЕНТ	325
АБОНЕМЕНТ	330
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА БУКВУ «Б»	332
БАЛАГУРЫ	332
БАРДАК	335
БЕГСТВО	339
БЕЗНРАВСТВЕННОСТЬ	341
БЕССМЕРТИЕ	345
РАННИЕ РАССКАЗЫ	348
ФАНТАЗИЯ О ЗАМКЕ СИНИХ ДУХОВ	350
РОСКОШЬ	365
ЛУЧШЕ НЕ ЗНАТЬ	368
ЗАПАХ СОЛИ	376

РАЗВОД	381
ВЕЧНОСТЬ КОНЧАЕТСЯ СЕГОДНЯ	389
ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ	396
РАЗОБЛАЧЕНИЕ ВСЯЧЕСКИХ -ИЗМОВ	415
И ДАЛИСЬ НАМ ЭТИ -ИЗМЫ...	415
АБСОЛЮТИЗМ	418
АВАНТЮРИЗМ	422
АЛЬТРУИЗМ	427
АМЕРИКАНИЗМ	429

